

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 1 (110) / 2021

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, Е. А. Булат, А. Н. Гордей, Е. А. Гапанович,
Е. Г. Задворная, Т. В. Поплавская,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Казими́рова О. В.</i> Вариативность речевого поведения говорящего в дискурсивном пространстве англоязычного медиатекста	7
<i>Ковале́ня А. В.</i> Отражение национально-культурной специфики в авторских сравнениях, выражающих степень качества (на материале русского и турецкого языков)	14
<i>Курило Н. А.</i> К вопросу о национальной специфике значения лексической единицы (на материале английского и русского языков).....	21
<i>Лойша М. М.</i> Структурно-семантические характеристики личностного нарратива	26
<i>Руденко Т. Н.</i> Конфронтация и кооперация во вдохновляющей речи.....	33
<i>Толкачёва О. В.</i> Описание пути перемещения в пространстве при помощи дирекциональных предлогов (на материале немецкого и русского языков)	38

Романское и германское языкознание

<i>Борзенец С. Е.</i> Лингвокультурный концепт «glamour» и его объективация в американском варианте английского языка	48
<i>Котик Т. С.</i> О семантике и функционировании сложных наречий с формантами <i>hin</i> и <i>her</i> (на материале немецкого языка)	55
<i>Куценко Н. В.</i> Средства выражения косвенных побуждений высокой степени имплицитности (намёков)	64
<i>Манько Н. И.</i> Вторая и вторичная предикации как средства репрезентации элементарной признаковой ситуации	71
<i>Овсейчик Ю. В.</i> Дифференциация противительных отношений в семантике союза <i>mais</i> 'но' (диахронический аспект).....	77

Исследования славянских языков

<i>Жаўняровіч П. П.</i> Рэдактарская праўка словаформаў назоўніка: варыянты склонавых канчаткаў.....	88
---	----

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Челик Джабраил.</i> Современная лексикография: становление, статус, направления развития	96
--	----

Литературоведение

<i>Даниленко И. В.</i> Интертекстуальность в историографическом метаромане Мишеля Турнье «Лесной царь»	102
<i>Лапцёнак І. Б.</i> Функцыянальная адметнасць мастацкага перакладу як з’явы нацыянальнай літаратуры ў «Гісторыі беларускае літаратуры» Максіма Гарэцкага.....	108
<i>Мелех Е. А.</i> Образ Берлина в творчестве поэтов Фридрихсхагенского круга	115
<i>Таран Л. А.</i> Пераадоленне ўласнай гісторыі: венская <i>Hassliebe</i> ў аўстрыйскай літаратуры другой паловы ХХ ст.....	122
<i>Яо Юань.</i> Концепция «американской мечты» в глазах американских писателей китайского происхождения.....	128
<i>Наши авторы</i>	134

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Kazimirova O. V.</i> Variability of the Speaker's Speech Behavior in Discursive Space of the English-language Media Text	7
<i>Kovalenia A.</i> The Reflection of National and Cultural Specificity in the Author's Comparisons Expressing the Degree of Quality (on the material of the Russian and Turkish languages)	14
<i>Kurilo N. A.</i> The Meaning of a Lexical Unit and its National Properties (on the material of the English and Russian languages)	21
<i>Loisha M. M.</i> Structural and Semantic Characteristics of Personal Experience Narrative.....	26
<i>Roudenko T. N.</i> Confrontation and Cooperation in Motivational Speaking	33
<i>Tolkacheva O. V.</i> Description of the Path of Movement in Space with the Help of Directional Prepositions (Based on German and Russian languages).....	38

Romance and Germanic Linguistics

<i>Borzenets S. E.</i> The Concept of «glamour» and its Representation in American English	48
<i>Kotik T. S.</i> Semantics and Functioning of Compound Adverbs with the <i>Hin</i> and <i>Her</i> Formats (based on the German language).....	55
<i>Kutsenko N. V.</i> Means of Expressing Indirect Statements of a High Degree of Implicitness (Hints).....	64
<i>Manko N. I.</i> Second and Secondary Predications as Ways of Representation of an Elementary Attributive Situation	71
<i>Auseichyk Y.</i> Differentiation of Adversative Relations in the Semantics of the Conjunction <i>mais</i> 'but' (Diachronic Aspect)	77

Slavonic Languages

<i>Zhauniarovich P. P.</i> Editorial Correction of Word Forms of Nouns: Variants of Case Endings.....	88
--	----

Applied Linguistics

<i>Gebrail Chelik. Modern Lexicography: Formation, Status, Directions of Development</i>	96
--	----

Studies in Literary

<i>Danilenko I. Intertextuality in Michel Tournier's Historiographic Metanovel <i>The Erl-King</i></i>	102
<i>Laptsionok I. B. Functional Peculiarities of Literary Translation as a Phenomenon of National Literature in the <i>History of Belarusian Literature</i> by Maksim Haretski</i>	108
<i>Melekh E. A. The Image of Berlin in the Lyrics of the Friedrichshagen Circle</i>	115
<i>Taran L. A. Overcoming One's Own History: Viennese <i>Hassliebe</i> in Austrian Literature of the Second Half of the 20th Century</i>	122
<i>Yao Yuan. The Conception of "American Dream" in the Minds of Chinese Americans Writers</i>	128
<i>Our authors</i>	134

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

О. В. Казими́рова

ВАРИАТИВНОСТЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИАТЕКСТА

В статье отражены результаты прагмалингвистического анализа текстов англоязычного медийного эссе. В частности, установлены способы модификаций речевого поведения говорящего, обусловленные личностно-психологическими и прагматическими факторами. Описаны две ключевые формы исследуемого жанра: объективное авторское повествование и субъективное авторское повествование. На основе анализа языковых средств, служащих маркированными элементами повествовательных контекстов медийных эссе, выявлены две основополагающие установки, которые ориентированы как на социально-ролевое, так и на межличностное взаимодействие адресанта и адресата.

На современном этапе речевое поведение 1-го лица акта коммуникации (говорящего, адресанта), будучи сложным явлением, касающимся в большей степени объективной и субъективной сторон общественной жизни, входит в сферу исследовательских интересов ряда дисциплин, а именно лингвопрагматики, риторики, функциональной стилистики и др. (см. работы Ю. Е. Прохорова [1], И. А. Стернина [2], О. Н. Копытова [3], Б. Ю. Нормана [4] и др.). В поле зрения ученых оказываются проблемы качества речевого сотрудничества с коммуникативным партнером, выбора вариантов организации речи в разнообразных коммуникативных условиях. Общий подход, объединяющий существующие направления, обусловлен тем фактом, что *речевое поведение* трактуется как особая разновидность действий индивида, которые формируются посредством речевых поступков и базируются на применении языка, эксплицированного в речи [5; 6; 7]. Здесь, однако, следует подчеркнуть, что при общем объекте изучения каждая из наук выделяет в данном понятии стороны, актуальные и релевантные именно для ее задач, подходя к предмету исследования с позиций соответствующих теоретических постулатов и выработанного понятийного аппарата.

Так, в интересующем нас *прагмалингвистическом* аспекте анализа языка средств массовой коммуникации исследование речевого поведения говорящего предполагает набор речевых предпочтений адресанта, воздействующих на конкретного адресата в определенной ситуации. Вышесказанное предопределяет необходимость изучения речевого поведения автора как наиболее важного воздействующего механизма композиционно-речевой структуры медиатекста, эксплицирующего вариативный характер диалогических отношений с целевой аудиторией.

Целью исследования является выявление способов модификаций речевого поведения говорящего в современном англоязычном медийном эссе, сочетающем подчеркнута индивидуальную позицию автора и свободную манеру изложения. Выбор именно этого жанра в качестве исследования обусловлен, во-первых, усиливающейся персонификацией всех событий действительности как ключевой тенденции развития информационного пространства, что делает эссе на страницах периодической печати и электронных порталов одним из наиболее востребованных медиапродуктов [8]. Во-вторых, жанр эссе предполагает особое повествование от лица автора, определяющее создание такого образа и его черт, которые определяют тематическую значимость и стилистическое своеобразие издания в целом и рубрик в частности.

Материалом исследования послужили 30 текстов медийных эссе общественно-политической, экономической и культурной тематики, отобранных из цифровых англоязычных журналов «Time», «The Newsweek», «The New Yorker», «Reader's Digest», «The Atlantic» за 2020 год. Проанализированы контексты, содержащие речевые ситуации, целиком определяемые целью конкретного речевого поведения говорящего, что позволяет выявить механизмы эффективного использования языка в профессиональной деятельности публициста, объяснить формирование тех или иных его речевых проявлений.

Прежде чем обратиться к способам выражения 1-го лица акта коммуникации исследуемого жанра, следует подчеркнуть, что информация, представленная в повествовании англоязычного медийного эссе, зачастую оказывается качественно различной. В связи с этим считаем целесообразным выделить существующие аспекты сообщения: 1) презентацию собственно фактологической информации о действительности – диктум сообщения; 2) представление информации об отношении говорящего к сообщению – модус сообщения (термины предложены Ш. Балли); 3) представление информации о субъективном отношении субъекта речи к действительности (Г. Я. Солганик). Полагаем, что в зависимости от реализации вышеуказанных аспектов сообщения повествовательные контексты в эссе следует разделить на две основные группы: *объективное* повествование и *субъективное* повествование.

Анализ материала свидетельствует о том, что в объективном повествовании в рамках англоязычного эссе события излагаются в их временной и логической последовательности. В нем представляется диктальная информация, а информация об отношении субъекта речи к реальности и к сообщению о действительности отсутствует.

Объективное повествование является, в первую очередь, сферой реализации *денотативной* функции языка, например: *In a recent analysis of what it will take to win the Presidency in 2020, Teixeira and a colleague, John Halpin, pointed out that in November, 2016, whites without college degrees made up about forty-four per cent of the electorate, making them the largest single group, and Trump carried them by more than twenty points* (The New Yorker,

16.04.2020). В данном отрывке повествование характеризуется полным отсутствием тропов, использованием нейтральной и умеренно книжной лексики (*analysis, colleague, college degrees, the electorate, group, twenty points*) при опоре на глаголы речемыслительной деятельности (*pointed out*), состояния (*to win the Presidency, carried ... by*) и фразовый глагол (*made up*), что позволяет избежать расплывчатости и многозначности образов, добиться точности и объективности повествования, а также минимизирует когнитивные усилия адресата при восприятии сообщения.

Тем не менее в объективном повествовании может реализоваться и *эстетическая* функция языка, что обуславливает применение говорящим средств лексической изобразительности, а также всевозможных конструкций экспрессивного синтаксиса: *When Sanders appeared in a live-stream conversation with Biden, it looked like the digital-age equivalent of a battlefield armistice: two old warriors agreeing to unite against a common foe* (The New Yorker, 26.04.2020). В этом случае словосочетания *a live-stream conversation, the digital-age equivalent, a battlefield armistice, old warriors, a common foe* (в значении ‘недруг’, ‘неприятель’), имея определенный эмоционально-оценочный характер, выполняют воздействующую, экспрессивную функцию, а двоеточие служит средством разъяснения и дополнения того, что было сказано ранее.

По нашим наблюдениям, в объективном повествовании адресант, выполняющий роль связующей нити между изображенной действительностью и адресатом, может свободно занимать как *внешнюю*, так и *внутреннюю* точку зрения по отношению к излагаемым событиям. Так, в следующем фрагменте эссе адресант оказывается одним из действующих лиц, и этом случае повествование ведется от первого лица: *When I first arrived in Vegas, people didn't know as much about Asperger's as they do now, and some people didn't understand me or see how I could be an asset at work, especially since I didn't really talk much at first. I really like helping people, but it took me a while to get comfortable with the public...* (Reader's Digest, 26.04.2020).

Внешняя же точка зрения эксплицирует внешнюю позицию того, кто не принимает участие в действии; в подобном случае текст эссе представлен от третьего лица: *Seni Felic has already lived through a crisis. He came to America in 1994 as a refugee from the war in the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. He was 29 years old at the time and alone. These days, he owns a restaurant in San Francisco called Bistro SF Grill, and he is feeling optimistic despite the pandemic crisis* (Reader's Digest, 26.04.2020).

Исходя из результатов проведенного анализа, мы можем констатировать, что медийное эссе является одним из тех немногих жанров, в котором форма объективного повествования оказывается второстепенной и незначительной. Проанализированный материал свидетельствует о многочисленных примерах подобной организации текста. Объективное повествование зача-

стую используется в медийное эссе фрагментарно. Адресант лишь на какое-то время «удаляется» из повествования, а затем вновь заявляет о себе, подвергая вышеизложенное собственному осмыслению и оценке.

Вследствие сказанного, рассмотрим фрагмент, в котором автор поддерживает проводимую руководством страны политику, направленную на посткоронавирусное экономическое возрождение США: *As a practicing family physician I applaud the actions this task force has taken to follow the science and save lives. As Chairwoman of the Arizona GOP and a former two-term state senator, I equally applaud the president for taking great care to ensure the federal government empowers ... But as a physician, I ...* (Newsweek, 27.04.2020). Полагаем, что непрерывное «вторжение» личности автора вполне закономерно. Оно объясняется свойственной жанру эссе необходимостью в постоянной репрезентации субъективной социально определенной и одновременно личностной точки зрения говорящего (параллелизм конструкций, усиленный анафорическим повтором *as... I applaud* и наречием-интенсификатором *equally* (в значении ‘справедливо’, ‘заслуженно’) создает определенный ритм авторского повествования).

Субъективное авторское повествование характеризуется репрезентацией позиции адресанта на сообщаемые факты действительности. В нем все излагаемое преломлено в соответствии с особенностями мировосприятия говорящего и выражает присущую автору систему оценок действительности. Следовательно, субъективное авторское повествование, связанное с выражением не только диктальной, но и субъективно-оценочной информации, является сферой реализации как денотативной, так и эмотивной функции языка.

Поясним, что в эссе субъективное отношение говорящего к предмету сообщения может выражать:

- эмоциональное отношение автора – чувства и переживания, которые вызывают у адресанта названный предмет действительности и информация об этом предмете: *After writing and delivering so many heartfelt tributes over the years to my dear friend, the great playwright Terrence McNally, I have felt at a crippling loss for words when it comes to his recent passing due to the coronavirus. I have just felt gutted and heartbroken ...* (отрывок отображает негативное эмоциональное состояние автора в связи со смертью его друга, драматурга Терренса Макнэлли) (Time, 02.04.2020);

- интеллектуально-логическое отношение автора – оценку фактов по степени их релевантности и сообщение субъективного мнения говорящего о достоинствах и недостатках интерпретируемого явления: *Two months ago, when there were just a handful of COVID-19 cases in the U.S., it might have seemed preposterous to be organizing millions of tests. Now absolutely that action would be viewed as smart planning. We urgently need a national, coordinated effort – a war-time mobilization – to address ongoing needs ...* (в этом случае адресант размышляет о целесообразности и необходимости распространения тест-систем при борьбе с вирусной инфекцией для того, чтобы победить пандемию) (Time, 05.04.2020);

▪ уверенность/неуверенность автора в несомненности сообщаемого о действительности: *Even if the Internet itself stays stable, **there is no doubt, that ... it says an estimated 162 million Americans lack broadband internet at home. All this highlights the nation's digital divide, or the stark contrast in broadband internet access between different communities*** (говорящий уверен, что популяризация высокоскоростного доступа в Интернет может служить индикатором, указывающим на расслоение американского общества) (Time, 15.05.2020).

Таким образом, сказанное выше подтверждает неизменное присутствие форм *субъективного* повествования в жанре медийного эссе. Как следствие, субъективное авторское повествование может быть подразделено на два вида: а) адресант – участник или очевидец описываемых событий; б) говорящий повествует о событиях, участником и очевидцем которых он не является.

Первый вид субъективного повествования грамматически строится от 1-го лица, с использованием соответствующих форм местоимений и глаголов (т.е. эксплицитная репрезентация «я» говорящего). Этот вид характеризуется изображением событий с внешней точки зрения, например: *I'm trying to accept that the school I'm going to is where I am meant to be, but I feel like my accomplishments mean nothing now* (The Atlantic, 14.05.2020).

Второй тип повествования грамматически может образовываться как от 1-го лица, с ограниченным употреблением личных местоимений и глаголов 1-го лица, так и от 3-го лица, когда личные местоимения и глаголы, указывающие на производителя речи, отсутствуют, и субъективная определенность повествования формируется другими способами (т.е. имплицитная репрезентация «я» говорящего). Данный вид допускает проникновение во внутренний мир участников событий, которое, однако, нередко сводится к минимуму в зависимости от степени документальности сообщения: *People rarely change the story they've constructed for their lives; they rage, instead, trying to pound their lives back into the story line, often with sad results* (The Atlantic, 15.05.2020).

При выявлении особенностей речевого поведения говорящего следует отметить некоторую закономерность: в медийном эссе коррелируют оба вида субъективного повествования. Однако именно второй тип составляет основу исследуемого жанра (установлено в 20 текстах из 30), что объясняется спецификой его содержания: большая часть событий из жизни того или иного действующего лица недоступна непосредственному наблюдению адресанта. Отсюда следует, что «эффект присутствия» 1-го лица в эссе – это постоянное пребывание субъекта речи в повествовании, которое проникнуто стремлением автора оценить, интерпретировать излагаемое, осмыслить и обобщить факты действительности, а также уяснить их сущность. В конечном итоге это приводит к тому, что адресат вместо того, чтобы получить готовый результат, посвящен во все рабочие стадии познания адресанта как ведущий совместно с говорящим «поиск истины». Подобный

«поиск истины» в свою очередь осуществляется посредством использования речевых средств, способствующих реализации двух основных установок речевого поведения автора: установки на *социально-ролевое взаимодействие* и установки на *межличностное взаимодействие* с адресатом.

Так, установка на *социально-ролевое взаимодействие*, преломляющаяся в организации повествования авторской точки зрения, реализуется с помощью таких речевых приемов, которые обеспечивают постоянное контролирование повествования субъектом речи, актуализацию интеллектуально-логического и социально определенного отношения автора к действительности, оценку фактов по степени значимости, т.е. средств, которые ориентируют реципиента на необходимую оценку сообщаемого: *I waited for the lights to go out so that I could lose myself in a **magnificent, state-of-the-art** rock show. To my surprise, the band... kicked into the first song beneath their **harsh, fluorescent** glow... The **brilliant** move stunned the audience and began an **unforgettable** concert on a very **raw, personal** note* (The Atlantic, 17.05.2020). В данном случае адресант посредством пояснительных эпитетов *magnificent, state-of-the-art, harsh, fluorescent, brilliant unforgettable, raw* (в значении ‘чувствительный’) выражает восхищение исполнителями рок-концерта, который он посетил.

Позиция говорящего может быть выражена в больших отступлениях, рассуждениях, обстоятельных комментариях, к примеру: *I can deal with the monotony and limited cuisine of quarantine (**my lasagna game is on point! And I know that those of us who don't have to work in hospitals or deliver packages are the lucky ones**) but still, I'm hungry for ...* (The Atlantic, 17.05.2020). Созданная в результате экспансии вставная конструкция, оформленная графически в виде скобок, передает внутреннюю речь действующего лица и выражает мнение автора том, что счастливые люди – это те, кто не трудятся в курьерской службе или не являются медиками, работающими во время пандемии коронавируса.

Установка на *межличностное взаимодействие* с читателем достигается за счет особых форм обращений, которые могут указывать на социальную дифференциацию (*ladies and gentlemen, colleagues, friends*). Отметим также, что при социальном равенстве установка на межличностное взаимодействие может выражать личное отношение к реципиенту (*loyal readers, my dear friends, our dear sweethearts*). Здесь, как правило, позиция автора подается открыто и тенденциозно. Схожей функцией обладают избранные формы приветствий/прощаний (*my greetings, all the best, every happiness*), а также наречия-интенсификаторы (*indeed, undoubtedly, very, exclusively, perfectly*).

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что убеждающе-воздействующие интенции субъекта речи и ориентированность на реципиента обуславливают различные модификации речевого поведения говорящего в англоязычном медийном эссе.

Будучи основным способом речевой организации медийного текста, 1-ое лицо процесса речевой коммуникации, эксплицированное в конкретных коммуникативных ситуациях, актуализируется в англоязычном медийном эссе в виде двух ключевых форм: объективного авторского повествования (факт нейтрального отношения к событию) и субъективного авторского повествования (демонстрация личной позиции говорящего, заявляющего о себе, дающего указания реципиенту). Каждая из выявленных моделей речевого поведения содержит определенный набор языковых маркеров, несущих в себе дополнительные нюансы смысла и оценок, что, несомненно, усиливает предполагаемый перлокутивный эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохоров, Ю. Е. Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Е. Прохоров ; Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2006. – 38 с.
2. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия : учеб. издание / И. А. Стернин. – Воронеж : «Истоки», 2012. – 178 с.
3. Копытов, О. Н. Модус на пространстве текста / О. Н. Копытов. – Хабаровск : Хабар. гос. ин-т искусств и культуры, 2012. – 248 с.
4. Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего : от замысла к высказыванию / Б. Ю. Норман. – 3-е изд. – М. : Ленанд, 2018. – 232 с.
5. Седов, К. Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики. Язык и человек : сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1996. – Вып. 26. – С. 8–14.
6. Матвеева, Г. Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению / Г. Г. Матвеева ; Дон. юрид. ин-т. – Ростов-н/Д : Изд-во Дон. юрид. ин-та, 1999. – 82 с.
7. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий : варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М. : ЛКИ, 2007. – 176 с.
8. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 312 с.

The article is devoted to the study of key mechanisms of the speaker's speech behaviour in English media essays, caused by individual psychological and pragmatic factors: objective author's narration and subjective author's narration. The author comes to the conclusion that each of the identified patterns of speech behavior contains a certain set of language markers, which carry additional nuances of meaning and evaluation, which undoubtedly enhances the expected perlocutionary effect.

Поступила в редакцию 06.01.2021

А. В. Коваленя

**ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ
В АВТОРСКИХ СРАВНЕНИЯХ, ВЫРАЖАЮЩИХ СТЕПЕНЬ КАЧЕСТВА
(на материале русского и турецкого языков)**

Статья посвящена национально-культурным особенностям выражения степени качества в русском и турецком языках при помощи авторских сравнений. На основе проанализированных авторских сравнений делается вывод о том, что в выражении степени качества отображаются наиболее значимые для культуры смыслы и концепты.

Культура представляет собой систему символов, специфически человеческий способ познания, организацию и ментальное структурирование мира [1, с. 11–12]. Каждый тип культуры вырабатывает свой символический язык и образ мира, в котором получают свои значения элементы этого языка. Слова языка обретают в языке культуры особые символические значения (культурную семантику), которые надстраиваются над всеми прочими уровнями значения: собственно лексическим, лексическими коннотациями, экстралингвистическими коннотациями [2, с. 291]. По мнению сторонников когнитивной антропологии, в языке заключены все когнитивные категории, лежащие в основе человеческого мышления и составляющие суть культуры [1, с. 12].

Любая культура является процессом и результатом изменения, вживания в окружающую среду. Следовательно, культуры различных народов отличаются друг от друга в первую очередь не типом созерцательного освоения мира и даже не способом адаптационного вживания в окружающий мир, а активной поведенческой реакцией на мир. Деятельность субъекта в мире, таким образом, основывается на установках и предписаниях, извлекаемых им из культуры [Там же, с. 18].

Согласно Э. Сепиру, среда, в которой живет индивид, способна оказывать влияние на формирование его мыслей и выбор ключевых для культуры образов [3, с. 271]. Источниками для создания образов в авторских сравнениях могут служить природа, искусство, войны, бытовые предметы, сказки и мифы, наука и многое другое [4, с. 73].

Важным компонентом для выявления влияния окружающей среды в авторских сравнениях, выражающих степень качества, является оценка. Вербальная оценка представляет собой высказывание о ценности как предмете интереса, желания и стремления [5, с. 12]. Под качеством понимается нечто, благодаря чему предметы называются такими [6, с. 914]. Анализируя авторские сравнения, выражающие степень качества, необходимо четко разграничить, по каким параметрам проводится отбор материала. Согласно Е. М. Вольф, целый ряд признаков, которые могут двигаться по нарастающей или убывающей, располагается на оценочной шкале, предполагающей определенный предел выраженности признака [7, с. 48–49]. Для анализа были выбраны сравнения, относящиеся к двум крайним точкам

оценочной шкалы, то есть высшей и низшей степени интенсификации. В анализ были включены авторские сравнения на материале русского и турецкого языков. Выборка материала осуществлялась на основе национальных корпусов русского и турецкого языков.

То, что является ценным для одной культуры, может иметь противоположное значение в другой. Анализ авторских сравнений позволяет судить о том, какие качества являются ключевыми для русской и турецкой культур. Турецкий автор Неджати Улунай Уджузсатар в книге «Dağların Gözyaşları» (досл. «Слёзы гор») описывает поведение воинов перед боем: *Bazıları, tamamen kuşanmış, silahlı ve her an bir çatışmaya girecekmış ya da birini öldürecekmiş gibi dolaşiyor, bazıları evinde çocuklarının karnını doyurmak için çırpınan bir anaya benziyor ve bazıları da çevrelerindeki erkeklere hizmet ve kulluk etmek için yaratılmış bir kadın uysallığıyla görevini yapıyordu* ‘Некоторые были полностью вооружены и бродили, как будто собирались вступить в конфликт в любой момент или убить кого-то, другие были похожи на мать, которая порхала дома, чтобы накормить своих детей, а некоторые выполняли свою работу как послушная женщина, созданная, чтобы служить окружающим ее мужчинам’ (здесь и далее перевод наш. – А. К.) [8].

В приведенном примере используются два сравнения: *мать, которая порхала дома, чтобы накормить своих детей* и *послушная женщина, созданная, чтобы служить окружающим её мужчинам*. Интерес представляет собой второе сравнение, а именно глагол *служить*, используемый в отношении к женщине, и прилагательное *послушная*. В одном только сравнении автор описал традиционное отношение к женщине в турецкой культуре – послушная, созданная служить мужчине. Что касается русского языка и культуры, то подобные фразы и сравнения в русскоязычных источниках не встречаются. В турецких источниках приводится достаточное количество примеров, которые свидетельствуют о том, что женщина должна быть покорной и не противостоять мужчине (например, *karşı çıktığınızda sevilmeyen kadın oluveriyorsunuz* ‘когда вы противостоите, вы становитесь женщиной, которую не любят’) [Там же].

Сравнение воинов с покорной женщиной обусловлено религиозными убеждениями и традиционным взглядом мусульман на роль женщины в обществе. Коран гласит: «Мужчины являются попечителями женщин, потому что Аллах дал одним из них преимущество перед другими и потому что они расходуют из своего имущества. Праведные женщины покорны и хранят то, что положено хранить, в отсутствие мужей, благодаря заботе Аллаха. А тех женщин, непокорности которых вы опасаетесь, увещивайте, избегайте на супружеском ложе и побивайте. Если же они станут покорны вам, то не ищите пути против них. Воистину, Аллах – Возвышенный, Большой» [9]. Можно предположить, основываясь на приведенном примере авторского сравнения о воинах и покорных женщинах, что в турецкой культуре женщина должна подчиняться и служить своему мужчине, соответственно, одними из ключевых качеств являются послушание и покорность.

Ученый Э. Сепир пишет о том, что для того, чтобы любое явление в физическом окружении того или иного народа использовалось в качестве обозначающего символа, оно должно быть значимым для представителей этой общности [3, с. 272]. Соответственно, для того, чтобы то или иное явление или предмет было использовано в авторском сравнении, оно должно вызывать у автора интерес и быть значимым для него как представителя определенной культуры. Можно предположить, что предметы, явления, используемые в художественных сопоставлениях, отражают картину мира представителя определенной народности, и в них заключены ключевые концепты культуры, в данном случае – качества. С целью выявить национально-культурную специфику в авторских сравнениях, выражающих степень качества, было проанализировано 130 авторских сравнений в русском языке и 120 в турецком.

В табл. 1 и 2 представлены параметры для характеристики качеств человека и примеры сравнений.

Т а б л и ц а 1

Авторские сравнения в русском языке

Описываемое качество	Авторские сравнения ¹
Внешний вид человека	Лицо, немое, как амёба, любви немного источает мёда; голова лыса, похож на крысу; похож на царей небес волнистых, ты словно яблони цветы, когда их снег накрыл тяжёлый, словно отцветшая красавица, которой больно в зеркало смотреться, будто жар-птица привинченная, красив, как Пушкин, красива, как кленовая ива, прекрасна как лотос, розовеющий в каплях росы; прекрасна, как мраморный групп; прекрасна, как майское утро, прекрасна, как смирение и надежда; страшный, как сибирский медведь; рот, как мак на ветру
Физические данные	Высокий как тополь стебель/сосна среди сосен/как свая/ как бойцовый петух, низкий, как все дуэлисты и битые люди, будто восковая в каждом жесте, похож на плотный, крепкий, едва родившийся грибок, похож на мой станок, у которого согнулись плечи
Образ жизни	Как выжженный лист; истекаю тцетой, как река, последних своих рукавов, мы живём как водоросль, на дне смутностенного пустого неба
Характер/ поведение	Ведёшь, как два пьяные человека, подвыпивши, брудершафт выпивают, а потом друг другу «ты» стыдятся сказать, ведёт себя как капризный правитель мелкого княжества, ведешь себя, как девушка на ярмарке невест, судья похож на колесо – без сала вечно станет, а как подмажешь – перестанет; ты будто мха наелся
Умственные способности	Умный, как академик Тимирязев; умен, как день, глуп, как хохол, глуп, как резиновая калоша, а мерзости на трёх императоров и четырех архимандритов хватит

¹ Приводятся из Национального корпуса русского языка [9].

Авторские сравнения в турецком языке

Описываемое качество	Авторские сравнения ¹
Внешний вид человека	Maviye maviye çalar gözlerin yangın mavisine rüzgârda asi ‘мятежные глаза в огненно-голубом ветре’, çiçeklenen Bir zakkum gibi açılır gözlerin ‘глаза, как цветущий олеандр’, baktığı yerden ses getiren gözlerin ‘глаза, как стрела лука’, çiçeğim benim yorgun gözlerin, solgun yüzün yine sevdiğim ‘выглядит, как осенний цветок, с уставшими глазами’, gözlerinkorkulu düşlerin geniş halkası ‘копьевидные глаза’, kapanmış bir yarık gibi duran buruşmuş ağzıyla tıpkı kendisine benziyor ‘морщинистый рот похож на расщелину’
Физические данные/сила	Zavallı ve değersiz şu gövdesanki artık kullanılmayan eskimiş bir silahtı ‘бедное, уставшее тело было похоже на оружие, которое больше не использовалось’, çok güçlü, kolları kalın kalın, parmakları yaba gibi, boynu ağaç kütüğü gibi ‘очень сильный, его руки толстые, его пальцы как вилы, его шея как пень’, güzel bir kızdı ve o da babası gibi çetin cevizdi ‘фигура девушки, как и у ее отца, была похожа на грецкий орех’
Психическое состояние	Ruhumun siyahlığın egemenliğindeki boşluğunda sabahın yapraklara ve kuşlara sindiği, topraktan yaşamın kokusunun yükseldiği bir bahçenin penceresini açtın, ve o pencereyi kapadığında, çok güçlü bir ışığın ardından oda karanlığa gömüldüğünde duvarla gözler arasındaki mesafede şekiller oluşturup duran, kişiye özel ışıltılar gibi, mor bir yaşam oluştu yakınlığa en uzak bölgede ‘В пространстве моей души, где царит чернота, вы открыли окно сада, где утро сметает листья и птиц, и запах жизни из земли поднимается, и когда оно закрывает окно, образуется пурпурная жизнь, такая как личные блески, образующие формы на расстоянии между стеной и глазами, когда комната погружена в темноту, в моем самом отдаленном уголке
Характер	Dağda güçlü, köyde korkak, çoban ‘как пастух, сильный на горе, трусливый в деревне’; Gördüğünüz gibi, hepimizin birer kaşmir paltosu var, zaaflarımızın üzerini örten ve bizi her duruma karşı güçlü kılan yönümüzü süsleyen ‘Как видите, у всех нас есть кашемировое пальто, покрывающее наши слабости и украшающее наше направление, которое делает нас сильными в любой ситуации’

¹ Приводятся из Национального корпуса турецкого языка [8].

Проанализированные авторские сравнения, выражающие степень качества, в русском и турецком языках позволяют говорить о том, что во многих случаях такого рода художественные сопоставления имеют национально-культурную окраску.

Тексты воплощают в себе жизнь общества. И то, что относится к материальной культуре, общественным ритуалам и установлениям, отражает ценности, идеалы и установки индивидов, то, что они думают о мире и о своей жизни в этом мире [10, с. 14–15].

Судя по тому, какие элементы автор включает в художественное сопоставление, можно сделать вывод о том, что они являются значимыми для писателя и нации в целом. Примеры в каждом языке были разбиты на тематические группы, позволяющие выделить ключевые источники формирования образов для авторских сравнений (рис. 1, 2).

Рис. 1. Тематика авторских сравнений в русском языке

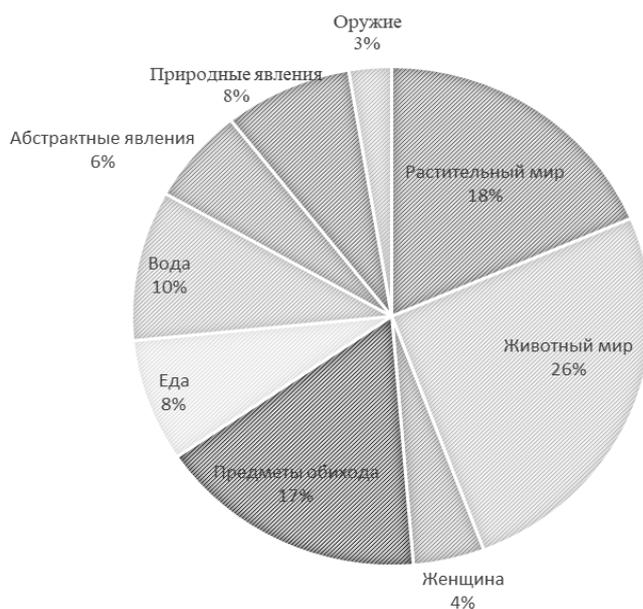

Рис. 2. Тематика авторских сравнений в турецком языке

Как видно из диаграмм, представленных на рис. 1 и 2, превалируют две группы в обоих случаях – животный и растительный мир, что еще раз доказывает предположение о том, что индивид, прежде всего, включает в свое высказывание то, что является частью физической среды, в которой он живет. Например, в турецком языке внешность человека (губы, глаза, привлекательность в целом) сравнивается с олеандром, розой, оливковым деревом, раkitником, грецким орехом, гиацинтом; в русском языке – с маком, ромашкой, васильками. Что касается животного мира, то в рассматриваемых примерах присутствует практически одинаковый набор животных, но оценка и отношение к ним не всегда совпадает, например, *свинья* в турецком языке вообще не употребляется в сравнениях, по причине того, что этот вид животного является грязным у мусульман, любое сравнение со свиньей является оскорблением. В русском языке слово *свинья* используется в сравнениях, но не имеет такой негативной оценки, как в турецком. Для смягчения высказывания может использоваться слово *поросенок*. В турецком языке негативную коннотацию имеет и слово *паук*: *Bütün hayatı ipekler dokuyan zehirli bir örümcek gibi geçti, kimse, hattâ belki kendisi bile gerçek yüzünü göremedi, ağladığını, güldüğünü, kabalaştığını, inceliğini, çevresindekileri zaman zaman umarsız mutsuzluklara sürüklediğini* ‘Вся его жизнь прошла, как жизнь ядовитого паука, плетущего шелк; он не мог видеть своего настоящего лица, он плакал, он смеялся’ [8]. Паук является одним из 25 упомянутых животных в Коране, как и свинья: «Те, которые взяли себе покровителей и помощников помимо Аллаха, подобны пауку, соткавшему себе жилище. Воистину, самое непрочное жилище – это жилище паука. Если бы они только знали!» [9]. В русской культуре ряд животных (например, змея, валаамова ослица) ассоциируется с негативными качествами. Возможно, такое отношение к представителям животного мира восходит к книге бытия [11].

К тематической категории «абстрактные явления» относятся сравнения, связанные с яркими воспоминаниями автора, положительными или негативными ассоциациями, например, *hayallerini yitirmiş, kahve köşelerinde ölümü bekleyen çok yaşlı bir adama benziyor* ‘поведение похоже на то, как ведет себя старый человек, потерявший всякую надежду, и ищет себе смерти, сидя в кофейне [8], *yazın diliyle düşünen* ‘говорит на языке лета’ [Там же], *ты как майское утро* [9].

Интерес представляют авторские сравнения, характеризующие страну в целом, *Россия как огромный динозавр с головой в Европе и длинным хвостом, заканчивающимся на Дальнем Востоке, которому не выжить без продвинутой «нервной системы»* [9]; *Türkiye solu çevresindeki akarsulara bir türlü ulaşamadığı için hızla kurumakta olan bir su birikintisine benziyor* ‘Турция выглядит как лужа, не способная достичь берегов реки’ [8]; поликультурное общество сравнивается с плющом: *çok kültürlü bu toplum da sarmaşığa benziyor yorumunu getirsin* ‘поликультурное общество подобно плющу’ [Там же].

Проанализированные авторские сравнения российских авторов, выражающих степень качества, позволяют утверждать, что ключевыми качествами для русской культуры являются щедрость, трудолюбие, умение видеть прекрасное, что подтверждается обилием авторских сравнений, содержащих описание природы. Для турецкой культуры характерными качествами являются чистота, благодарность Аллаху, почитание своей религии и культурных традиций, подчинение (женщины по отношению к мужчине), дисциплинированность и терпение.

Компоненты, включаемые в сравнения, еще раз подтверждают верность предположения, что индивид строит свое высказывание на том, что является неотъемлемой, привычной частью его среды обитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслова, В. А.* Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 298 с.
2. *Толстой, Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – 2-е изд. испр. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.
3. *Сетир, Э.* Избр. тр. по языкознанию и культурологии / Э. Сетир ; общ. ред., вступ. ст. А. Е. Кибрика. – М. : Прогресс, 2001. – 656 с.
4. *Зарецкий, В. А.* Образ как информация / В. А. Зарецкий // *Вопр. литературы.* – 1963. – № 2. – С. 71–91
5. *Ивин, А. А.* Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 230 с.
6. *Аристотель.* Этика. Политика. Риторика. Категории / Аристотель. – Минск : Литература, 1998. – 1392 с.
7. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
8. Национальный корпус турецкого языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.tnc.org.tr/>. – Дата доступа : 03.04.2020.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/new/>. – Дата доступа : 18.02.2020.
10. *Вержбицкая, А.* Понимание культур посредством ключевых слов / А. Вержбицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелёва. – М. : Яз. слав. культуры, 2001. – 288 с.
11. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Рос. библи. об-во, 2006. – 1376 с.

The article focuses on the reflection of cultural differences in the author's comparisons in the Russian and Turkish languages. It has been found that the authors use in their comparisons the images of social and geographic environment to which they belong. Based on the results, it has been concluded that each culture possesses its own set of qualities which are of great significance for a particular nation.

Поступила в редакцию 09.12.2020

Н. А. Курило

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

(на материале английского и русского языков)

В статье затрагиваются проблемы национально-культурного своеобразия лексики, которое может проявляться как в наличии так называемой безэквивалентной лексики, так и в отсутствии лексики, имеющейся в других языках, то есть в наличии языковых лакун. И те и другие заметны лишь при сопоставлении языков. Обратиться к исследованию безэквивалентной лексики нас побудило то, что ее доля в национальных словарях достаточно высока и составляет, по некоторым данным, 6–7 % от общеупотребительной лексики. Будучи заимствованными в другой язык, безэквивалентные слова образуют достаточно специфический слой лексических единиц с точки зрения их фонетической, грамматической и семантической организации (речь идет о словах-экзотизмах, которые не столько раскрывают или толкуют другую культуру, сколько символизируют ее). Закрепляясь в языке-реципиенте, искомые лексические единицы проходят долгий путь ассимиляции.

Настоящее исследование посвящено безэквивалентной лексике, или лексическим единицам (словам и устойчивым сочетаниям слов), обозначающим специфические явления той или иной культуры и не имеющим однословных эквивалентов в других языках.

Безэквивалентная лексика составляет достаточно большой массив лексики любого развитого языка. В результате процесса заимствования безэквивалентная лексика меняет свой статус и переходит в разряд экзотической лексики в языке-реципиенте. Здесь, однако, следует отметить, что А. И. Смирницкий, описывая заимствования, проникшие в английский язык в период становления Англии как колониальной державы, использует словосочетание «экзотические слова» в несколько более узком значении, а именно, как синоним выражения «колониальные слова», или лексические единицы, обозначающие черты быта туземных племен, названия местных животных, растений, продуктов питания и т.п. [1, с. 217–218]. Наряду с термином *экзотизм* можно также встретить термины *этнографизм*, *регионализм* [2].

Экзотические лексические единицы весьма разнообразны с тематической точки зрения. Среди них можно выделить следующие лексико-семантические группы: названия лиц, в том числе и формы обращения, названия национальных предметов одежды и обуви, названия продуктов питания, национальных блюд и напитков, названия национальных праздников, названия национальных музыкальных инструментов, названия животных и растений, названия единиц территориально-административного деления, населенных пунктов и строений, названия национальных валют и т.п. Более того, некоторые авторы, например, А. Е. Супрун [3, с. 53], предлагают отнести к экзотизмам и некоторые имена собственные, так как само употребление подобных слов, по их мнению, уже создает местный, национальный колорит.

Первые лексические единицы, представляющие безэквивалентную лексику русского языка и отражающие особенности государственного устройства России, русского быта и т.п., проникают в английский язык уже в XVI–XVII веках благодаря развитию политических и торговых связей между Россией и Англией. Среди них А. И. Смирницкий приводит такие лексические единицы, как *boyar, cossack, muzhik, voivoda, tsar, altyn, rouble, copeck, verst, poud, telega, samovar, kvass, vodka* и другие [1, с. 217]. В дальнейшем этот список постоянно пополняется. Тем интереснее представляется то, что экзотическая лексика английского языка, имеющая русское происхождение, представлена достаточно узко в толковых словарях современного английского языка и насчитывает не более 30 лексических единиц. Среди них такие широко известные во всем мире слова, символизирующие русскую культуру, как *balalaika, blini, borscht, dacha, rouble, samovar, tsar (tzar, czar), tsarism (tzarism, czarism), vodka* и т.п. (см., например, «Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English» (2005) [4]).

На фоне приведенных выше примеров несколько необычно выглядит лексическая единица *babushka*. Являясь английским экзотизмом, она, тем не менее, не входит в разряд безэквивалентной лексики в русском языке. На первый взгляд русское слово *бабушка* является эквивалентом английского слова *grandmother*. Однако если сравнивать их более внимательно, становится очевидным несоответствие культурных представлений о том, что стоит за данными терминами родства в разных языках. Как указывает С. Г. Тер-Минасова, *бабушка* в России и *бабушка* в ряде европейских стран (в частности в Великобритании) – это два разных образа, они по-разному выглядят, одеваются, у них разные функции в семье, разное поведение, разный образ жизни. Русская *бабушка*, как правило, занята в новом статусе еще больше, чем раньше: она растит внуков, ведет хозяйство, предоставляя возможность своим детям работать и зарабатывать деньги. Английская *grandmother* посвящает свободное время себе: она много путешествует, ярко одевается, старается наверстать упущенное в плане развлечений, приятного времяпрепровождения и т.п. [5, с. 59]. Именно это несоответствие образов и является, на наш взгляд, основной причиной заимствования русской лексической единицы *бабушка* в английский язык.

Жизнь заимствованных слов в языке-реципиенте достаточно интересна. Под влиянием системы, в которую они входят, многие заимствования претерпевают значительные фонетические, грамматические, а в ряде случаев и семантические изменения, приспособляясь к фонетическим, грамматическим и семантическим законам данной системы. Процесс ассимиляции может быть настолько глубоким, что иноязычное происхождение таких слов может не ощущаться носителями языка и обнаруживаться лишь с помощью этимологического анализа. В отличие от полностью ассимилировавшихся и усвоенных заимствований частично ассимилировавшиеся и неассимилировавшиеся иноязычные единицы сохраняют следы своего иностранного происхождения в виде фонетических, грамматических и семантических

особенностей. С целью адекватного описания подобных единиц в толковых словарях лексикографы широко используют энциклопедическую информацию, раскрывающую суть обозначаемых предметов и явлений. Знание этой информации необходимо для действительного усвоения семантики подобных заимствований [2; 6, с. 18–19].

Лексическая единица *babushka* не становится исключением и, входя в структуру английского языка и закрепляясь в ней, получает фиксацию в толковых словарях языка-реципиента. При этом искомая лексическая единица утрачивает присущую ей неоднозначность. Так, в современном русском толковом словаре семантика слова *бабушка* представлена в виде двух отдельных лексико-семантических вариантов ‘мать отца или матери (по отношению к детям своих детей – внукам)’ и ‘старая, пожилая женщина’ [7, с. 54], в то время как в английском толковом словаре эта же информация объединена в одном значении [4, р. 94]. Объяснить это можно тем, что «решение об однозначности или многозначности той или иной единицы зачастую становится результатом искусства лексикографа или демонстрацией лексикографического произвола, точнее, произвольности, допускаемой составителями словарей» [8, с. 166]. Более того, одним из важнейших компонентов семного наполнения значения английского слова *babushka* становится национальная принадлежность пожилой женщины ‘a Russian old woman or grandmother’ [4, р. 94], то есть при заимствовании значение искомой лексической единицы подвергается не только количественному, но и качественному изменению, а именно, некоторому сужению значения по сравнению с русским языком.

На этом качественные изменения, сопровождающие процесс заимствования слова *бабушка*, не заканчиваются: устойчивая ассоциативная связь между русской пожилой женщиной и головным убором, который она носит (речь идет о платке, завязываемым под подбородком), способствует тому, что слово *babushka* развивает вторичное значение ‘a traditional Russian woman’s headscarf, tied under the chin’ [Там же], что, как свидетельствуют результаты проведенного нами анализа, носит единичный характер в среде английской экзотической лексики независимо от ее происхождения.

Неспособность экзотического слова к развитию своей семантической структуры, то есть полисемии, уже поднималась в трудах, посвященных проблемам заимствования. Так, Е. В. Маринова указывает на то, что экзотизмы однозначны. Многозначность свойственна лишь тем из них, которые «перенесли» ее из языка-источника. Возможность изменить план содержания у слов-экзотизмов ограничена. Семантическая структура их лексического значения стабильна, устойчива и может быть подвержена только старению, в этом случае экзотизмы пополняют разряд историзмов. В единичных случаях, когда экзотическое слово употребляется в речи не в прямом смысле, а в переносном, развившемся уже на почве языка-реципиента, оно переходит в разряд неологизмов [9].

Примечательно, что развитие неоднозначности у экзотических лексических единиц в языке-реципиенте может повлечь за собой появление лакун в языке-доноре. Как отмечает З. А. Харитончик, вследствие универсальности законов человеческого мышления и использования в качестве фундамента метонимии объективно существующих связей между называемыми одним именем объектами и явлениями можно ожидать появления у коррелятивных слов однотипных переносных значений. Сопоставление многозначных слов в разных языках показывает, что такое совпадение действительно имеет место, но оно неабсолютно. Наряду с аналогичными типами значений в семантике коррелятивных многозначных слов в разных языках наблюдаются многочисленные метонимические лакуны [6, с. 53–54].

С появлением у английской лексической единицы *babushka* вторичного значения в русском языке также возникает своеобразная лакуна: мы не найдем в русском языке отдельной лексической единицы, используемой для наименования того, что носители английского языка подразумевают под традиционным женским платком, который завязывается под подбородком. Что касается слова *платок*, то в современном русском толковом словаре его семантика представлена в виде следующих лексико-семантических вариантов ‘предмет одежды: кусок ткани или вязаное изделие, обычно квадратной формы, свертываемое по диагонали и надеваемое на голову или набрасываемое на плечи’ и ‘небольшой квадратный кусок тонкой ткани для сморкания’ [7, с. 839].

Следует отметить, что лакунарность языковых единиц представляет собой яркое проявление национальной специфики языковых систем и может сигнализировать об отсутствии в национальной концептосфере соответствующего концепта, однако отношения «лакуна – концепт» в действительности складываются сложнее. Как считают М. А. Стернина и А. А. Махонина, «отсутствие стабильного языкового выражения для какого-либо концепта еще не свидетельствует о его отсутствии, так как концепты могут не иметь общеязыкового выражения в силу тех или иных причин: они могут быть личными или принадлежать малой группе людей (тогда они будут иметь только личные или групповые названия, но не общеязыковые); они могут не быть коммуникативно релевантными, то есть не нуждаться в силу тех или иных причин в обсуждении, хотя при этом остаются структурными единицами мышления» [10, с. 209–210]. Далее эти же авторы отмечают, что причины отсутствия средств системной языковой объективации для имеющихся концептов – предмет для исследования. При этом общая причина, несомненно, – отсутствие коммуникативной потребности, в результате чего не осуществлена номинация. Но отсутствие коммуникативной потребности тоже требует объяснения с позиций уклада жизни, менталитета, тематики общения и т.п. (это также предмет для исследования и выдвижения гипотез) [Там же].

Таким образом, обнаружив в том или ином языке на фоне другого языка некоторые лакуны, мы не можем на этом основании однозначно утверждать,

что у этого народа нет соответствующего концепта в концептосфере: необходимо дополнительно проанализировать предметную, мыслительную и коммуникативную сферы народа, чтобы в этом убедиться. Вместе с тем любая лакуна – сигнал для исследователя о возможном отсутствии концепта у народа, и все такие «сигналы» необходимо тщательно проверять [11, с. 164].

В наше время, когда практически никто в развитых странах не носит национальную одежду в повседневной жизни, а индустрия моды диктует свои законы по всему миру, объединяя тем самым людей по манере одеваться, можно говорить об определенной степени близости бытовой культуры русского и английского этносов [10, с. 189]. В связи с этим возникает вопрос, есть ли объективные предпосылки для развития словом *бабушка* подобного значения в русском языке.

Мы считаем, что в настоящее время таких предпосылок нет: выявлению особенностей национального языкового сознания народа – связи слов в сознании, их смысловой и иерархической подчиненности, яркости тех или иных компонентов значения слова-стимула, их ценностной нагрузки в социуме – способствуют ассоциативные эксперименты [12, с. 56]. Так, анализ данных, предоставленных в русском ассоциативном словаре, свидетельствует о том, что среди 508 реакций на слово-стимул *бабушка* слово *платок* имеет частоту 4 и занимает десятую ранговую позицию наряду с такими словами и выражениями, как *внук, внучка, доброта, родня, рядышком с дедушкой, с дедушкой и старость* [13, с. 41–42].

Не секрет, что национально-культурное своеобразие того или иного языка может проявляться не только в наличии безэквивалентной лексики, но и в отсутствии лексики, имеющейся в других языках, то есть в наличии языковых лакун. На наш взгляд, более полное и детальное изучение данных явлений, особенно в близкородственных языках (например, русском и белорусском), может стать достаточно интересным и перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирницкий, А. И.* Лекции по истории английского языка (средний и новый период) / А. И. Смирницкий. – 3-е изд. – М. : Добросвет, 2000. – 238 с.
2. *Добродомов, И. Г.* Заимствование / И. Г. Добродомов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / редкол.: В. Н. Ярцева (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд. (репр.). – М. : Большая рос. энцикл., 1998. – С. 158–159.
3. *Супрун, А. Е.* «Экзотическая» лексика / А. Е. Супрун // Филологические науки. – М., 1958. – № 2. – С. 52–54.
4. *Hornby, A. S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby ; ed. by S. Wehmeier [et al.]. – 7th ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. – 1780 p.
5. *Тер-Минасова, С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 264 с.

6. Харитончик, З. А. Лексикология английского языка / З. А. Харитончик. – Минск : Выш. шк., 1992. – 229 с.
7. Новейший большой толковый словарь русского языка / редкол.: С. А. Кузнецов (гл. ред.) [и др.]. – СПб. ; М. : Норинт ; РИПОЛ, 2008. – 1536 с.
8. Харитончик, З. А. Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование : избр. тр. / З. А. Харитончик. – Минск : МГЛУ, 2004. – 367 с.
9. Маринова, Е. В. Экзотическая лексика как лингвистический феномен [Электронный ресурс] / Е. В. Маринова. – Режим доступа : http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990196_West_filol_2003_1%283%29/B_3-7.pdf. – Дата доступа : 07.11.2018.
10. Стернина, М. А. Межъязыковые лакуны и национальная концептосфера / М. А. Стернина, А. А. Махонина // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. – С. 176–210.
11. Попова, З. Д. Лакуны и безэквивалентные единицы в лексической системе языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин, М. А. Стернина // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. – С. 155–170.
12. Попова, З. Д. Некоторые приемы выявления национальной специфики языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. – С. 52–58.
13. Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов [и др.]. – М. : Астрель ; АСТ, 2002. – Т. 1 : От стимула к реакции : около 7 000 стимулов. – 784 с.

The article touches upon the problem of the national properties of the English and Russian lexicons which can manifest themselves both in the presence of lexical units with no equivalents in other languages and in the presence of lexical gaps (the absence of lexical units in particular places in semantic fields of the languages).

Поступила в редакцию 29.12.2020

М. М. Лойша

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТНОГО НАРРАТИВА

Статья посвящена исследованию особенностей личностного нарратива, который рассматривается как специфический тип нарратива, используемый нарратором для вербализации индивидуального опыта. Автором выделяются основные нарративные секвенции и нарративные эпизоды, являющиеся ключевыми в конструировании идентичности рассказчика. Анализируются основные типы текстовой модальности для описания смысловых нагрузок текста, а также с опорой на модель структуры нарратива, разработанную У. Лабовым, определяются типы структурной организации личностного нарратива.

Возникнув в рамках литературоведения, современная нарратология сформировалась как отдельная междисциплинарная область, которая изучает фундаментальные принципы повествования в текстах различных жанров и функциональности. В. И. Тюпа писал в этой связи: «Современная нарратология представляет собой весьма обширную область научного поиска в области сюжетно-повествовательных высказываний (дискурсов), соотносимых с некоторой фабулой (историей, интригой). Речь идет не только о художественных текстах и порой даже не только о текстах вербальных: усилиями историков, философов, культурологов категория нарративности получила весьма широкое распространение и богатое концептуальное наполнение» [1, с. 4].

Глубокие преобразования в научном аппарате современной нарратологии последних десятилетий способствовали широкому распространению представления о нарративе как структурной основе различных типов дискурса, где нарратив выполняет когнитивную функцию, позволяющую вербально фиксировать смыслы, конструируемые человеком в течение жизни. Нарративный поворот в гуманитарных науках привел к осознанию, что «функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их нарративной, повествовательной, природы» [2, с. 56]. Схожего представления о когнитивной функции нарратива придерживается и А. Б. Богдановская, утверждая, что «человек не имеет иных способов описания пережитого, кроме как в форме нарратива, включающего рассказ о значимых событиях автобиографии в знаковую систему восприятия себя и мира» [3, с. 173].

Если рассматривать нарратив как форму вербализации знаний, опыта и восприятия окружающей действительности, особую актуальность приобретает изучение личностного нарратива. В традиционном нарративе повествование ведется в третьем лице, что позволяет рассказчику добиться иллюзии отстраненности от изображаемых событий и создать впечатление их объективного изложения. Данной форме противопоставляется повествование от первого лица, в котором рассказчик выступает действующим лицом излагаемых событий, тем самым вербализуя сценарий жизненных событий. Такой нарратив Е. В. Падучева называет перволичным, хотя в настоящее время он чаще обозначается как личностный нарратив [4, с. 202].

Сегодня одним из наиболее перспективных направлений исследования личностного нарратива является междисциплинарное изучение нарративной концепции личности. По утверждению Д. Макадамса, человек организует свою идентичность посредством вербального нарратива, представляющего собой «личный миф», который складывается в подростковом возрасте и пересматривается всю последующую жизнь. Множество «ядерных» эпизодов, которые отбираются из событий биографической памяти, служат материалом для конструирования личной идентичности. При этом Д. Макадамс отмечал, что люди отбирают и интерпретируют отдельные воспоминания как я-определяющие, обеспечивая им привилегированный

статус в жизненной истории. Другие потенциальные кандидаты на этот статус принижаются. Таким образом, идентичность в определенной степени является продуктом выбора [5, с. 149–150].

Проблема возможности построения научно-теоретических структур гуманитарного знания через осмысление структур повседневной жизни обсуждается в работах философа В. Дильтея. Согласно его идеям, нарратор всегда стремится к тому, чтобы представить фрагменты своей жизни как смысловое целое, а не как череду разрозненных событий. Имплицитная когерентность изложения предполагает наличие смыслообразующего ядра, которое будет связывать данные фрагменты общим смыслом. Рассказывая о своей жизни, нарратор совершает «детерминированную контекстом биографическую работу, выделяя одни фрагменты своей жизни и опуская другие» [6, с. 243].

Иными словами, в личностном нарративе повседневная индивидуальная жизнь претерпевает трансформацию, смысловое единство разнообразных жизненных проявлений в результате их понимания становится явным, последовательность музыкальных образов превращается в мелодию. «Жизнь, как значимое целое, сохраняет не все детали жизненного опыта, случайное, побочное отпадает, но этот выбор осуществляется в течение жизни и наука опирается на этот выбор памяти» [7, с. 52].

Изучение формирования этой нарративной структуры, т.е. выбора нарратором определенных секвенций, особенно важно для составления дискурс-портрета изучаемой личности и для понимания особенностей конструирования ее идентичности.

Целью данной статьи является анализ личностного нарратива Рут Гинзбург на материале интервью, которые она давала различным СМИ в период, который охватывает 2013–2020 гг. Известный юрист занимала пост судьи Верховного суда США, ее путь к этому посту – это история женщины, которая бросила вызов миру, принадлежащему мужчинам. Р. Гинзбург известна не только своей юридической деятельностью, но и борьбой с гендерными стереотипами, борьбой за права человека, и женщин в частности. Выборка из шести интервью включает 50 нарративных эпизодов, посвященным различным периодам ее личной и профессиональной жизни.

Анализ текста, ориентированный на реконструкцию автобиографического рассказа, позволяет выделить секвенции или нарративные темы, которые указывают на значимые для нарратора этапы в жизнеописании. Для Р. Гинзбург этими секвенциями оказались следующие нарративные темы: детство, учеба, брак и семья, карьера, ее болезнь и ее популярность. Статистический метод помогает понять, какие из данных нарративных тем являются наиболее значимыми для нарратора. Так, большинство нарративных эпизодов посвящены борьбе Р. Гинзбург с дискриминацией и ее карьере, 42 %. Еще одной важной темой ее личностного нарратива является тема брака и семьи, которая составляет 22 % от общей выборки. Наименее раскрытыми темами являются темы болезни и ее популярности, 6 и 4 % соответственно.

Для того чтобы получить более точное представление о личностном нарративе как способе конструирования идентичности, необходимо подвергнуть фрагментированию общие нарративные темы. При анализе ключевых секвенций следует выделить более мелкие единицы нарратива, которые позволяют определить ключевые категории, характеризующие опыт рассказчика. Исследование генеральных тем в личностном нарративе Р. Гинзбург дает уточненную картину ее дискурс-портрета. В генеральном нарративе о своем детстве Р. Гинзбург выделяют эпизоды, посвященные Второй мировой войне, своему происхождению, матери и важности учебы в еврейских семьях. В нарративе, рассказывающем об учебе в университете, выделяются два эпизода – истории о преподавателях, повлиявших на выбор юридической карьеры, и истории о попытках совмещать учебу с ролью матери и жены. Нарративный дискурс о браке и семье фокусируется на Мартине Гинзбурге, муже нарратора, хотя в отдельных эпизодах упоминаются и другие родственники. Нарративная тема, раскрывающая ее видение своей карьеры, включает фрагменты о решении стать юристом, важные юридические дела и отношения с коллегами, участие в движении за равные права. Личностный нарратив о болезни и ее популярности достаточно скудный и не поддается фрагментации.

Еще одной особенностью личностного нарратива является множественность текстуальных модальностей. Как пишет Е. Здравосмылова, анализируя разные модальности текста и их сочетания, сравнивая вербальные репрезентации с событийной канвой рассказа, можно составить представление о смысловых нагрузках текста и выявить тот смысловой стержень, который объединяет нарратив в единое целое. Е. Здравосмылова выделяет *три вида модальности*. Описание представлено изложением последовательности событий и опытов, соотносенных с пространственно-временным контекстом. В тексте нет описания эмоций и ощущений, нет эксплицированных оценок. Согласно Е. Здравосмыловой, такой текст подобен дистанцированному изложению, где вовлеченность рассказчика обозначена лишь указанием на его функцию, как, например, типовая автобиография. Собственно нарратив включает эмоционально насыщенные фрагменты текста, которые содержат описание собственных переживаний, относящихся к некоторому ситуативному опыту. Без эмоциональной части нарратив рассматривается не как рассказ о пережитом, а как сухая канва событийной цепочки. Интерпретация содержит объяснение и оценку произошедшего. Рассказчик эксплицирует причинно-следственную связь событий, относящихся к его жизненному опыту, генерализирует факты, выстраивает системы референций и т.п. [8, с. 234–235].

В личностном нарративе Р. Гинзбург превалирует интерпретация событий (61 % от общей выборки), что свидетельствует о ее стремлении дать оценку пережитому опыту и представить аудитории личное видение событий из своей жизни. В качестве языковых маркеров данной текстовой модальности можно выделить оценочную лексику, эмфатические конструкции,

стилистические приемы. Например, рассказывая о своем детстве, Р. Гинзбург указывает на свое еврейское происхождение, чтобы дать оценку своим успехам: *learning is highly prized among Jews; it makes you more empathetic to other people who are not insiders, who are outsiders*. Описывая роль мужа в своей профессиональной жизни, Р. Гинзбург атрибутирует свой успех его вере в ее способности: *Of all the boys I had dated, he was the only one who really cared that I had a brain*. Однако в случае личного нарратива о юридических делах, которые рассказчик рассматривала на протяжении своей карьеры, интерпретация как текстовая модальность носит другой оценочный характер. Оценка уже указывает не на внешние факторы, которые помогли добиться успеха, а на положительный результат, полученный после каждого выигранного дела, например: *The school has hardly gone to rack and ruin. It's gotten better in every way, and they're very proud of their women cadets*.

Собственно нарратив составляет 39 % от общей выборки. Данная текстовая модальность присутствует во всех общих нарративных темах. Характерными языковыми маркерами является лексика, описывающая эмоции и переживания нарратора. Например, *World War II had just ended and there was great optimism* (о детстве); *I thoroughly enjoyed my three years in law school* (об учебе в университете); *if you have survived cancer, you have a zest for life that you didn't have before, that you count each day as a blessing* (о выздоровлении мужа); *I was surprised that that turned out to be a two to one decision* (о голосовании коллег).

Обратимся теперь к структуре личного нарратива. В основе структурного анализа внутренней формы личного нарратива лежат принципы, сформулированные У. Лабовым, которые были приняты большинством лингвистов и психологов, изучающих проблемы вербализации жизненного опыта личности. Модель структуры нарратива личного опыта по У. Лабову включает шесть обязательных элементов. А именно, ученый предлагает выделять следующие элементы в завершенном нарративном эпизоде: 1) резюме, или тезис, отражающее суть повествования; 2) ориентацию, позволяющую локализовать описываемые события и действующих лиц во времени и пространстве; 3) последовательность событий, конкретизирующую, что именно случилось; 4) резолюцию, описывающую разрешение ситуации и указывающую на окончательный результат; 5) оценку произошедшего нарратором и 6) коду, сигнализирующую о выходе из нарративного режима [9, p. 32–39].

Данная структурная модель лежит в основе любого личного нарратива, однако только в 6 % от собранных примеров она выступает в каноническом виде.

Следующий пример личного нарратива, посвященного теме брака и семьи, представляет собой нарратив, сконструированный в четком соответствии с описанной У. Лабовым схемой.

Анализ личностного нарратива по У. Лабову

Тезис	Marty was my biggest booster all my life.
Ориентация	We were married the same month I graduated from college. Marty had his first year of law school.
Последовательность	He was then taken out at the tail end of the Korean War for service. So when he went back, he was in his second year, I was in my first year. And one of his classmates, this is someone I had known at Cornell, said to me, “you know your husband, he’s bragging about you. He’s saying you’re going to be on the Law Review – and I looked at you and you were this little twerp person.”
Резолюция	But that’s the way Marty was – always made me feel I was a little bit better than I thought it was. But which was extraordinary for a young man. In the 50s I went to a school, Cornell University, where the ratio was four men to every woman, it was the ideal place for parents of a daughter. If you could not find a man at Cornell you were hopeless.
Оценка	What made Marty so overwhelmingly attractive to me is that he cared that I had a brain and I hadn’t met a guy before who was interested at all. And some of my classmates at Cornell, very bright women, they would play dumb. That was the way to please the man, to make him feel more important. Marty was so secure in his own ability that he never regarded me with any kind of a threat. Far from it.
Кода	I think his idea was, if I decided I wanted to spend the rest of my life with Ruth she’s gotta be something special.

Примечательно, что данные нарративные эпизоды являются рассказами Р. Гинзбург о муже, что свидетельствует об его исключительной значимости в ее жизни и о высокой степени ее эмоциональной вовлеченности. Большинство эпизодов, а именно 67 % от выборки, характеризуется опущением одного или более второстепенных элементов, при этом нарративные фрагменты, посвященные ее профессиональной деятельности, демонстрируют опущение только одного элемента, коды, что может быть объяснено жанровыми особенностями интервью, где переход к следующему эпизоду инициируется журналистом. В целом же, структура данного нарратива соответствует канонической форме. Согласно У. Лабову, чем тщательнее рассказчик придерживается канонической структуры нарратива, тем более значительную роль этот нарративный эпизод играет в оценке его жизненного опыта [9, p. 40].

Изменение порядка следования элементов было отмечено в 27 % исследуемых эпизодов. Изменение порядка следования элементов структуры личностного нарратива применяется в случае, если авторская логика изложения требует акцентировать тот или иной фрагмент нарратива, сконцентрировать на нем внимание читателя или слушателя, указывая тем

самым на его особую значимость для понимания сути повествования. В случае с личностным нарративом Р. Гинзбург наблюдается только один тип модификации канонической структуры, когда оценка событий нарратором предшествует описанию самих событий, что может быть объяснено преобладающей модальностью ее личностного нарратива, т.е. попытками дать интерпретацию своему жизненному опыту, а не поделиться со слушателями своими переживаниями и эмоциями.

Таким образом, результаты интерпретации языкового материала позволяют сделать следующие выводы. В рамках анализа личностного нарративного дискурса Р. Гинзбург были выявлены устойчивые нарративные темы, отличающиеся стабильным набором нарративных эпизодов, указывающих на их важность в формировании идентичности нарратора и на то, как нарратор осмысливает свой жизненный опыт. Дальнейший структурно-семантический анализ позволяет выявить способы вербализации и актуализации нарративных структур, обусловленных прагматикой нарратива. Именно интерпретация становится основной модальностью, помогая упорядочить событийный ряд и осмыслить пережитый опыт. Интерпретация как текстовая модальность предопределяет и структуру нарративных эпизодов, анализ которой позволяет сделать выводы о наиболее значимых событиях в создании нарративной я-концепции Р. Гинзбург. Следование канонической структуре или ее модификации указывает на содержательно значимые структурные компоненты личностного нарратива. Вышеперечисленные результаты исследования раскрывают стратегию нарратора и помогают понять его основной замысел.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тюпа, В. И.* Нарратология как аналитика повествовательного дискурса (Архиерей А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. – Тверь, 2001. – 58 с.
2. *Троцук, И. В.* Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И. В. Троцук // Вестн. РУДН. Сер. Социология. – 2004. – № 6–7. – С. 56–74.
3. *Богдановская, А. Б.* Психосемантическое исследование личностно-смысловой организации автобиографического нарратива / А. Б. Богдановская. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2012. – № 153 (1) – С. 171–178.
4. *Падучева, Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 464 с.
5. *Макадамс, Д.* Психология жизненных историй / Д. Макадамс // Методология и история психологии. – 2008. – № 3. – С. 135–166.
6. *Дильтей, В.* Собрание сочинений : в 6 т. / В. Дильтей ; под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова. – М. : Три квадрата, 2000–2004. – Т. 3 : Построение исторического мира в науках о духе. – С. 10–413.
7. *Арон, Р.* Избранное : Введение в философию истории / Р. Арон. – М. ; СПб. ; ПЕР СЭ, Университетская книга, 2000. – 543 с.

8. Здравомыслова, Е. Анализ нарративного интервью: реконструкция биографической работы / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Российский гендерный порядок: социологический подход. – СПб., 2007 – С. 227–249.

9. Labov, W. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience / W. Labov, J. Waletzky // Essays on the Verbal and Visual Arts. – Seattle ; London, 1966. – P. 12–44.

The article focuses on studying personal experience narrative in terms of its structural and functional peculiarities. Analysis of the narrator's verbalized experience helps to reconstruct the narrator's identity by singling out general narrative topics, narrative episodes, prevailing modality and forms of structural organizations that serve to emphasize the narrator's subjective view and evaluation of the events.

Поступила в редакцию 28.12.2020

Т. Н. Руденко

КОНФРОНТАЦИЯ И КООПЕРАЦИЯ ВО ВДОХНОВЛЯЮЩЕЙ РЕЧИ

Статья посвящена описанию особенностей вербализации стратегий в структуре риторического портрета политика. Риторический портрет моделируется в терминах категорий классической риторики – логоса, кайроса, топоса, пафоса и этоса. Выявлены лингвопрагматические характеристики обращения Дональда Трампа к нации 11 марта 2020 года.

Вдохновляющая речь государственного лидера, как правило, продиктована масштабными событиями, серьезными изменениями во внутренней или внешней политике, и нацелена на привлечение общественного внимания к вопросам этики или морали, обоснование значимости предмета сообщения, сплочение общества.

В США такие выступления, как известно, представляют собой обращения президентов к нации из Овального кабинета в Белом доме. Актуальность исследования подобных обращений определяется значимостью проблем, связанных с антропологической направленностью изучения особенностей речевого портрета как средства обеспечения эффективности трансляции политических смыслов, отображающих аксиологические ожидания аудитории.

Представляется, что язык политической риторики как часть общей риторической теории целесообразно изучать на конкретном материале, в частности, на тексте вдохновляющей речи публичной языковой личности – разновидности этико-психологического воздействия, целью которой является формирование необходимого эмоционально-волевого настроения, способствующего решению поставленной задачи, что мы намерены продемонстрировать на примере результатов анализа обращения Дональда Трампа к нации 11 марта 2020 года.

Публичная языковая личность Дональда Трампа выступает как образование, характеризующееся наличием трех уровней владения языком – вербально-семантического, когнитивного и прагматического, а реализация этой публичной языковой личности представлена в речи как речевой портрет – многокомпонентный и многослойный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности [1].

Речевой портрет включает социально-демографические и социально-психологические признаки, морально-дисциплинарные, эмоционально-эстетические и интеллектуально-познавательные мотивы аудитории, отражает набор речевых предпочтений для актуализации средств воздействия [2]. К наиболее эффективным средствам речевого воздействия относятся аргументация, обращающаяся к разуму аудитории, и убеждение, направленное на эмоционально-психологические переживания и поведение последней.

Убеждение реализуется через такие категории классической риторики, как логос (соотносимый с разумом), кайрос (соотносимый с речевой ситуацией), топос (соотносимый с композицией речевого произведения), пафос (соотносимый с чувствами и эмоциями) и этос (соотносимый с нормами морали). Продуктом комплексного анализа перечисленных категорий является риторический портрет, позволяющий выявить особенности актуализации языковых средств воздействия [3].

Выбор темы обращения Дональда Трампа к нации 11 марта 2020 года был продиктован тем фактом, что в этот день Всемирная организация здравоохранения объявила вспышку нового коронавируса COVID-19 пандемией. Следовательно, понимание аудиторией (в данном случае нацией) замысла высказывания обеспечено логосом.

Рассматривая возможность выступить с обращением к нации, чтобы рассказать о том, как власти США реагируют на проблему коронавируса, Дональд Трамп оперативно использует опубликованную CNN информацию о готовящемся для него лидером демократов в сенате США Чаком Шумером и сенаторами-демократами Патти Мюрреем и Гэри Питерсом письме с просьбой объявить в США режим ЧП из-за коронавируса, а также статистические данные – число инфицированных превысило 200 000 в более чем в 160 странах, около 9 000 человек скончались. Таким образом, соответствие содержания высказывания речевой ситуации – озабоченности аудитории проблемой коронавируса – обеспечено кайросом.

Риторический портрет Дональда Трампа, заложившего в основу своей политики национальные интересы и отмечавшего во время инаугурации, что США будут добиваться дружбы и добрососедства с народами мира, интересен ввиду яркого проявления тенденции к конфронтации – реализации семиотической оппозиции «свой – чужие», прежде всего, в характеристике пандемии как чужеземного вторжения, самой инфекции как «иностранного вируса» (a foreign virus), который «зародился в Китае» (that started in China):

My fellow Americans, tonight I want to speak with you about our nation's unprecedented response to the coronavirus outbreak that started in China and is now spreading throughout the world.

Конфронтация представляет собой агрессивную стратегию [4], противостоящую кооперации – мирной стратегии, стратегии сотрудничества, играющей гармонизирующую роль и способствующей конструктивному достижению взаимовыгодных результатов [5], а семиотическая оппозиция «свои – чужие» является ядром обращения и воплощает топос, обеспечивающий развитие темы.

Семиотическая оппозиция «свои – чужие» не только отражает архетипное видение картины мира, в которой присутствует четкое ценностное противопоставление, здесь прослеживается экспликация переоценки «своего» в результате номинации своей роли употреблением местоимения первого лица в единственном числе в процессе удачного применения тактики разъяснения: *After consulting with our top government health professionals I have decided to take several strong but necessary actions to protect the health and well-being of all Americans.*

45-й президент США, заложив в основу своей политики национализм, на первое место ставит свои интересы, применяет тактику признания существования проблемы и придает динамику своей позиции посредством использования именных групп (*frequent contact, full power, the American people*), качественных имен прилагательных (*frequent, full*) и положительно коннотативных глаголов (*marshal, protect*): *We have been in frequent contact with our allies and we are marshaling the full power of the federal government and the private sector to protect the American people.*

Дональд Трамп привлекает внимание к значимости борьбы с коронавирусом, употребляя анадиплосис, что придает его речи эффектность, привлекая внимание к успешности этой борьбы: *It only matters how you respond, and we are responding with great speed and professionalism.*

Создание позитивного образа «своих» также реализуется посредством применения тактики отождествления и тактики солидаризации с аудиторией, обращением к фактам, вызывающим эмоции, а не к самим эмоциям, соблюдением меры при формировании образа «чужих». Так, политик подчеркивает важность своевременного прекращения сообщения с Китаем, отождествляет себя со своей страной и с ее интересами, о чем на языковом уровне сигнализирует использование притяжательного и инклюзивного местоимений: *Our team is the best anywhere in the world. At the very start of the outbreak we instituted sweeping travel restrictions on China and put in place the first federally mandated quarantine in over 50 years.*

Создание образа внешней угрозы успешно осуществляется в результате использования тактики комментирования и применения таких приемов, как обличение, обвинение и устрашение при использовании отрицательно коннотативной оценочной лексики, в частности, негативного эпитета (*horrible infection*), обстоятельства меры и степени (*dramatically*), что нагнетает атмосферу и создает в сознании американской нации предпосылку формирования

образа дестабилизирующего и деструктивного «чужого» Европейского Союза: *We declared a public health emergency and issued the highest level of travel warning on other countries as the virus spread its horrible infection. And taking early, intense action, we've seen dramatically fewer cases of the virus in the United States than are now present in Europe.*

Применение тактики критики характеризуется откровенной недооценкой «чужих», свидетельствующей о выборе резко конфронтационного взаимодействия с «чужими» в противовес диалоговому взаимодействию и о владении рабулистикой, позволяющей выставить предмет обсуждения в нужном свете, в частности, и черной риторикой, необходимой для того, чтобы подводить аудиторию к желательному заключению в целом [6]: *The European Union failed to take the same precautions and restrict travel from China and other hotspots. As a result a large number of new clusters in the United States were seeded by travelers from Europe.*

Конфронтационная направленность обращения президента США к нации реализуется в номинации «чужих» путем использования приема обличения оппонента, а использование глаголов (*failed, were seeded*) продиктовано стремлением косвенно обвинить Европу и Китай в экспорте инфекции и усилить формируемый образ внешней угрозы, что говорит об откровенно конфронтационной направленности выступления и опосредованном манипулировании аудиторией путем апелляции к недостаткам «чужих».

Очевидно, что пафосом этого обращения фактически является эмоционально выраженная мысль «американские интересы превыше всего» [7], реализуемая посредством тактик критики, комментирования, разъяснения, признания существования проблемы, отождествления и солидаризации с аудиторией.

Далее Дональд Трамп объявляет о беспрецедентном 30-дневном запрете въезда из Европы для всех лиц, не являющихся гражданами США, в очередной раз опираясь на семиотическую оппозицию «свои – чужие» как основу политической коммуникации: *To keep new cases from entering our shores, we will be suspending all travel from Europe to the United States for the next 30 days... There will be exemptions for Americans.*

Примечательно, что Дональд Трамп акцентирует внимание аудитории на исключении из запрета товарно-денежных потоков, тем самым прославляя материализм и прагматизм – традиционные американские ценности: *There will be exemptions... and these prohibitions will not only apply to the tremendous amount of trade and cargo, but various other things as we get approval.*

Американская внешняя политика традиционно определяет свои отношения с Великобританией как свои самые важные отношения, Великобритания рассматривает свои отношения с США как самое важное двустороннее партнерство во внешней политике, а тесное сотрудничество двух стран во всех областях с середины XX века принято характеризовать как «особые отношения». Подтверждением этому служит тот факт, что ранее Дональд Трамп последовательно заострял внимание на своем стремлении

заклучить двустороннее торговое соглашение с Великобританией после ее выхода из Евросоюза, и в разы увеличить товарооборот между двумя странами, а, поздравив премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона с победой консерваторов на выборах, анонсировал торговую сделку Вашингтона и Лондона, отметил, что она будет выгоднее любого соглашения с ЕС: *Congratulations to Boris Johnson on his great WIN! Britain and the United States will now be free to strike a massive new Trade Deal after BREXIT. This deal has the potential to be far bigger and more lucrative than any deal that could be made with the E.U.* [8]. Поэтому вполне логично, что из 30-дневного запрета исключено Соединенное Королевство: *These restrictions will also not apply to the United Kingdom.*

Приведенные фрагменты демонстрируют, что семиотическая оппозиция «свои – чужие» во вдохновляющей речи Дональда Трампа базируется на жесткой ценностной основе и умелом использовании тактики учета ценностных ориентиров аудитории при обеспечении этоса обращения – место «своих» ассоциируется с верхней границей шкалы, а место «чужих» ассоциируется с нижней границе шкалы, что соответственно воспринимается как «правильно» и «неправильно». Этот шаг вполне обоснован, так как семиотическая оппозиция «свои – чужие» предполагает не только различие, но и потенциальное взаимодействие на разных уровнях, включая коммуникацию с разными политическими и культурно-этническими общностями.

Подводя итог, отметим, что во вдохновляющей речи Дональда Трампа – обращении к нации 11 марта 2020 года – проявляются диаметрально противоположные тенденции – конфронтация и кооперация. Конфронтация, некооперативная или агрессивная стратегия, представлена тактикой критики и тактикой комментирования, отражает неприятие оратором высказываний и поступков своих оппонентов и содержит их негативную оценку. Конфронтации противостоит кооперация, кооперативная или мирная стратегия, стратегия сотрудничества, которая представлена тактикой разъяснения, тактикой признания существования проблемы, тактикой отождествления, тактикой солидаризации с аудиторией и тактикой учета ценностных ориентиров аудитории. Следует отметить, что специфический характер конфронтационной стратегии обусловлен двойной направленностью – на аудиторию и оппонентов. Единство формы и содержания риторического портрета Дональда Трампа обеспечивают логос, воплощаемый в выборе темы, кайрос, воплощаемый в ситуативной уместности, топос, воплощаемый в смысловой модели, необходимой для развития темы, пафос, воплощаемый в экспрессивных лексических и грамматических средствах и этос, воплощаемый в аксиологических ожиданиях аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Электронный ресурс] / Ю. Н. Караулов. – Режим доступа : http://destruction.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm. – Дата доступа : 06.11.2020.

2. *Матвеева, Г. Г.* Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г. Г. Матвеева. – СПб., 1993. – 449 л.
3. *Кузнецова, В. В.* Категория этос в структуре риторического портрета [Электронный ресурс] / В. В. Кузнецова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-etos-v-strukture-ritoricheskogo-portreta>. – Дата доступа : 06.11.2020.
4. *Gumperz, J.* Discourse Strategies / J. Gumperz. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1982–2002. – 225 p.
5. Grice, P. Logic and Conversation [Electronic resource] / P. Grice. – Mode of access : http://www.academia.edu/7477344/Grice._H._P_Logic_and_Conversation. – Date of access : 06.11.2020.
6. *Бредемайер, К.* Черная риторика: Власть и магия слова / К. Бредемайер. – М. : Альпина Паблишерз, 2011. – 184 с.
7. Trump's full speech to the UN General Assembly [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2017/9/19/16333290/trump-full-speech-transcript-un-general-assembly>. – Date of access: 06.11.2020.
8. *Trump, D. J.* (@realDonaldTrump). “Congratulations to Boris Johnson on his great WIN!” 13 December 2019 [Electronic resource] / D. J. Trump. – Mode of access : <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1205368801438707713>. – Date of access : 06.11.2020.
9. Trump's Oval Office address on the coronavirus [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.vox.com/2020/3/11/21176001/trump-coronavirus-speech-travel-ban-transcript>. – Date of access: 06.11.2020.

The article is devoted to inventorying peculiarities of the verbalization of strategies that comprise a politician's rhetorical portrait. A rhetorical portrait includes such persuasive arguments as logos, kairos, topos, pathos and ethos. The aspects explored are the linguistic and pragmatic characteristics of Trump's Oval Office address on the issue of coronavirus (March 11, 2020).

Поступила в редакцию 28.12.2020

О. В. Толкачёва

**ОПИСАНИЕ ПУТИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ
ПРИ ПОМОЩИ ДИРЕКЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДЛОГОВ
(на материале немецкого и русского языков)**

В статье рассматриваются особенности описания пути перемещения с помощью предлогов в немецком и русском языках. Выявлены специфические семантические признаки подгруппы дирекциональных предлогов, обозначающих путь перемещения. Установлено более детальное членение пути при помощи дирекциональных предлогов в русском языке по сравнению с немецким языком.

Для обозначения отношений между объектами при перемещении в пространстве используется группа пространственных предлогов, называемая в лингвистических исследованиях дирекциональными. В работах, посвященных дирекциональным предлогам, установлено, что эти единицы, ориентируя в пространстве относительно некоторого объекта (локализуемого), указывают на этот объект как на источник (*из кухни/ aus der Küche*), путь (*по улице/ durch die Straße*) или цель (*к зданию/ zu dem Gebäude*) перемещения локализуемого объекта (ЛО). На этом основании они делятся на три семантические подгруппы: «дирекционал-источник», «дирекционал-путь» и «дирекционал-цель» [1; 2; 3].

В данной статье представлены результаты исследования особенностей обозначения пространственных отношений при помощи предлогов подгруппы «дирекционал-путь» в немецком и русском языках. Для русского языка это предлоги *по, через, сквозь, мимо*, для немецкого – всего один предлог *durch*. Уже на основании количественной асимметрии можно предположить, что существуют различия в членении пространства при описании движения с помощью предлогов данной семантической подгруппы в сравниваемых языках. Сущность этих различий выявлялась в ходе сопоставительного анализа семантики исследуемых предлогов.

В качестве теоретической основы в своем исследовании мы используем модель пространственной семантики предлога, предложенную Л. А. Тарасевич. Согласно этой модели семантику предлога формируют признаки, характеризующие регион локализации и дистантные отношения между соотносимыми объектами, а также признаки, связанные с отношением локализуемого объекта к движению – статичные vs дирекциональные отношения [3].

Перейдем к описанию семантики исследуемых предлогов. Самым употребительным и самым многозначным из рассматриваемых предлогов русского языка является предлог *по*. В семантических описаниях и словарных определениях отмечается, что этот предлог может категоризовать локализуемый объект как поверхность или как регион, задаваемый его границами. Так, в толковом словаре С. А. Кузнецова указывается, что предлог *по* употребляется при обозначении «предмета, пространства, поверхность которого является местом, где происходит действие, движение кого-, чего-либо (*по лицу струится пот*); места, пространства, в пределах, в границах которого происходит действие, движение (*ходить по комнате*)» [4, с. 847].

Важным элементом семантической структуры данного предлога, как показало наше исследование, является топологическое отношение КОНТАКТ, которое и обуславливает описанные выше вариации в его пространственном значении. Так, в ситуациях, когда реализуется отношение КОНТАКТ, предлог *по* категоризирует локализуемый объект как поверхность (пример (1)), когда данное отношение не реализуется – как регион, в рамках которого происходит движение, либо как область распространения какого-либо действия (пример (2)):

(1) Мерцающая нездешним светом рука с растопыренными лучеобразными пальцами медленно провела **по** стеклу (Огонек).

(2) Дверь закрылась, и были слышны только удаляющиеся шаги бегущего **по** коридору маленького солдатика (Завтра).

Отношение КОНТАКТ в семантике предлога *по* может уточняться как кратковременный (пример (3)), повторяющийся (пример (4)).

(3) А там он как **по** столу стукнет! (Московский комсомолец).

(4) Его не пожалеешь, не похлопаешь **по** плечу (Огонек).

Правомерность выделения признака ‘повторяющийся контакт’ в семантике предлога *по* в примере (4), а не отнесение его только к семантике глагола *похлопать*, подтверждается, во-первых, невозможностью субституции предлога *по* другими предлогами, обозначающими направление движения и контакт. Например, такими семантическими свойствами в русском языке обладает предлог *на*, однако его употребление с глаголом *похлопать* недопустимо (?? *похлопать на плечо(плечу)*). Во-вторых, признак ‘повторяющийся контакт’ в семантике предлога *по* проецируется на его темпоральное значение: конструкции типа *по средам* используются для обозначения цикличности во времени. Признак ‘повторяющийся контакт’, очевидно, обуславливает способность употребления предлога *по* для обозначения периодической локализации относительно группы однородных одинаковых релятумов¹ (пример (5)) либо совокупности ЛО относительно одного РЛ (пример (6)).

(5) А он простой человек безвинный, всю войну **по** подвалам... (Итоги 1).

(6) Раскиданные **по** комнате вещи (Московский комсомолец).

Конструкции с предлогом *по* могут служить также для указания на границы распространения действия. Значение предлога *по* в таких конструкциях часто толкуется как синонимичное значению предлога *до*. Например, в толковом словаре С. А. Кузнецова указывается: «употребляется при указании предела, границы распространения действия, соответствует по значению предлогу *до*. Волосы **по** плечи» [4, с. 847]. Семантические особенности таких конструкций при употреблении с наименованиями частей тела подробно рассмотрены в работе О. Ю. Шеманаевой. По мнению автора, различия в их значении заключается в следующем: «*до*-конструкция обозначает движение по направлению к ориентиру, а *по*-конструкция – результат движения, контакт с ориентиром» [5, с. 123–124]. Предложенная дифференциация, по нашему мнению, не является исчерпывающей, поскольку предлог *до* также может обозначать отношение ‘контакт’ (например, *дотронуться до носа*). Разница в значении данных конструкций заключается, на наш взгляд, в профилировании этими предлогами различных границ: предлог *по* профилирует внутреннюю границу, т.е. релятум включен полностью либо частично в область распространения, а предлог *до* – внешнюю, контакт с которой возможен, но сам релятум остается за границей области распространения. Эти их семантические свойства, очевидно, проявляются

¹ Релятум (РЛ) – имя локализуемого объекта.

при переносе в темпоральную сферу: конструкции типа *до четверга* означают, что срок истекает днем ранее (до конца предыдущего дня), а конструкции *по четверг* – включая этот день. Таким образом, выражение *волосы до плеч* означает то, что *волосы*, может, и касаются плеч, но не прикрывают их, а выражение *по плечи* – какой-то частью или полностью прикрывают плечи.

Если предлог *по* описывает движение в рамках региона, задаваемого внутренними границами локализуемого объекта, то перемещение, описываемое предлогами *через* и *сквозь*, начинается в регионе, задаваемом одной из внешних сторон этого объекта, а цель перемещения находится за пределами его противоположной стороны. Дифференциация значения предлогов *через* и *сквозь* вызывает трудности: в словарных определениях и семантических описаниях отмечается их семантическая близость, значение этих предлогов толкуется с опорой друг на друга. Так, в толковом словаре С. И. Ожегова для предлога *через* приведена дефиниция: «пересекая что-нибудь с одной стороны на другую (*прыгнуть через ручей*); над поверхностью чего-нибудь; располагаясь, протягиваясь по чему-нибудь, по поверхности чего-нибудь (*перепрыгнуть через забор, улица через весь город*); сквозь что-нибудь (*влезть через окно*)» [6, с. 880]. Значение предлога *сквозь* в данном словаре объясняется как «через что-нибудь, через внутреннюю часть чего-нибудь (*пробираться сквозь толпу*)» [Там же, с. 721]. Из приведенных дефиниций видно, что значение предлога *сквозь* уже по сравнению со значением предлога *через* и связано с описанием перемещения во внутреннем регионе, в то время как предлог *через* описывает перемещение как во внутреннем, так и во внешнем регионе.

Проведенное нами исследование показывает, что значение предлога *сквозь* включает знания о таких свойствах пространственных объектов, как целостность и плотность¹. Это подтверждается этимологическими данными: «*Сквозь*. Общеславянское слово, восходящее к той же основе, что и *скважина*» [7]. В свою очередь в толковом словаре *скважина* определяется как «глубокое отверстие в почве, сделанное буровым инструментом» [4, с. 1193].

Таким образом, предлог *сквозь* характеризует локализуемый объект как препятствие на пути следования локализуемого объекта. Чтобы продолжить движение, локализуемый объект либо нарушает целостность локализуемого объекта, либо его движение затрудняется из-за плотности последнего, траектория самого движения при этом не меняется. Данные семантические свойства предлога *сквозь* обуславливают его сочетаемость с глаголами: чаще всего это глаголы типа *пробивать,ся*, *продираться*, *проникать* и т.п., т.е. обозначающие действие с применением некоторого усилия для осуществления перемещения:

(7) *Даже цветок пробивается сквозь почву из своих корней* (Санкт-Петербургские ведомости).

¹ Об основных свойствах пространственных объектов см. [3, с. 74–77].

Знания об отсутствии у локализирующего объекта свойств плотности и целостности накладывают ограничения на употребление предлога *сквозь* с наименованиями геополитических объектов и путей (^{???} *сквозь Беларусь*, ^{???} *сквозь улицу*), а также с наименованиями зданий, поскольку здания представляют собой полое пространство внутри, в таких случаях употребляются наименования их частей (^{???} *сквозь дом*, при допустимости употребления *сквозь стену*).

Эта способность предлога *сквозь*, очевидно, проявляется при его употреблении в конструкциях типа *смех сквозь слезы*, которые обозначают прерывание одного действия другим.

Предлог *через*, описывая движение во внутреннем регионе, в отличие от предлога *сквозь*, не предполагает нарушения целостности локализирующего объекта в результате движения. В качестве релятивов в таких конструкциях выступают наименования внутри полых, не плотных объектов, не препятствующих движению (*тоннель, окно*).

По мнению К. Бругман и Л. Лакоффа, отношение перемещения, обозначаемое предлогом *over*, который является коррелятом предлога *через* в английском языке, можно отобразить в виде образной схемы, представляющей собой форму арки, различные части которой могут профилироваться за счет контекста [8]. Например, в выражении *the dog jumped over the fence* ‘собака перепрыгнула через забор’ профилируется вся арка, а в выражении *Sam lives over the bridge* ‘Сэм живет за мостом’ – ее конечный пункт. Анализ употреблений предлога *через* показывает, что для его семантики подобное профилирование также характерно. Например:

(8) *Взвизгнув, вконец ошалевший Эраст Петрович перемахнул через ограду* [Огонек].

(9) *Его обнаружили на стуле в банке через дорогу* (Известия 2).

Кроме этого, в семантическую структуру предлога *через* входит димензиональный признак ‘верх’, дирекциональный признак ‘протяженность’, топологическое отношение КОНТАКТ. Так, например, признак ‘протяженность’ актуализируется, на наш взгляд, в контекстах типа (10), признак ‘верх’ – (11), указание на контакт – (12).

(10) *Вот что написала Дз, наискосок, через всю страницу, угловатым почерком* (Независимая газета).

(11) *Легко понять, какой станет траектория его полета через голову лошади в следующий миг* (Огонек).

(12) *Миша Сморгевский – художник из Чикаго, веселый тусовщик, получил свою кличку Бутерброд за то, что в Битцевском лесопарке продавал по дешевке свои работы, развесив их через плечо* (Московский комсомолец).

Таким образом, семантика предлога *через* включает в себя разнообразные признаки: он может обозначать как пересечение плоскости, так и движение во внутреннем регионе, может профилировать траекторию движения в виде арки, передавать отношение ‘контакт’, указывать на протяженность движения или на движение в верхнем регионе.

Рассмотрим специфику семантики предлога *мимо*. При помощи конструкций с предлогом *мимо* описывается тот отрезок на маршруте движения локализуемого объекта, когда он находился во внешнем регионе локализуемого объекта, указывая на отношение ‘близкое расположение’:

(13) *В следующую минуту мимо хижины пробежал белый кролик.* (Литературная газета 1).

Дистрибутивный анализ показал, что предлог *мимо* описывает локализацию в визуально воспринимаемом регионе. В качестве релятивов в конструкциях с этим предлогом выступают наименования объектов, относящихся к воспринимаемому пространству (например, здания, сооружения и т.д.), могут выступать наименования населенных пунктов, которые данный предлог характеризует как визуально воспринимаемые (маркируя их внешнюю границу), однако не наименования стран.

Обозначая отношение ‘близкое расположение’, предлог *мимо* исключает ‘контакт’ между соотносимыми объектами. Об этом свидетельствуют контексты типа (14).

(14) *То есть этакий провинциальный Прометей-раздолбай пришел, взял томик собрания сочинений Марининой, зачитался, от волнения закурил, бросил, конечно, мимо урны тлеющий окурок, который и мог стать источником* (Известия 2).

Таким образом, при помощи предлогов семантической подгруппы «дирекционал-путь» в русском языке может описываться отрезок движения во внешнем ближнем регионе (*мимо*); в регионе, задаваемом только внутренними границами локализуемого объекта (*по*); а также в регионе, охватывающим как пространство, занимаемое релятивом, так и близпространство, задаваемое его внешними границами (*сквозь, через*). Обозначая движение во внутреннем регионе, предлоги *сквозь* и *через* по-разному категоризируют объекты, имена которых выступают в качестве РЛ: предлог *сквозь* профилирует границы объектов, предлог *через* характеризует такие объекты как полые внутри. Кроме этого, в семантической структуре предлога *через* выявлены такие признаки, как ‘протяженность’ и ‘верх’, а также способность передавать отношение ‘контакт’ и профилировать траекторию движения в виде арки. Семантической особенностью предлога *по* является профилирование внутренних границ, отношение ‘контакт’ в семантике данного предлога уточняется как кратковременный и повторяющийся.

В немецком языке к подгруппе «дирекционал-путь» относится всего лишь один предлог *durch*. Анализ способов перевода данного предлога на русский язык показывает, что его переводными эквивалентами являются три из четырех рассмотренных выше предлогов – *по, через, сквозь*. На коррелятивные отношения с этими предлогами указывает и дефиниция, приведенная в толковом словаре немецкого языка Duden-online: «bedeutet eine Bewegung, die auf der einen Seite in etwas hinein- und auf der anderen Seite wieder herausführt» ‘обозначает движение, которое, с одной стороны, во что-то входит, а с другой – снова выходит’; eine [Vorwärts]bewegung über eine Strecke innerhalb eines Raumes, Gebietes ‘движение [вперед] по маршруту внутри помещения, области’ [9].

Однако, чтобы определить, включает ли предлог *durch* те же семантические признаки, что и коррелирующие предлоги русского языка, необходим более глубокий семантический анализ, требующий изучения этимологии и анализа употреблений данного предлога в аутентичных контекстах.

Согласно этимологическому словарю немецкого языка Я. Гримма и В. Гримма, происхождение предлога *durch* также связано со словами *дырка, скважина*. Он обозначает «*das gewaltsame dringen durch einen festen Körper der dann gewöhnlich verletzt wird*» ‘насильственное проникновение через твердое тело, которое в результате этого обычно повреждается’, что коррелирует с семантикой предлога *сквозь* [10]. Там же указано, что данный предлог может обозначать и свободное перемещение, не сопровождающееся сопротивлением. Такая способность присуща семантике предлогов *по* и *через*.

В ходе исследования установлено, что семантика предлога *durch* не охватывает весь спектр отношений, репрезентированных в семантике его коррелятов в русском языке. Так, в семантику данного предлога не входят признаки, связанные с перемещением во внешнем регионе, входящие в семантику предлогов *по* и *через*. В обобщенном виде семантические характеристики этих языковых единиц представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Семантические характеристики предлогов *по, сквозь, через, durch*

Семантические признаки	<i>по</i>	<i>сквозь</i>	<i>через</i>	<i>durch</i>
Спецификация дирекционального отношения				
Траектория перемещения имеет форму арки	–	–	+	–
Перемещение, сопряженное с усилием	–	+	n	+/-
Протяженность маршрута	–	n	+	+
Нарушение целостности РЛ в результате перемещения ЛО	–	+	–	+/-
Распространенность действия	+	–	–	–
Спецификация региона локализации				
Место, занимаемое РЛ	+	+	+/-	+/-
Поверхность РЛ	+	–	+/-	–
Ближние регионы, задаваемые противоположными сторонами РЛ	–	+	+	+/-
Верхний регион РЛ	–	–	+	–
Внутренние границы РЛ	+	–	–	–
Спецификация топологического отношения				
Контакт	+	n	+/-	n

Примечание: n – немаркированность признака.

Более широкий спектр признаков в семантике предлогов подгруппы «дирекционал-путь» в русском языке не означает, однако, того, что немецкий язык не обладает языковыми средствами для обозначения соответствующих отношений. Переводным эквивалентом предлога *мимо* в немецком языке является сочетание предлога *an* ‘у’ и наречия *vorbei* ‘мимо’, которое указывается в словарях и подтверждается анализом контекстов из параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Отношения, связанные с перемещением во внешнем регионе, обозначаемые русскими предлогами *через* и *по*, в немецком языке описываются при помощи топологических и димензиональных предлогов. Анализ имеющихся семантических описаний немецких топологических и димензиональных предлогов не позволил, однако, выявить языковые единицы, в семантику которых входят такие признаки, как ‘профилирование внутренних границ релятума’ и спецификация отношения КОНТАКТ (повторяющийся), присущих семантике предлога *по*¹. В обобщенном виде предложные средства, при помощи которых специфицируются отношения пути перемещения в русском и немецком языках, представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Предложные средства описания пути перемещения
в русском и немецком языках

Семантические признаки	<i>по</i>	<i>сквозь</i>	<i>через</i>	<i>мимо</i>
Спецификация дирекционального отношения				
Траектория перемещения имеет форму арки	–	–	<i>über</i>	–
Перемещение, сопряженное с усилием	–	<i>durch</i>	<i>n</i>	–
Протяженность маршрута	<i>über</i>	<i>n</i>	<i>über</i>	–
Распространенность действия	<i>über</i>	–	–	–
Промежуточный отрезок маршрута				<i>an vorbei</i>
Нарушение целостности РЛ в результате перемещения ЛО	–	<i>durch</i>	–	–
Спецификация региона локализации				
Место, занимаемое РЛ	<i>durch über</i>	<i>durch</i>	<i>durch</i>	–
Поверхность РЛ	<i>über auf gegen</i>	–	<i>über</i>	–
Ближние регионы, задаваемые противоположными сторонами РЛ	–	<i>durch</i>	<i>durch über</i>	–
Ближний регион, задаваемый одной из внешних сторон РЛ	–	–	–	<i>an vorbei</i>
Верхний регион РЛ	–	–	<i>über</i>	–

¹ Поскольку исследование семантики топологических и димензиональных предлогов не входит в задачи данной работы, мы опираемся лишь на имеющиеся данные.

Спецификация топологического отношения				
Контакт	<i>über auf gegen</i>	<i>n</i>	<i>über</i>	–
Дистанция	–	–	<i>n</i>	<i>an vorbei</i>
Близкое расположение	–	–	–	<i>an vorbei</i>

Таким образом, проведенное исследование позволило установить общее и специфичное в членении пространства с помощью предлогов при описании пути перемещения. В обоих языках с помощью предлогов семантической подгруппы «дирекционал-путь» может описываться движение в регионе, задаваемом границами локализующего объекта. При этом в русском языке могут задаваться димензиональные характеристики региона, а также описываться движение во внешнем ближнем регионе, исключающее КОНТАКТ. Специфичным для русского языка является способность профилировать внутренние границы релятума, а также уточнять отношение КОНТАКТ как кратковременный и повторяющийся при помощи предлога *no*. Специфичным для немецкого языка является обозначение отношений при перемещении во внешнем регионе при помощи димензиональных и топологических предлогов (*über, auf, gegen*), либо при помощи комбинации топологического предлога и наречия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jackendoff, R. S. Semantics and cognition / R. S. Jackendoff. – Cambridge : MIT Press, 1990. – XIII, 283 p.*
2. *Svorou, S. The grammar of space / S. Svorou. – Amsterdam : J. Benjamins Publ. Co, 1993. – XIV, 277 p.*
3. *Тарасевич, Л. А. Пространственные предлоги в немецком и русском языках : семантика и функционирование : дис. ... док. филол. наук : 10.02.20 / Л. А. Тарасевич. – Минск, 2016. – 284 л.*
4. *Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов ; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.*
5. *Шеманаева, О. Ю. «Снег рыхлый по колено ей» : семантические особенности конструкции измерения уровня с предлогом *no* в русском языке [Электронный ресурс] / О. Ю. Шеманаева // Московский лингвист. журн. – 2008. – № 6. – С. 120–156. – Режим доступа : <https://www.rsuh.ru/vestnik/ifkv/no-6-2008.php>. – Дата доступа : 05.05.2020.*
6. *Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. имени В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО « А ТЕМП », 2006. – 944 с.*

7. Этимологический словарь Крылова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gufo.me/dict/krylov>. – Дата доступа : 23.05.2020.
8. Brugmann, C. M. Cognitive topology and lexical networks / C. M. Brugmann, G. Lakoff // Lexical ambiguity resolution : perspectives from psycholinguistics, neuropsychology, and artificial intelligence / G. Adriaens [et al.] ; ed. : S.L. Small, G. W. Cottrell, M. K. Tanenhaus. – San Mateo, 1988. – P. 477–508.
9. Duden online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.duden.de>. – Дата доступа : 05.06.2020.
10. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB. – Дата доступа : 05.06.2020.

The article deals with particularities of describing a movement path with the help of prepositions in German and Russian. In Russian, spatial relations are marked by directional prepositions of movent both in the external and internal domains of the localized object. In German, directional prepositions are used to denote relations only in the inner domain; relations in the external domain are described by prepositions of other semantic subgroups.

Поступила в редакцию 15.12.2020

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

С. Е. Борзенец

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «GLAMOUR»
И ЕГО ОБЪЕКТИВАЦИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена описанию семантической структуры сегмента концепта «glamour», ассоциированного со смыслом ‘привлекательность, связанная с наличием богатства, успеха, статуса’, в американской лингвокультуре. Установлено, что его структуру образуют концептуальные признаки ‘известность’, ‘отнесенность к прошлому’, ‘высокая степень проявления признака’, ‘принадлежность к женскому полу’, ‘ложное, поддельное’, ‘неинтеллектуальность’ и др. Анализ выявил как положительно-оценочные, так и отрицательно-оценочные коннотации у слов-репрезентантов исследуемого сегмента концепта, а также наличие у концепта значительной чувственно-образной составляющей.

Характерной чертой лингвокультурологических исследований на современном этапе является активное освоение достижений когнитивной лингвистики и концептуального анализа языка. «Язык – одно из средств доступа к сознанию человека», – постулируют воронежские исследователи З. Д. Попова и И. А. Стернин, – «через язык можно познать и эксплицировать концептуальное содержание сознания» [1, с. 7]. Изучение концептов, таким образом, дает основу для моделирования особенностей национального миропонимания, демонстрирует срез культуры в тот или иной отрезок времени.

Концепт, согласно емкому определению С. Г. Воркачева, это «вербализованный культурный смысл» [2, с. 11]. Исследователи указывают на такие характерные черты этой единицы мыслительной деятельности, как образность, субъективность, расплывчатость денотативного содержания, ценностность [3, с. 13]. Так, Т. Б. Радбиль говорит о концепте как о том, «что представляется мне при произнесении слова, даже порой и неосознанно для меня самого, и то, что имеет для меня значение, порою я и сам не знаю, какое» [4, с. 207].

Настоящая статья посвящена изучению концепта «glamour» ‘очарование¹’, а именно его сегмента, ассоциированного со смыслом ‘привлекательность, связанная с наличием богатства, успеха, статуса’. Цель данной работы состоит в определении содержания концепта на основе комплексного подхода.

Основой для исследования концепта «glamour» послужили словарные данные, данные корпуса СОСА [5] и материалы психолингвистического эксперимента.

¹ Перевод на русский язык ключевого слова, именуемого исследуемый концепт, является неточным вследствие проблемы лакунарности.

Первый аспект исследования предполагает лексико-семантический анализ словарных дефиниций слова *glamour* (*glamor*). Таким образом определяются семантические константы исследуемого концепта в английском языке.

Согласно этимологическим данным, приведенным в онлайн-словарях издательств Longman, Merriam-Webster и Oxford University Press, слово *glamour* впервые появилось в шотландском варианте английского языка в начале XVIII в. в значении 'магия, колдовство'. *Glamour* (существовавшее также в орфографии *glamer*) являло собой искаженный вариант слова *grammar*, которое восходит к латинскому *grammatica*. В средние века *grammar* означало 'ученость', а к этой сфере необразованное население относило, кроме прочих, и оккультные знания.

Этот этимологический смысл сохранился в современном значении слова *glamour* '(колдовские) чары' (1), которое, в свою очередь, развилось в более общее значение – 'очарование', 'привлекательность' (2). Далее семантическое развитие лексемы шло по пути сужения этого значения с последующим выделением в обособленный лексико-семантический вариант (3): 'привлекательность, связанная с наличием богатства, успеха, статуса'.

Факт выделенности этих значений подтверждается различием синонимических рядов:

- *charm* 'очарование', *magic* 'волшебство, магия', *sorcery* 'колдовство, чары', *spell* 'чары' (для ЛСВ (1));
- *allure* 'обаяние, прелесть', *appeal* 'притягательность', *attractiveness* 'привлекательность', *magnetism* 'магнетизм, привлекательность, обаяние' (для ЛСВ (2));
- *chic* 'шик', *elegance* 'элегантность, утонченность', *glitz* 'качество, предполагающее причастность к богатству, известности, моде', *luxury* 'богатство, роскошь', *prestige* 'престиж' (для ЛСВ (3)).

Проанализировав словарные дефиниции, с помощью метода компонентного анализа мы определили, что ядро концепта «*glamour*» включает в себя смыслы 'привлекательность' и 'не поддающийся объяснению'. В околоядерную область концепта входит смысл 'не поддающийся объяснению с точки зрения понятий материального мира'. К области периферии относится смысл 'сопряженность с богатством, успехом, статусом', который можно приравнять к смыслу 'объясняемый сопряженностью с богатством, успехом, статусом'. Это позволяет продемонстрировать его противопоставленность одному из ядерных смыслов концепта, что и предопределяет его периферическое положение.

Именно этот периферийный сегмент концепта «*glamour*», ассоциированный с лексико-семантическим вариантом 'привлекательность, связанная с наличием богатства, успеха, статуса', представляет наибольший интерес для исследователя как динамично развивающийся в наши дни.

Так, во второй половине XX в. впервые были зафиксированы такие дериваты ключевого слова, именующего исследуемый концепт, как *glamazon*

‘роскошная, высокая, самоуверенная женщина’, образованный путем контаминации на базе слов *glamour* в значении (3) и *Amazon* ‘амазонка’, *to (de)glamorize* ‘придавать кому-л. (чему-л.) особый лоск и налет роскоши’, усеченный вариант *glam*, приобретший дополнительный оттенок значения ‘экстравагантно броский’, *glamour-puss* ‘человек, чья привлекательность предполагает наличие богатства, успеха’, образованный путем сложения основ. XXI в. добавил к ряду дериватов слова *glamorizer* ‘некто, усиливающее привлекательность, намекающую на богатство, успех, статус’, и *glamping*, образованное путем контаминации на базе слов *glamour* в значении (3) и *camping* ‘палаточный туризм’, означающее, таким образом, ‘палаточный туризм, характеризующийся повышенным уровнем комфорта’.

Второй аспект исследования предполагает анализ контекстной сочетаемости слова *glamour* и его дериватов, основой для которого послужили данные СОСА [5], корпуса современного американского варианта английского языка.

Анализ контекстной сочетаемости слова *glamour* и его дериватов позволил выделить следующие смысловые зоны исследуемого сегмента концепта «glamour»:

- богатство: *rich* ‘богатый’, *wealth* ‘богатство’, *affluent* ‘состоятельный’, *precious* ‘драгоценный’, *prosperous* ‘процветающий’, *possessions* ‘владение, собственность’, *money* ‘деньги’, *gold* ‘золото’, *glitz* ‘качество, предполагающее причастность к богатству, известности, моде’ (*glitzy*), *privileged* ‘пользующийся преимуществами в силу своего богатства, статуса’, *socialite* ‘богатый любитель модных вечеринок’, *be rolling in it* ‘быть очень богатым’, *patina of wealth* ‘печать богатства’;

- успех: *success* ‘успех’, *achieve* ‘достигать’, *win* ‘побеждать’, *prestige* ‘авторитет, престиж’, *status* ‘статус’, *blockbuster* ‘фильм, имеющий успех’, *high-powered* ‘важный, успешный’, (*mega*)*hit* ‘песня, фильм, имеющие успех’, *smash* ‘новые песня, фильм, имеющие успех’, *supernova* ‘некто, обретший успех, популярность’, (*super*)*star* ‘некто, обретший успех, популярность, звезда’, *title* ‘титул, статус’, *Oscar* ‘премия, назначаемая за успехи киноиндустрии’;

- привлекательность, красота: *charm* ‘очарование’, *beautiful* ‘красивый’, *elegance* ‘элегантность’ (*elegant*), *gorgeous* ‘очень привлекательный’, *grace* ‘грация’, *lovely* ‘красивый, привлекательный’, *pretty* ‘миловидный’, *cute* ‘изящный’, *ideal* ‘стандарт совершенства, красоты’, *beauty queen* ‘королева красоты’, *make-up* ‘макияж’, *pampering* ‘уход, ритуалы красоты’, *understated* ‘привлекательный отсутствием чрезмерности’, *vanity* ‘тщеславие, предполагающее высокую оценку своей привлекательности’.

Присутствие вышеназванных смысловых зон предопределено словарным значением ЛЕ *glamour* (3). Помимо таковых, анализ контекстной сочетаемости обнаружил следующие смыслы:

- известность: *cameo* ‘эпизодическая роль, сыгранная знаменитостью’, *celebrity* ‘знаменитость’, *glitz* ‘качество, предполагающее причастность

к богатству, известности, моде’, *glory* ‘слава’, *fame* ‘слава’ (*famous, infamous, world-famous*), *icon* ‘знаменитость, вызывающая восхищение, икона’, *interview* ‘встреча, на которой знаменитость отвечает на вопросы о своей жизни’, *legendary* ‘легендарный’, *look-alike* ‘двойник знаменитости’, *notorious* ‘(печально) известный’, *popular* ‘популярный’, *publicity* ‘популярность, известность’, *renowned* ‘знаменитый, прославленный’, *well-known* ‘известный’;

- причастность к миру моды: *catwalk* ‘подиум’, *edgy* ‘новомодный, «острый»’, *fashion* ‘мода’, *glitz* ‘качество, предполагающее причастность к богатству, известности, моде’, *socialite* ‘богатый любитель модных вечеринок’, *style* ‘стиль’ (*stylish*), *vogue* ‘мода’;

- визуальное: *catwalk* ‘подиум для показа моделей’, *close-up* ‘крупный план’, *cover* ‘обложка’, *designer* ‘дизайнер’, *lighting* ‘освещение’, *magazine* ‘журнал’, *make-up* ‘макияж’, *portrait* ‘портрет’, *photograph* ‘фотография’ (*photographer*), *shot* ‘снимок’, *visual* ‘визуальный’;

- высокая степень проявления признака: *all-out* ‘тотальный’, *classic* ‘превосходного качества’, *dazzling* ‘вызывающий чувство сильного восхищения’, *egregious* ‘вопиющий’, *embody* ‘являться наилучшим примером чего-л.’, *epic* ‘грандиозный’, *epitomize* ‘являться наилучшим примером чего-л.’, *exaggerated* ‘преувеличенный’, *exciting* ‘восхитительный’, *fabulous* ‘поразительный, запредельный’ (*fab*), *full-on* ‘неумеренный’, *highlight* ‘отводить главное место’, *high-wattage* ‘необыкновенно мощный’, *high-powered* ‘необыкновенно мощный’, *ideal* ‘безукоризненный’, *insanely* ‘безумно’, *irresistible* ‘неодолимый’, *lavish* ‘щедрый’, *ooze* ‘источать, явственно демонстрировать какое-л. качество’, *over-the-top* ‘сверх меры’, *overdose* ‘передозировка’, *quintessential* ‘являющийся квинтэссенцией’, *radiate* ‘излучать, явственно демонстрировать какое-л. качество’, *royal* ‘первоклассный’, *sensational* ‘сенсационный’, *sheer* ‘полнейший’, *sophisticated* ‘утонченный’, *thrilling* ‘волнующий, потрясающий’, *trashy* ‘крайне плохого качества’, *ultimate* ‘предельный’, *unparalleled* ‘несравненный’;

- отнесенность к прошлому: *Art Deco* ‘Ар Деко, стиль, популярный в 1920–1930 гг.’, *bygone* ‘прошлый’, *old-fashioned* ‘старомодный’, *old-school* ‘старой закалки’, *old-world* ‘ассоциирующийся со старыми временами’, *pre-war* ‘довоенный’, *retro* ‘ретро’, *silent era (of cinematography)* ‘эра немого кино’, *Jacqueline Kennedy*.

Стоит отметить, что анализ контекстов, где были выявлены репрезентанты смысла ‘отнесенность к прошлому’, позволяет заключить, что они использовались в качестве указания на едва ли достижимый идеал привлекательности, элегантности и роскоши, редко встречаемый ныне, а следовательно, употреблялись для актуализации значения ‘высокая степень проявления признака’.

Как видно, вышеобозначенные смысловые зоны репрезентированы большим количеством лексических единиц. Среди значимых, но не столь многочисленно представленных зон назовем следующие:

- принадлежность к женскому полу: *actress* ‘актриса’, *gal* ‘девчушка’, *girl* ‘девушка’, *feminine* ‘женский’, *puss* ‘киска, кокетливая девушка’, *queen* ‘королева’;
- молодой возраст: *gal* ‘девчушка’, *girl* ‘девушка’;
- сексуальная привлекательность: *sexy* ‘сексапильный’, *seductive* ‘соблазнительный’ (*seductress*);
- необъяснимое: *aura* ‘аура’, *mystery* ‘тайна’;
- привлекающее внимание: *high-profile* ‘заметный’, *theatrical* ‘наигранный’;
- малая степень проявления признака: *faded* ‘блеклый’, *subtle* ‘неуловимый’;
- негативный опыт: *trauma* ‘травма’, *tragedy* ‘трагедия’;
- ложное, поддельное: *fake* ‘поддельный’, *phony* ‘фальшивый’;

Выделение смысловых зон, как правило, имеет под собой лингвистическую основу, однако не исключено и культурно обусловленное выделение, например:

- провокационное: *bikini* ‘купальник бикини’, *bust* ‘женский бюст’, *cleavage* ‘декольте’, *nude* ‘обнаженный’.

Заметим, что ряд слов, выявленных в ходе анализа контекстной сочетаемости обсуждаемого ЛСВ слова *glamour*, пронизывает несколько смысловых зон: *glitz* – богатство, известность, мода; *opulent* – богатство, красота, высокая степень проявления признака, *socialite* – известность, мода, богатство, *icon* – известность, привлекательность.

Таким образом, анализ контекстной сочетаемости выявил 17 смысловых зон исследуемого сегмента концепта «glamour», представленных 162 лексическими и фразеологическими единицами.

Для изучения представлений о концепте «glamour» в сознании носителей американского варианта английского языка был проведен психолингвистический эксперимент, целью которого было выявление глубинных семантических признаков слова *glamour*. Информантам, четверем мужчинам и пяти женщинам в возрасте от 30 до 45 лет, имеющим степень магистра, было предложено а) дать определение понятию *glamour* (метод прямого толкования); б) записать ассоциации в ответ на стимул *glamour* (метод свободного ассоциативного эксперимента). В результате опроса было установлено, что все смыслы концепта «glamour», выделенные на основе анализа словарных дефиниций, отражены в массовом языковом сознании. Примечательно, что трое из информантов не упомянули в своем ответе ЛСВ (1) слова *glamour* ‘(колдовские) чары’, в то время как смыслы, соответствующие ЛСВ (2) и ЛСВ (3) отражены во всех листах ответов. Каждый из информантов указал около семи реакций на предложенный стимул, всего было получено 62 реакции. Представленные реакции можно объединить в следующие лексико-семантические группы:

- локации: *Hollywood*, *Vegas*, *big city* ‘большой город’, *spa* ‘место, где предоставляются услуги по восстановлению красоты, здоровья’;

- лица: *Kim Kardashian, Nicole Richie, Christina Richie, Sarah Simpson, Kylie Jenner, Kendall Jenner, Selena Gomez, Kutcher, Jackie Kennedy*;
- лица по межличностным отношениям: *BFF* ‘лучшая подруга’, *boyfriend* ‘возлюбленный, бойфренд’;
- лица по профессии: *actress* ‘актриса’, *singer* ‘певец’;
- лица по исполняемой им социальной роли: *celebrity* ‘знаменитость’;
- животные: *Chihuahua* ‘чихуахуа’;
- предметы: *(red) lipstick* ‘помада’, *clothes* ‘одежда’;
- абстрактные понятия: *allure* ‘обаяние, прелесть’, *beauty* ‘красота’, *charm* ‘очарование’, *fame* ‘слава’, *glitz* ‘качество, предполагающее причастность к богатству, известности, моде’, *parody* ‘пародия’, *success* ‘успех’, *wealth* ‘богатство’;
- чувства: *fun* ‘веселье’;
- сферы деятельности: *showbiz* ‘шоу-бизнес’, *high fashion* ‘высокая мода’;
- мероприятия, церемонии: *Oscar (the Oscar ceremony)*, *red carpet (event)* ‘красная ковровая дорожка’;
- признаки (положительные качества): *romantic* ‘романтический’, *fascinating* ‘пленительный’, *sexy* ‘сексапильный’;
- признаки (отрицательные качества): *silly* ‘глупый’, *vapid* ‘неумный’, *fake* ‘поддельный’, *illusory* ‘иллюзорный’, *gaudy* ‘безвкусный, кричащий’.

Данный эксперимент позволил выделить 40 ассоциатов к слову *glamour*, при этом около 30 % реакций были повторяющимися. Такое выраженное единодушие касалось, прежде всего, наименований локаций, лиц и мероприятий, связанных с концептом «*glamour*» экстралингвистически и являющихся, очевидно, символическими для рассматриваемого явления.

Отметим, что в ответах информантов найдена лишь одна реакция, имеющая коннотацию ‘колдовские, магические чары’ – *charm* ‘очарование’. Ряд ассоциатов отражают смыслы, соответствующие как ЛСВ (2), так и ЛСВ (3) слова *glamour*: таковы *actress, allure, beauty, lipstick*. 33 % реакций содержат лексические единицы, обнаруженные при анализе контекстной сочетаемости слова *glamour* и его дериватов, что показывает, что смыслы, выявленные при анализе системно-семантических данных, актуальны в современном массовом языковом сознании. 67 % реакций способны либо дополнить ранее выявленные смысловые зоны (например, привлекательность: *gaudy, (red) lipstick, spa*; ложное: *illusory, parody*; высокая степень проявления признака: *fascinating*), либо образовать новые (например, неинтеллектуальность: *silly, vapid*).

Как видно, эксперимент позволил выявить чувственно-образную составляющую исследуемого сегмента концепта.

Итак, структуру исследуемого нами сегмента лингвокультурного концепта «*glamour*» образуют не менее 18 концептуальных признаков, то есть смыслов, которые «в одних случаях формально совпадают с отдельным словарным значением, в других случаях – с отдельной семой, еще в каких-то случаях – с коннотацией» [6, с. 68]. Представление этого сегмента концепта

характеризуется положительными коннотациями, однако анализ контекстной сочетаемости слова *glamour* и данные эксперимента демонстрируют развитие у слов-репрезентантов данного сегмента концепта отрицательных коннотаций. Яркость концептуального признака ‘высокая степень проявления признака’, объективированного 38 единицами с выраженной оценочностью, свидетельствует о значимости концепта «*glamour*» в сознании носителей американского варианта английского языка.

Переводя полученные данные в плоскость культурологии, мы видим, что *glamour* ‘привлекательность, предполагающая наличие богатства, успеха, статуса’ имеет женское лицо, ее символ – женщина, скорее, молодая, актриса, но не актер (среди девяти имен собственных лиц, указанных в качестве реакции в эксперименте, лишь одно принадлежит мужчине). Она знаменитость (как правило, в сфере шоу-бизнеса, моды), и ее успех и финансовая состоятельность наделяют аурой привлекательности и сексапильности не только ее саму, но и ее близких (подруг, молодых людей). Эта персона, сопровождаемая собачкой породы чихуахуа, блистает на светских мероприятиях в большом городе, предпочтительно в Голливуде или Лас-Вегасе, при этом ей трудно превзойти в шике звезд прошлого. Она может выглядеть провокационно, привлекая всеобщее внимание. Все аспекты ее жизни характеризует чрезмерность. Такой способ существования привлекателен, но не исключает негативный опыт. Между тем попытка искусственного создания этой привлекательности выглядит фальшиво и пародийно, а увлечение внешней стороной вещей демонстрирует недалекость приверженцев такого образа жизни.

Продемонстрированная в статье комплексная методика исследования языковой объективации концепта позволяет выявить его структуру в национальной концептосфере и уточнить представление о столь характерном явлении наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова, З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов : в 8 т. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 7–10.
2. Воркачев, Л. Г. Постулаты лингвоконцептологии / Л. Г. Воркачев // Антология концептов : в 8 т. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 10–13.
3. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов : в 8 т. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 13–15.
4. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета : учеб. пособие / Т. Б. Радбиль. – М.: Флинта : Наука, 2013. – 328 с.
5. Corpus of Contemporary American English, COCA [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.english-corpora.org/coca/>. – Date of access : 05.11.2020.

6. Глебова, Н. Г. Когнитивные признаки концепта «русскость» в национальной концептосфере и его объективация в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. Г. Глебова. – Нижний Новгород, 2018. – 224 л.

The article deals with the segment of the concept of «glamour» that is associated with ‘the attractive and exciting quality of being connected with wealth and success’, and the way it is represented in contemporary American English. A series of conceptual characteristics of this concept were singled out, among which are ‘fame’, ‘the past’, ‘high degree of representation of the quality’, ‘femininity’ and others.

Поступила в редакцию 01.02.2021

Т. С. Котик

О СЕМАНТИКЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СЛОЖНЫХ НАРЕЧИЙ С ФОРМАНТАМИ *HIN* И *HER* (на материале немецкого языка)

В статье рассматриваются дейктические наречия типа *hin-/her-* + предлог (наречие). Выявлено, что данные языковые единицы наследуют семантический компонент соответствующего дейктического форманта и ориентируют направление движения относительно субъекта дейксиса. Установлено, что дейктические наречия являются частотными и употребляются в немецком языке наряду с синонимичными предложными конструкциями для описания схожих пространственных ситуаций. Определены пространственные области, движение в которые получает преимущественное обозначение в немецком языке. Выявлены синтаксические позиции, в которых употребляются исследуемые языковые единицы. Установлены особенности репрезентации пространственных ситуаций с помощью дейктических наречий.

Локальные дейктики *hin* ‘туда’ и *her* ‘сюда’ отличаются высокой словообразовательной активностью. В частности, они активно вступают в словообразовательные отношения с предлогами, образуя дейктические наречия типа *hin-/her-* + предлог (наречие), например, *hinauf* ‘вверх’, *heraus* ‘наружу’, обозначающие направление перемещения. В результате сплошной выборки из [1] установлено, что дейктик *hin* ‘туда’ вступает в словообразовательные отношения с 9 предлогами (*ab* ‘от, из, с’, *an* ‘у, при’, *auf* ‘на’, *aus* ‘из’, *durch* ‘через’, *in*¹ ‘в’, *unter* ‘под’, *über* ‘над’, *zu* ‘к’) и наречием *weg* ‘прочь’. Дейктик *her* ‘сюда’ образует дериваты с 11 предлогами (*ab* ‘от, из, с’, *an* ‘у, при’, *auf* ‘на’, *aus* ‘из’, *bei* ‘от, у, при’, *in*² ‘в’, *um* ‘вокруг, около’, *unter* ‘под’, *über* ‘над’, *vor* ‘перед’, *zu* ‘к’) и наречием *nieder* ‘вниз’.

Корпусное исследование показывает, что дейктические наречия функционируют параллельно с синонимичными им наречиями без дейктического компонента, например, *nach oben* ‘вверх’ – *hinauf* ‘вверх’, а также

¹ *hinein* – die form. mhd. *hin in* [2].

² *herein* – im mhd. in getrennter Stellung *her in* und *her in häufig* [2].

с синонимичными предложными конструкциями, обозначающими перемещение в ту же область, например, *hinaus auf die Straße* ‘на улицу’ – *auf die Straße* ‘на улицу’.

Как показывает анализ контекстов из [3], дейктические наречия при переводе оригинальных текстов с немецкого языка на русский язык опускаются, а при переводе с русского языка на немецкий язык – возникают там, где они не присутствовали в тексте-оригинале. Так, в примере (1)¹ при описании пути в комнату конструкция *von unten herauf* при переводе на русский язык (1а) опускается: высказывание *der Eingang von unten herauf durch eine Falltür führte* переводится как ‘вход ... вел через подъемную дверь’, в то время как дословно текст оригинала можно перевести как: ‘вход вел снизу туда вверх через подъемную дверь’.

(1) *So war ich z. B. heute nacht in einem höchst sonderbaren Zimmer, zu dem der Eingang von unten herauf durch eine Falltür führte.* [Gustav Meyrink. «Der Golem» (1914)] / (1а) *Так, например, я сегодня ночью был в одной необычайно странной комнате, вход в которую вел через подъемную дверь.* [Густав Майринк. «Голем» (Д. Выгодский, 1922)].

С другой стороны, при переводе на немецкий язык описания пространственной ситуации в примере (2) *из дверей другой комнаты выставил голову какой-то мужчина* в (2а) используется конструкция с дейктическим наречием *hinein*, которое отсутствует в тексте-оригинале. Дословно описание на немецком языке можно было бы перевести как ‘какой-то мужчина просунул голову к двери туда внутрь’.

(2) *... за спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой испаньолкой под губой.* [Н. В. Гоголь. «Шинель» (1842)] / (2а) *... hinter ihr steckt ein Herr mit Backenbart und Fliege unter der Lippe den Kopf zur Tür hinein.* [Nicolaj Gogol. «Der Mantel» (Rudolf Kassner, 1912)].

Можно предположить, что рассматриваемые сложные дейктические наречия играют особую роль в немецком языке при описании пространственных ситуаций, которые конституируются через направленное движение.

Цель данной работы – выявить особенности репрезентации пространственных ситуаций с помощью дейктических наречий по сравнению с другими языковыми средствами в немецком языке, а также по сравнению с русским языком.

Для достижения поставленной цели необходимо, в первую очередь, выявить, наследуется ли дейктический компонент в семантике сложного наречия. Анализ переводов данных сложных наречий на русский язык в переводных словарях показал, что при их переводе значение соответствующих дейктиков (*hin* – по направлению от говорящего, *her* – по направлению к говорящему) не сохраняется, например, *hinaus* ‘наружу, из, за’, *heraus* ‘наружу’ и т.д. [4]. (Дословно на русский язык такие наречия можно перевести как *hinaus* ‘туда из’, *herunter* ‘сюда под’).

¹ Здесь и далее примеры взяты из [3].

Однако из дефиниций наречий в толковых словарях следует, что данные единицы служат для ориентации в пространстве не только по отношению к объектам, именуемым в коммуникации, но и по отношению к говорящему, т.е. производное наречие наследует семантику соответствующего форманта. Так, в толкованиях сложных наречий с *hin-/her-* присутствуют элементы, передающие информацию о направленности движения относительно говорящего, например, *hinauf* ‘вверх’ – «von hier¹ unten nach [dort] oben» ‘отсюда снизу туда наверх²»; *heraus* ‘наружу’ – «von dort drinnen hierher nach draußen» ‘отсюда изнутри туда наружу’, т.е. данные наречия описывают перемещение из ближней области по отношению к говорящему (*hier* ‘здесь’, *dieser* ‘этот’) в дальнюю область (*dort* ‘там’, *anderer* ‘другой’) или в обратном направлении. Только в дефиниции наречия *herum* содержится информация, указывающая на способ движения/перемещения (*in kreis- oder bogenförmiger Richtung oder Bewegung* ‘в круговом или дугообразном направлении или движении). Данное наречие не является дейктическим и не ориентирует направление движения относительно говорящего/слушающего.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что семантика дейктиков *hin* и *her* наследуется производным наречием, что свидетельствует о более облигатном характере информации о направленности движения по отношению к говорящему/слушающему для немецкого языка.

Для выявления особенностей описания пространственных ситуаций в немецком языке с помощью дейктических наречий мы обратились к НКНЯ [5]. В частности, выяснялось, насколько употребительны исследуемые наречия. Установлено, что они являются очень частотными языковыми единицами³. В табл. 1 представлены количественные данные употребительности этих наречий во всей совокупности их значений.

Т а б л и ц а 1

Частотные характеристики дейктических наречий⁴

Частотный ранг	Сложное наречие с <i>hin</i>	Общее кол-во употреблений	Частотный ранг	Сложное наречие с <i>her</i>	Общее кол-во употреблений
1.	<i>hinaus</i>	14448	1.	<i>heraus</i>	10369

¹ Hier ‘здесь’ – an dieser Stelle, an diesem Ort, an dem der Sprecher sich befindet oder auf den er hindeutet ‘в этом месте, в месте, в котором находится или на которое указывает говорящий’.

² Здесь и далее перевод наш.

³ Рассматриваемые языковые единицы, наряду с наречной, могут выполнять функцию отделяемой приставки, например, *hinauffahren* ‘ехать вверх’ и т.д. Для определения частотности мы учитывали только те вхождения, где исследуемые единицы употребляются в качестве наречий.

⁴ Представленные количественные данные не учитывают краткие формы *ran*, *raus*, *runter*, *rein*, *rauf*, *rüber*, которые употребляются в разговорной речи и являются значительно менее частотными по сравнению с полными формами, например, наибольшее количество контекстов (2316) зафиксировано для краткой формы *raus*, в то время как для соответствующих полных форм *hinaus* и *heraus* зафиксировано 14448 и 10369 контекстов соответственно.

2.	<i>hinein</i>	7353	2.	<i>hervor</i>	5492
3.	<i>hinzu</i>	4152	3.	<i>herum</i>	5618
4.	<i>hinauf</i>	3760	4.	<i>heran</i>	2819
5.	<i>hindurch</i>	3452	5.	<i>herunter</i>	2151
6.	<i>hinunter</i>	2850	6.	<i>herab</i>	2074
7.	<i>hinweg</i>	2670	7.	<i>herein</i>	2045
8.	<i>hinüber</i>	2417	8.	<i>herauf</i>	1221
9.	<i>hinab</i>	2028	9.	<i>herüber</i>	934
10.	<i>hinan</i>	128	10.	<i>herbei</i>	722
11.			11.	<i>hernieder</i>	23
12.			12.	<i>herzu</i>	4
Всего контекстов	43258		33471		

Из таблицы следует, что, несмотря на то, что количество наречий, образованных с помощью словообразовательного форманта *her-*, больше, чем количество наречий, в состав которых входит формант *hin-* (12 и 10 соответственно), общее количество контекстов с наречиями с *hin-* на 23 % превышает общее количество контекстов с наречиями с *her-*. Из этого можно сделать вывод о том, что дейктические наречия с *hin-* являются более употребительными в немецком языке.

Следует отметить, что только 8 предлогов выступают в качестве общей производящей основы для обоих дейктиков – *ab, an, auf, aus, ein, unter, über, zu*. В результате взаимодействия дейктика с предлогом/наречием образуются 8 антонимичных пар наречий. Предлоги *durch, vor, um, bei* и наречия *nieder¹, weg* вступают в словопроизводные отношения только с одним из дейктиков. Это объясняется особенностями семантики производящих предлогов и наречий, которые находятся в отношениях семантического согласования. Например, из дефиниций наречия *weg* ‘прочь’ и предлога *durch* ‘через, сквозь’ следует, что данные языковые единицы обозначают удаление [1] и вступают в словообразовательные отношения только с формантом *hin-*, также обозначающим удаление. Предлоги *vor, um, bei*, вступающие в словообразовательные отношения только с дейктиком *her-*, подразумевают близкое местоположение [1]. Из этого можно сделать вывод о том, что для взаимодействия предлога/наречия с дейктиком необходимо их семантическое согласование и одинаковое векторное направление.

Как говорилось выше, рассматриваемые наречия являются многозначными единицами. На основании данных из табл. 1 нельзя делать выводы

¹ Наречие *nieder* ранее вступало в словопроизводные отношения и с дейктиком *hin*. В словаре [2] зафиксировано наречие *hinnieder*, которое вышло из употребления в современном немецком языке.

об употреблении дейктических наречий в пространственном значении. Для анализа частотности их употребления в данном значении мы проанализировали по 100 первых контекстов из корпуса для каждого из наречий. Согласно [6; 7], такое количество представляется репрезентативным для частотных языковых единиц. Для наречий *hinan*, *hernieder*, *herzu* общее количество контекстов составило менее 100, поэтому проанализированы все контексты. В табл. 2 представлены полученные данные.

Т а б л и ц а 2

Доля употребления дейктических наречий в пространственном значении на 100 контекстов

№	Дейктическое наречие	Доля употреблений в пространственном значении на 100 контекстов, %	Дейктическое наречие	Доля употреблений в пространственном значении на 100 контекстов, %
1.	<i>hinunter</i>	93	<i>heran</i>	100
2.	<i>hinüber</i>	93	<i>herein</i>	86
3.	<i>hinab</i>	87	<i>herunter</i>	85
4.	<i>hinauf</i>	86	<i>herüber</i>	85
5.	<i>hinan</i>	61,5 (16 из 26 контекстов)	<i>hernieder</i>	82,6 (19 из 23 контекстов)
6.	<i>hinweg</i>	45	<i>herauf</i>	73
7.	<i>hinein</i>	34	<i>herab</i>	63
8.	<i>hindurch</i>	31	<i>herzu</i>	50 (2 из 4 контекстов)
9.	<i>hinaus</i>	19	<i>heraus</i>	24
10.	<i>hinzu</i>	-	<i>hervor</i>	-
11.			<i>herbei</i>	-

Как видно из таблицы, все наречия, кроме *hinzu*, *hervor*, *herbei*, употребляются в данном значении, причем для большинства из них употребление в пространственном значении превалирует. На основании полученных данных представляется возможным построение частотного списка употреблений дейктических наречий в пространственном значении. Для этого долю употреблений в пространственном значении, выявленную для 100 контекстов, необходимо экстраполировать на всю выборку. Чтобы убедиться в правомерности такой экстраполяции и еще раз проверить репрезентативность выборки в 100 контекстов, нами проведен следующий эксперимент: для частотных наречий *hinaus*, *hinauf*, *heraus*, *herein* дополнительно отобрано по 3 замерных множества в количестве 100 контекстов с целью выявления того, насколько колеблется доля употреблений в пространственном значении в этих замерных множествах. Установлено, что эти колебания несущественны. В табл. 3 представлены результаты эксперимента.

Т а б л и ц а 3

Доля контекстов в пространственном значении по замерным множествам

Дейктическое наречие	Доля контекстов в пространственном значении по замерным множествам (ЗМ)				Всего, %
	ЗМ1, %	ЗМ2, %	ЗМ3, %	ЗМ4, %	
<i>hinaus</i>	19	21	22	15	19,25
<i>hinauf</i>	86	90	82	84	85,5
<i>heraus</i>	24	19	28	23	23,5
<i>herein</i>	86	79	90	88	85,8

На основании проведенного эксперимента можно сделать вывод: данные, полученные нами для всех наречий о доле употреблений в пространственном значении на 100 контекстов, можно экстраполировать на всю выборку. Основываясь на том, что процент, представленный в табл. 2, приблизительно отражает процент употреблений во всей выборке, мы составили частотный список наречий в пространственном значении, представленный в табл. 4.

Т а б л и ц а 4

Частотный список дейктических наречий в пространственном значении

Частотный ранг	Сложное наречие с <i>hin</i>	Количество употреблений в пространственном значении	Частотный ранг	Сложное наречие с <i>her</i>	Количество употреблений в пространственном значении
1.	<i>hinauf</i>	<3230	1.	<i>heran</i>	<2810
2.	<i>hinaus</i>	<2740	2.	<i>heraus</i>	<2480
3.	<i>hinunter</i>	<2650	3.	<i>herunter</i>	<1820
4.	<i>hinein</i>	<2500	4.	<i>herein</i>	<1750
5.	<i>hinüber</i>	<2240	5.	<i>herab</i>	<1300
6.	<i>hinab</i>	<1760	6.	<i>herauf</i>	<910
7.	<i>hinweg</i>	<1200	7.	<i>herüber</i>	<790
8.	<i>hindurch</i>	<1070	8.	<i>hernieder</i>	19
9.	<i>hinan</i>	16	9.	<i>herzu</i>	2
Всего контекстов		<17400			<11800

Как видно из таблицы, количество контекстов с *hin*– превышает количество контекстов с наречиями с *her*– на <5600. Из этого можно сделать вывод о том, что в речи преимущественное обозначение получает направление движения по удалению от говорящего/слушающего.

Обращает на себя внимание тот факт, что наречия с одинаковой предложной базой, но разными дейктическими формантами имеют разный частотный ранг, например, *hinauf* занимает 1-ю позицию, а *herauf* – 7-ю. Для объяснения разницы в частотном ранге мы обратились к количественно-

качественным исследованиям предлогов. Так, объясняя частотность употребления пространственных предлогов, Л. А. Тарасевич делает вывод о связи частотности с важностью обозначения некоторых участков пространства для деятельностного опыта человека и семантикой соответствующей языковой единицы [6, с. 20]. На основании того, что как для русского, так и для немецкого языка наиболее частотными оказываются коррелирующие предлоги *в* и *in*, делается вывод о том, что координаты внутри/снаружи являются наиболее важными для пространственного опыта человека [6, с. 67].

Тезис о связи частотности и важности обозначения участков пространства подтверждается и результатами нашего исследования. Контексты, в которых обозначается движение в одну и ту же пространственную область, но по направлению удаления и по направлению приближения к говорящему/слушающему, характеризуются разным количеством. Так, по направлению удаления от говорящего/слушающего в немецком языке преимущественное обозначение получает движение вверх, а по направлению приближения к говорящему/слушающему – движение вперед. Вторую позицию занимают наречия *hinaus/heraus*, что свидетельствует о важности обозначения движения наружу как по направлению приближения, так и по направлению удаления относительно говорящего/слушающего.

Перейдем к рассмотрению особенностей описания пространства с помощью рассматриваемых языковых единиц. Анализ способов употребления сложных наречий с *hin-/her-* в [5] показал, что они употребляются в следующих синтаксических позициях:

1) в постпозиции с именами существительными, местоимениями и наречиями, например, *die Straße hinunter* ‘вниз по улице’, *ihm herzu* ‘к нему’, *oben hinauf* ‘вверх’ и т.д.;

2) в пре- или постпозиции в конструкциях типа ‘предлог + существительное/местоимение’, а также в постпозиции в конструкциях типа ‘предлог + наречие’, например, *ins Grün hinauf* ‘вверх в зелень’, *hernieder auf die verschneite Welt* ‘вниз на заснеженный мир’, *von oben herab* ‘сверху вниз’ и т.д.;

3) автономно в начале или середине предложения, например, ... *und herauf zieht ein Wiederverstehen der Symbolik* ‘поднимается обновленное понимание символизма’. Можно предположить, что выбор именно такой коммуникативной структуры предложения и тематизация дейктического наречия обусловлены важностью пространственной информации в данной коммуникативной ситуации. Дейктические наречия употребляются также в эллиптических предложениях, например, ... *und herauf zieht ein Wiederverstehen der Symbolik* ‘поднимается обновленное понимание символизма’, “*Herein!*” *sagt sie.* ‘«Войдите!», - сказала она’. Нужно отметить, что в такой синтаксической позиции чаще употребляются дейктические наречия с *her-* и только 1 наречие с *hin-*: *hinzu* с глаголом *kommen* в конструкции *hinzu kommt* ‘к этому добавляется’, где соответствующее наречие не имеет пространственной семантики.

Рассмотрим подробнее синтаксические позиции, в которых употребляются исследуемые дейктические наречия, с точки зрения специфики выполняемых ими функций описания пространственных ситуаций. В постпозиции в конструкциях с именами существительными, местоимениями и наречиями дейктические наречия употребляются для указания на направление движения по отношению к говорящему/слушающему. Анализируя контексты из корпуса, мы столкнулись с тем, что в описании пространственной ситуации часто речь идет не о говорящем/слушающем, а о каком-либо лице, присутствующем в повествовании. Поэтому далее мы будем говорить о субъекте дейксиса, который идентифицирует объекты и участки пространства или времени через местоположение самого себя, а отрезки времени – через отношение к своему настоящему моменту [8]. В качестве субъекта дейксиса может выступать не только говорящий, а также адресат (слушающий) либо Наблюдатель [9].

Рассмотрим специфику описания пространства с помощью дейктических наречий в пре- или постпозиции в конструкциях типа ‘предлог + существительное/местоимение’, а также в постпозиции в конструкциях типа ‘предлог + наречие’, например, *zum Gipfel hinauf* ‘наверх к вершине’, *hinaus aus dem Hafen* ‘наружу из порта’, *von unten herauf* ‘снизу вверх’ и т.д. Как упоминалось ранее, такие конструкции употребляются параллельно с синонимичными по значению предложными конструкциями. При этом в синонимичных конструкциях, как в примере (3), предложная группа *auf die Straße* ‘на дорогу’ сообщает только о цели перемещения, при этом улица оказывается его конечной точкой.

(3) *Farid dachte, der Hund sei der Grund, selbst dann noch, als der Marder auf die Straße sprang und zwischen den Bäumen auf der anderen Seite verschwand* ‘Фарид думал, что это он из-за собаки, он продолжал так думать, когда куница метнулась **на дорогу** и исчезла среди деревьев на другой стороне’.

В конструкциях с дейктическими наречиями описание движения оказывается более информативным: предложная группа профилирует начальную либо конечную точку движения, сложное наречие же уточняет направленность движения относительно субъекта дейксиса, дублируя при этом значение предлога, например, *durch das Fenster hindurch* ‘через окно’ (дословно: через окно туда сквозь). В русском языке подобное дублирование наблюдается, например, в конструкциях типа *войти в, выйти из, ползть по и т.д.*, когда префикс по звуковому облику и по значению (или только по значению) дублируется предлогом [10]. Так, в примере (4) в предложной конструкции *bis hinaus auf die Straße* (дословно: ‘до туда наружу на улицу’) предлог *bis* ‘до’ указывает, что движение осуществляется до определенной границы, дейктическое наречие *hinaus* – на направленность движения наружу из леса по направлению от субъекта дейксиса, предложная группа *auf die Straße* – на конечную точку движения. В примере (4а) при переводе на

русский язык информация о перемещении изнутри наружу заключена в семантике глагола (*выползли*), предложная группа *на улицу* сообщает о пространственной цели перемещения.

(4) *Zwei gewaltige Bulldozer schoben sich, junge Bäume platt fahrend und alte beschädigend, durch das Grün bis hinaus auf die Straße.*

(4a) *Два мощных бульдозера, ломая молодые деревья и калеча старые, выползли из лесного массива на улицу.*

Помимо ориентации относительно субъекта дейксиса, дейктическое наречие описывает маршрут движения, как в примере (5) *hinunter auf die Straße* ‘вниз по улице’ или в примере (6) *hinaus auf die Straße* ‘наружу на улицу’.

(5) *Wenn er jetzt **hinunter auf die Straße** ginge, würde kein Mensch sich nach ihm umdrehen* ‘Если он теперь пойдет **по улице**, ни один человек не обернется ему вслед’.

(6) *Wir liefen durch eine kleine Gasse und traten dann durch den Torbogen **hinaus auf die Straße*** ‘Мы шли по маленькому переулку, из которого вышли **на улицу** через арку’.

Таким образом, описание движения с помощью дейктических наречий оказывается более детальным.

На основании проведенного исследования выявлено, что дейктические наречия наследуют дейктический компонент соответствующего дейктического форманта и ориентируют направление движения относительно субъекта дейксиса. Такая ориентация в немецком языке оказывается обязательной, что подтверждают результаты проведенного опроса носителей языка. Исследуемые языковые единицы в немецком языке являются частотными. В результате частотного анализа установлено, что преимущественное обозначение в языке получает движение вверх по направлению удаления от субъекта дейксиса и движение вперед по направлению приближения к субъекту дейксиса, а также движение наружу в обоих направлениях. Дейктические наречия употребляются наряду с другими синонимичными предложными конструкциями для описания схожих пространственных ситуаций. Установлено, что их специфика заключается в том, что наречия не только ориентируют направление движения относительно субъекта дейксиса, но и уточняют маршрут движения. Описание пространственных ситуаций с помощью дейктических наречий является более детальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Duden online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.duden.de>. – Дата доступа : 25.01.2020.
2. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB. – Дата доступа : 01.03.2020.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 30.01.2020.

4. Большой немецко-русский словарь = Das grosse deutsch-russische Wörterbuch : в 3 т. : около 180 000 лексических единиц / под рук. О. И. Москальской. – Т. 1: А – К / [авторы-составители: Е. И. Лепинг и др.]. – М. : Рус. яз., 1980. – 760 с.
5. Национальный корпус немецкого языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dwds.de>. – Дата доступа : 02.03.2020.
6. Тарасевич, Л. А. Пространственные предлоги в немецком и русском языках: семантика и функционирование : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Л. А. Тарасевич. – Минск, 2016. – 284 с.
7. Комарова, З. И. Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование / З. И. Комарова, С. В. Краев. – Екатеринбург : Урал. лит. агентство, 2008. – 303 с.
8. Падучева, Е. В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки [Электронный ресурс] / Е. В. Падучева // Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Paducheva.htm>. – Дата доступа : 02.09.2020.
9. Добровольский, Д. О. Дейксис в отсутствие говорящего: о семантике немецких дейктических элементов *hin* и *her* [Электронный ресурс] / Д. О. Добровольский, Е. В. Падучева // Режим доступа: <http://www.dialog21.ru/digests/dialog2008/materials/pdf/21.pdf>. – Дата доступа : 22.08.2019.
10. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 788 с.

Deictic adverbs like *hin-* / *her-* + preposition (adverb) are frequent linguistic units, and they direct the movement in relation to the subject of deixis. The article contains the results of the frequency analysis of adverbs, the analysis of the syntactic positions where the adverbs are used, as well as the features of the representation of spatial situations using deictic adverbs.

Поступила в редакцию 15.12.2020

Н. В. Куценко

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОСВЕННЫХ НАМЕКОВ ДИРЕКТИВНОГО ТИПА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена анализу особенностей реализации косвенных намеков директивного типа. Предметом рассмотрения являются языковые средства различных языковых уровней, участвующих в реализации намеков – высказываний с глубоко скрытыми смыслами. Помимо языковых средств, участвующих в формировании намеков директивного типа, исследуются их взаимодействия с невербальными компонентами общения. В статье описаны также особенности влияния контекста и эмоциональных коннотаций на интерпретацию косвенных побуждений высокой степени имплицитности.

Косвенные директивные высказывания являются важным объектом лингвистических исследований. Дж. Серль подчеркивал необходимость изучения косвенных речевых актов, так как не всем высказываниям в языке

присуща семантическая простота: «при намеках, выпадах, иронии, метафоре и т. п. значение высказывания данного говорящего и значение соответствующего предложения во многих отношениях расходятся» [1, с. 195]. При изучении косвенных речевых актов интерес представляют побудительные высказывания, так как во многих случаях речевого общения формулировать прямые повелительные конструкции или эксплицитные перформативные высказывания не всегда уместно [1, с. 201; 2, с. 354; 3, S. 167]. В данной связи анализу подлежит то, как говорящий формулирует косвенные побуждения в тех случаях, когда в силу обстоятельств необходимо скрыть директивный компонент, создать имплицитные смыслы. Вслед за немецким исследователем А. Буркхардом в качестве *намек* рассматриваются косвенные побуждения высокой степени имплицитности, высказывания с глубоко скрытым смыслом, для выявления которого требуется привлечение дополнительных знаний о ситуации и контексте общения [3, S. 456].

При изучении намеков важно разграничивать косвенные речевые акты и намеки. Некоторые исследователи их отождествляют [4, с. 8; 5, с. 123]. По мнению других лингвистов, намеки следует рассматривать как неконвенциональные косвенные речевые акты, т.е. разграничить конвенциональные речевые акты и намеки [6, S. 123]. Мы исследуем *намек* как высказывания с имплицитными смыслами, для интерпретации которых необходимо знание контекста общения, а также социальных характеристик коммуникантов, т.е. как неконвенциональные высказывания. В фокусе внимания данной статьи намеки директивного типа со скрытой интенцией побуждения.

Материалом для исследования послужили 60 намеков. Они были выделены из общей выборки (1127 примеров) косвенных побуждений различной степени категоричности, отобранных из произведений художественной литературы.

Анализ примеров показывает, что намеки директивного типа в 92 % случаев используются для реализации побуждений невысокой степени категоричности – предложений, просьб, советов, например:

Ronescu wandte sich um. "Ah, Frau Luise." Er nickte, und in sein langes graues Gesicht kam Bewegung. „Ich hab ein Fläschen Tuica besorgt.“ „Dann lassen Sie es uns miteinander leeren.“ [NR, S. 21] *‘Ронеску повернулся. «Ах, госпожа Луиза». Он кивнул, и его длинное серое лицо оживилось. «Я приберег бутылочку туики». «Давайте вместе опустошим ее»’* (= Я предлагаю выпить бутылочку туики.)

Использование намеков для реализации побуждений преимущественно невысокой степени категоричности обусловлено, по-видимому, стремлением говорящего максимально снизить давление на слушающего, который вправе вообще не отреагировать на побуждение, сделать вид, что не понимает намек, что в таких ситуациях вполне уместно. Редкое использование намеков для экспликации побуждений высокой степени имплицитности связано, вероятно, с тем, что при реализации косвенных требований гово-

рящий больше заинтересован в декодировании его намерения слушающим, чем при реализации вежливых речевых актов, т.е. стремлением оказать большее давление на слушающего.

Хотя намеки используются преимущественно тогда, когда речь идет о побуждении невысокой степени категоричности, в некоторых случаях (8 % примеров) их можно рассматривать как настоятельные побуждения, например:

Was Alberoni dachte, blieb unklar. „Commissario, ich wollte doch nur...“ „Die Indizienkette schließen, ich weiß. Ich könnte über diese Eigenmächtigkeit hinwegsehen, wenn Sie jetzt noch ein wenig Zeit für mich hätten.“ „Und was soll ich tun?“ „Mich mit dem Gemälde begleiten.“ [NR, S. 134] ‘Что думал Альберони, осталось непонятно. «Комиссар, я ведь хотел только...» «Дополнить цепочку улик? Я знаю. Я бы мог не заметить это самоуправство, если бы у Вас нашлось немного времени». «И что я должен сделать?» «Сопроводить меня с картиной»’.

Высказывание с модальным глаголом в сослагательном наклонении *Ich könnte über diese Eigenmächtigkeit hinwegsehen, wenn Sie jetzt noch ein wenig Zeit für mich hätten* ‘Я бы мог не заметить это самоуправство, если бы у Вас нашлось немного времени’ по внешней форме является очень вежливым намеком. Однако социальные характеристики свидетельствуют, что в данном примере речь идет об обращении комиссара полиции к подчиненному, кроме того, комиссар недоволен самоволием подчиненного, что позволяет трактовать намек как достаточно категоричное побуждение.

Анализ языковых средств выражения намеков показывает, что для реализации косвенных побуждений высокой степени имплицитности используются различные языковые конструкции (табл).

Т а б л и ц а

Средства выражения намеков директивного типа в немецком языке

Языковые средства	Количество примеров	Доля в выборке, %
Повествовательные конструкции со сказуемым в сослагательном наклонении	22	37
Повествовательные структуры со сказуемым в изъявительном наклонении	14	23
Эллиптические конструкции	9	15
Общие вопросы	7	11
Описательные структуры от 1-го лица с кондиционалис (<i>Ich würde...</i>)	4	7
Специальные вопросы	4	7
Всего	60	100

Особенностью повествовательных структур со сказуемым в сослагательном наклонении, чаще всего (37 % примеров) используемых для формирования намеков, является констатация возможности совершения действия, присущая формам конъюнктива, т.е. эпистемической модальности неуверенности (табл.), например:

„*Komplizierte Fälle gibt der Baron gerne an die Kommandatura weiter.*“
Das musste Leinsdorf sich erst mal durch den Kopf gehen lassen. Er schwieg, und nach einer Weile sagte er in nachdenklichem Ton: „Vielleicht wäre es dem Polizeipräsidenten ja am liebsten, wenn Sie ihn erst gar nicht mit einem komplizierten Fall behelligen würden.“ (= Ich schlage vor, alles zu verheimlichen.) [NR, S. 146] ‘«Сложные случаи Барон охотно передает дальше в комендатуру». Ляйенсдорфу понадобилось время, чтобы это обдумать. Он помолчал, а через некоторое время сказал задумчивым голосом: «Возможно, главе полиции будет лучше, если Вы вообще не будете ставить его в известность о сложном случае.» (= Я предлагаю все утаить.)

Формы конъюнктива *wäre* и кондиционалиса *würden* реализуют возможность совершения действия и в то же время неуверенность говорящего в готовности слушающего выполнить намек. В высказывании „*Vielleicht wäre es dem Polizeipräsidenten ja am liebsten, wenn Sie ihn erst gar nicht mit einem komplizierten Fall behelligen würden.*“ ‘Возможно, главе полиции будет лучше, если Вы вообще не будете ставить его в известность о сложном случае.’ повествовательная структура служит для выражения эпистемической модальности неуверенности. Контекст же высказывания не позволяет трактовать его как выражение предположения, поскольку речь идет о возможном аресте и существует опасность передачи дела дальше, и склоняет рассматривать высказывание говорящего как просьбу не ставить главу полиции в известность. Об осторожности говорящего свидетельствуют и невербальные компоненты: *Er schwieg, und nach einer Weile sagte er in nachdenklichem Ton.* ‘Он помолчал, а через некоторое время сказал задумчивым голосом’. Взаимодействие лексических компонентов высказывания с невербальными, а также ситуативный фактор формирует директивный тип рассматриваемого намека.

Второй по частотности структурой (23 % примеров), используемой для выражения намеков директивного типа, являются повествовательные конструкции с глаголом в изъявительном наклонении (табл), например:

„*Wer Europa verlassen kann, soll es tun. Für alle anderen ist es schon zu spät*“ „*Wollen Sie mich fortschicken?*“ „*Nein. Aber sagten Sie nicht das letzte Mal, Sie wollen Ihre Sachen regeln und nach Amerika zurückgehen?*“ [AT, S. 265] ‘«Кто может покинуть Европу, должен это сделать. Для всех остальных уже поздно». «Вы хотите меня отослать прочь?» «Нет. Но разве Вы не говорили в прошлый раз, что хотите уладить дела и вернуться в Америку?»’

В данном случае говорящий хочет предупредить собеседницу об опасности оставаться в Европе, однако, не желая обидеть адресата, он использует прием обобщения: *Wer Europa verlassen kann, soll es tun. Für alle*

anderen ist es schon zu spät. *‘Кто может покинуть Европу, должен это сделать. Для всех остальных уже поздно.’* Намек на необходимость уехать позволяет говорящему дистанцироваться от более эксплицитного совета. Пропозиция же высказывания явно свидетельствует о совете уехать, т.е. о наличии директивной модальности. Слушающий показывает, что распознает скрытое побуждение, используя вопросительную конструкцию *Wollen Sie mich fortschicken?* *‘Вы хотите меня отослать прочь?’* Адресант высказывания, с одной стороны, отрицает директивность намерения, с другой – еще больше усиливает совет покинуть Европу, используя косвенное побуждение: *Aber sagten Sie nicht das letzte Mal, Sie wollen Ihre Sachen regeln und nach Amerika zurückgehen?* *‘Но разве Вы не говорили в прошлый раз, что хотите уладить дела и вернуться в Америку?’*

Для выражения намеков директивного типа используются также эллиптические конструкции (15 % выборки), направляющие мыслительный процесс собеседника в определенное русло и позволяющие ему самому домыслить содержание сказанного (табл.), например:

Das war eine sehr gute Nachricht, aber ein wenig Widertand pro forma schien Tron immer noch angebracht zu sein. Er räusperte sich nervös und warf einen mißtrauischen Blick über den Tisch. „Und wie kann ich mir sicher sein, dass diese Verträge auch...“ Tron brach ab, starrte verlegen auf seine Finger und verfiel in ein mehrdeutiges Schweigen. [NR, S. 128] *‘Это была очень хорошая новость, но немного сопротивления pro forma показалось Трону все еще уместным. Он нервно откашлялся и недоверчиво посмотрел на другой конец стола. «А как я могу быть уверен, что эти договоры также...»* Трон оборвал реплику, смущенно посмотрел на свои пальцы и многозначительно замолчал.’ (= Я прошу Вас проследить за подписанием контрактов).

Неполное предложение *Und wie kann ich mir sicher sein, dass diese Verträge auch...“* *‘А как я могу быть уверен, что эти договоры также...’* позволяет говорящему лишь частично выразить свое намерение добиться подписания контракта. Но, вместе с тем, говорящий побуждает слушающего прогнозировать окончание высказывания, логически вывести директивное намерение, что также снижает давление на реципиента и снимает некоторую часть ответственности с говорящего. Слушающий выводит директивный компонент, о чем свидетельствует его ответная реплика:

Leinsdorf lächelte wohlwollend. „Dass die Verträge auch unterzeichnet worden sind? Ist es, was sie sagen wollten, Commissario?“ Tron nickte unsicher. *„Indem Sie der Fürstin am späten Nachmittag einen Besuch abstatten“,* sagte Leinsdorf immer noch lächelnd. *„Wenn die Verträge dann noch nicht unterzeichnet worden sind, verhaften Sie mich wieder.“* [NR, S.135] *‘Ляйенсдорф благожелательно улыбнулся. «...что договоры будут подписаны? Это то, что Вы хотели сказать, комиссар?»* Трон неуверенно кивнул. *«Вы нанесете визит княгине попозже, после обеда», –* сказал Ляйенсдорф, все еще улыбаясь. *«Если договоры еще не будут подписаны, Вы меня снова арестуете.»* (= Я предлагаю обсудить подписание контрактов).

Говорящий сам формулирует до конца высказывание: *Dass die Verträge auch unterzeichnet worden sind* ‘...что договоры будут подписаны’ и запрашивает согласие слушающего. Иными словами, с помощью эллиптической конструкции была осуществлена передача инициативы собеседнику. Кинесический невербальный компонент – кивок головы – свидетельствует о согласии собеседника. Развитие диалога показывает, что его участники пришли к согласию и комиссар полиции добился своей цели – оказал давление на слушающего, используя в процессе переговоров преимущественно побуждения высокой степени имплицитности, уместные в столь сложной ситуации.

Среди языковых средств, участвующих в формировании намеков директивного типа 11 % примеров принадлежат общим вопросам (табл), например:

„Musst du denn all diese widerlichen Dinge hören, die nicht für kleine Kinder sind?“ protestierte seine Mutter. [WW, S. 45] ‘«Тебе что же, надо обязательно слушать все эти ужасные вещи, которые не предназначены для маленьких детей?» – запротестовала его мама.’ (= Я прошу тебя не слушать эти ужасные вещи.)

В данном примере общий вопрос скрывает истинную интенцию говорящего – просьбу. Выведению директивного компонента способствует оценочный контекст высказывания: *all diese widerlichen Dinge hören, die nicht für kleine Kinder sind* ‘все эти ужасные вещи, которые не предназначены для маленьких детей’. Исследователи отмечают, что выражение негативной оценки в некоторых случаях позволяет говорящему скрыть именно директивное намерение [3, S. 45]. В данном примере негативную оценку телевизионной передачи можно трактовать как просьбу, хотя формально излагается запрос информации посредством конструкции общего вопроса.

Описательные структуры с использованием формы кондиционалис нечасто встречаются в нашей выборке (7 % примеров) и служат для выражения намека директивного типа с интенцией совета (табл.), например:

Ich würde diese Gelegenheit ausnutzen, Frankreich zu verlassen. [WW, S. 64] ‘Я бы воспользовалась этой возможностью покинуть Францию.’ (= Я советую Вам покинуть Францию.)

Проецирование действия на себя максимально смягчает настоятельность побуждения, способствуя тем самым поддержанию кооперативности общения. В данном случае забота о собеседнике может быть воспринята им как нетактичность, поэтому, не желая обидеть коммуниканта, говорящий оформляет совет в виде намека от 1-го лица с кондиционалис. Данная конструкция показывает, что говорящий рассматривает рекомендуемую схему поведения возможной для себя лично, что уменьшает опасность трактовки реплики в качестве невежливого давления на собеседника, а также снимает ответственность с говорящего, возможную при выражении прямого совета.

Также немногочисленны примеры использования (7 % выборки) специальных вопросов для реализации намеков (табл.), например:

Warum willst du allein fahren? Was hast du da vergessen? Warum fährst du wieder nach Berlin? Zusammen ist es leichter [NR, S. 72] **‘Почему ты хочешь ехать один? Что ты там забыл? Почему ты снова едешь в Берлин? Вместе легче’** [NR, S. 126] (= Я предлагаю вместе поехать в Берлин.)

Вопросительное слово *warum* ‘почему’ подчеркивает лишь интерес говорящего к причинам поведения собеседника, однако сопроводительный контекст не позволяет трактовать данную лексему просто как вопрос, а показывает обеспокоенность говорящего за собеседника, что обеспечивает реализацию директивного компонента высказывания.

Таким образом, анализ практического материала позволяет заключить, что намеки директивного типа используются преимущественно для выражения побуждения невысокой степени категоричности, однако могут содержать и более настоятельное побуждение, например, при обращении начальника к подчиненному. Для реализации намеков директивного типа используются различные языковые средства, прежде всего повествовательные конструкции, а также эллиптические структуры и общие вопросы. В рассматриваемых структурах директивная модальность нередко взаимодействует с эпистемической модальностью неуверенного предположения, служащей преимущественно для смягчения категоричности высказывания. Истинная же интенция выявляется посредством логических операций вывода с опорой на лексические компоненты высказывания, слова автора, а также знание контекста. Особую роль при интерпретации намеков играют невербальные компоненты высказывания, позволяющие выявить и правильно классифицировать высказывание в качестве конкретного побудительного речевого акта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Серль, Дж.* Косвенные речевые акты / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике / Теория речевых актов; под общей ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17 – С. 195–222.
2. *Конрад, Р.* Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике / Лингвистическая прагматика; под общей ред. Е. В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16 – С. 349–384.
3. *Burkhardt, A.* Soziale Akte, Sprechakte und Textillokutionen: A. Reinachs Rechtsphilosophie und die moderne Linguistik / A. Burkhardt. – Tübingen : M. Niemeyer, 1986. – VII, 466 S.
4. *Качалова, Н. А.* Прагмастилистические средства выражения намека в политическом дискурсе: на материале русскоязычной и немецкоязычной прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. А. Качалова ; Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, – Саратов, 2013. – 23 с.
5. *Кулькова, М. А.* Стратегия намека в русских и немецких пословицах / М. А. Кулькова // Филологические науки. Вопросы теории и практики : сб. ст. в 2 ч.: – Тамбов.: Грамота, 2017. – № 8 (74) – Ч. 2. – С. 123–126.
6. *Pelz, H.* Linguistik : eine Einführung / H. Pelz. – 5. Aufl. – Hamburg : Hoffmann u. Campe, 2000. – 351 S.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. *AT* – Remarque, E. M. *Arc de Triomphe : Roman* / E. M. Remarque ; mit einem Nachw. von T. Westphalen. – Köln : Kiepenheuer u. Witsch, 1998. – 498 S.
2. *NR* – Remin, N. *Neue Romane. Gondeln aus Glas: Commissario Trons dritter Fall* / N. Remin. – München ; Reinbek bei Hamburg : Kindler, 2007. – 365 S.
3. *WW* – *Warten auf Weihnachten: 24 Geschichten bis zum Heiligabend* / Hrsg. S. Klein. – Hamburg : F. Oetinger, 2003. – 408 S.

The article is devoted to identifying and systematizing the means of expressing statements of a high degree of implicitness (hints) in the German language, analyzing linguistic and extralinguistic factors that affect the peculiarities of their interpretation in various situations.

Поступила в редакцию 15.02.2020

Н. И. Манько

ВТОРАЯ И ВТОРИЧНАЯ ПРЕДИКАЦИИ КАК СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ПРИЗНАКОВОЙ СИТУАЦИИ

Статья посвящена выявлению механизма репрезентации элементарной признаковой ситуации в трансформе простого предложения современного французского языка. Соотношение квалификативного признака и носителя, устанавливаемое дополнительно к соотношению процессуального признака и носителя (представлено предикативным ядром), реализуется как вторая или вторичная предикации. Установлены три универсальные модели построения простого предложения, в котором свернутое предикативное отношение репрезентирует элементарную признаковую ситуацию.

В основе механизма репрезентации элементарной признаковой ситуации лежит соотношение квалификативного признака и его носителя, оформленное предикативным отношением между подлежащим и сказуемым [1, с. 550]. Кваликативный признак предикатируется носителю в определенный момент времени и осмысливается как реальный (*Pierre est sage* ‘Петр послушный’), гипотетический (*Serais-tu furieuse?* ‘Неужели ты в бешенстве?’) или желаемый (*Je voudrais que ma femme soit belle et joviale* ‘Я бы хотел, чтобы моя жена была красивой и жизнерадостной’). Вместе с тем соотношение квалификативного признака и его носителя может быть представлено свернутым предикативным отношением между неглавными членами предложения, не обладающими категориями предикативности (модальность, время и лицо):

(1) *Amusé, Arthur resta quelques instants sur le palier* ‘Отвлеченный, Артур несколько минут оставался на лестничной площадке’.

В высказывании (1) обособление причастия прошедшего времени, которое «синтаксически и семантически является определением некоей сущности» [2, с. 198], свидетельствует о приобретении им предикативной функции. Поскольку обособленное определение не имеет собственного выражения категорий предикативности, при его трансформации в само-

стоятельное высказывание эти категории «заимствуются» у сказуемого предикативного ядра, представленного формой третьего лица прошедшего законченного времени изъявительного наклонения (*il/ resta*):

(1a) *Arthur resta quelques instants sur le palier. Il était amusé* ‘Артур несколько минут оставался на лестничной площадке. Он был отвлечен’.

Зависимый характер свернутого предикативного отношения от предикативного ядра становится для советских и российских исследователей основанием для выделения основной и вторичной предикации (Е. А. Ванчикова, В. Н. Ерхов, О. И. Москальская, Н. М. Сазонова и др.). Последнюю определяют также как второстепенную (В. Грабье, Г. А. Золотова), или дополнительную, секундарную (П. А. Лекант, А. Ф. Прияткина). О вторичной предикации речь идет, когда анализируют обособленные определения, причастный, деепричастный и инфинитивный обороты, необособленные обстоятельственные определения, а также предикатив прямого дополнения и подлежащего.

В зарубежной романистике все вышеперечисленные конструкции рассматриваются в контексте второй предикации, *la prédication seconde* (P. Cadiot, C. Feuillard, L. Kupferman, L. Melis, M. Riegel, M. Wilmet и др.). Вторая предикация оформляется трансформом, который – несмотря на включенность в общую синтаксическую структуру простого предложения – имеет собственное фразовое содержание [3, р. 3]. Тем самым зарубежные представители романистики делают акцент на выражении соотношения нескольких признаков с носителем в пределах одного высказывания. Такой подход, однако, не означает самостоятельность трансформа: свернутое предикативное отношение функционирует на фоне предикативного ядра, «пространственно-временной рамки» [4, р. 25] всего предложения-высказывания.

Для экспликации соотношения квалификативного признака и носителя, которое устанавливается дополнительно к соотношению процессуального признака и носителя, вслед за зарубежными романистами используем термин *вторая предикация*. Соотношение процессуального признака и носителя создает структурный и семантический «костяк» высказывания и репрезентирует элементарную процессуальную ситуацию (*Arthur resta quelques instants sur le palier*). Соотношение квалификативного признака и носителя, выраженное свернутым предикативным отношением, порождает элементарную признаковую ситуацию (*Arthur était amusé*). Самостоятельно ни элементарная процессуальная, ни элементарная признаковая ситуации не дают точного представления о процессуально-признаковой ситуации, представленной исходным высказыванием [5, л. 35]: *Amusé, Arthur resta quelques instants sur le palier*. На наш взгляд, репрезентация единой – сложной – ситуации подтверждает семантико-коммуникативное равенство предикаций и предопределяет выделение первой (основной) и второй предикации.

Во французском языке выделяем три модели построения простого предложения, в котором свернутое предикативное отношение репрезентирует элементарную признаковую ситуацию:

Модель 1: Подлежащее – Сказуемое – Прямое дополнение – Предикатив;

Модель 2: Подлежащее – Сказуемое – Предикатив;

Модель 3: Подлежащее – Сказуемое – Обособленное определение.

В высказываниях, построенных по модели 1, формируется своеобразный аналог предикативного ядра: свернутое предикативное отношение возникает между прямым дополнением (подлежащее трансформа) и его определением (предикатив трансформа):

(2) *Je bois le café tiède* ‘Я пью кофе теплым’. → (2а) *Je bois du café. Le café est tiède quand je le bois* ‘Я пью кофе. Кофе теплый, когда я его пью’.

В высказывании (2) переходный глагол *boire* ‘пить’ одновременно выполняет две синтаксические функции: функцию сказуемого предикативного ядра (*Je bois du café*) и функцию окказионально связочного глагола, посредством которого устанавливается соотношение признака и его носителя (*Le café est tiède*). При этом между совершением субъектом физического действия и приобретением объектом этого действия квалификативного признака устанавливается временная сопряженность: *Le café est tiède quand je le bois*. Таким образом, в высказывании (2) речь идет не о том, что субъект пьет кофе, и не о том, что кофе теплый, а о том, что субъект пьет кофе, когда он теплый.

В высказываниях, построенных по модели 2 (Подлежащее – Сказуемое – Предикатив), свернутое предикативное отношение возникает между подлежащим предикативного ядра (подлежащее трансформа) и его определением (предикатив трансформа):

(3) *Robert rentra de mauvaise humeur* ‘Роберт вернулся домой в плохом настроении’. → (3а) *Robert rentra étant de mauvaise humeur* ‘Роберт вернулся домой, будучи в плохом настроении’. → (3б) *Robert rentra. Il était de mauvaise humeur quand il rentra* ‘Роберт вернулся домой. Он был в плохом настроении, когда вернулся’.

Появление формы *étant* в трансформации (3а) вполне закономерно: форма *étant* не имеет самостоятельного выражения категорий предикативности, но, как любая глагольная форма, потенциально способна создавать отдельное высказывание (трансформация (3б)). При этом между действием субъекта и его квалификативным признаком устанавливается временная сопряженность (*Robert rentra. Il était de mauvaise humeur quand il rentra*).

(4) *Mes frères repartirent, ivres de rage* ‘Мои братья ушли, ослепленные яростью’. → (4а) *Mes frères repartirent. Ils étaient ivres de rage* ‘Мои братья ушли. Они были ослеплены яростью’.

Высказывание (4) соответствует модели 3 (Подлежащее – Сказуемое – Обособленное определение). Свернутое предикативное отношение возникает между подлежащим и обособленным определением (трансформация (4а)). Постпозиция обособленного определения по отношению к сказуемому указывает на его соотношение одновременно с подлежащим и сказуемым:

(4б) *Mes frères repartirent parce qu'ils étaient ivres de rage* ‘Мои братья ушли, потому что они были ослеплены яростью’.

Таким образом, в высказывании (4) группа прилагательного *ivres de rage* выполняет функцию обособленного обстоятельственного определения, а между совершением действия и квалификативным признаком возникает причинно-следственная связь. Несмотря на возникновение причинно-следственной связи между совершением субъектом действия и появлением у него квалификативного признака, исходное высказывание репрезентирует единую процессуально-признаковую ситуацию: Мои братья ушли потому, что были ослеплены яростью.

Три представленные выше модели построения простого предложения допускают синтаксические трансформации, не влияющие на представление элементарной признаковой ситуации. Так, в модели 1 (Подлежащее – Сказуемое – Прямое дополнение – Предикатив) возможно замещение прямого дополнения личным местоимением: *Mon café, je le bois tiède* ‘Кофе, я пью его теплым’. Разрыв непосредственной синтагматической связи подлежащего трансформации и его предикатива обуславливает формирование модели 1а – Подлежащее – Прямое дополнение-местоимение – Сказуемое – Предикатив.

В модели 2 (Подлежащее – Сказуемое – Предикатив) позицию сказуемого может занимать как непереходный глагол (*Robert rentra de mauvaise humeur* ‘Роберт вернулся домой в плохом настроении’), так и переходный (*Elle quitta le bar seule* ‘Она ушла из бара в одиночестве’). Таким образом, исходная модель допускает добавление еще одного структурного компонента: Подлежащее – Сказуемое – Прямое дополнение – Предикатив. Выделение модели 2а как самостоятельной считаем нецелесообразным: формально модель 2а совпадает с моделью 1, но квалификативный признак соотносится с субъектом действия, а не с объектом, на который это действие направлено.

В модели 3 (Подлежащее – Сказуемое – Обособленное определение) обособленное определение может располагаться как в препозиции (*Amusé, Arthur resta quelques instants sur le palier*), так и в постпозиции (*Mes frères repartirent, ivres de rage*).

Возможность расширения минимальной модели построения простого предложения, как и изменение последовательности его компонентов, обуславливают определение трех проанализированных выше моделей построения простого предложения как у н и в е р с а л ь н ы х.

Проанализируем пару высказываний, соответствующих универсальной модели 1:

(5) *Les moines emmenèrent Keira inconsciente jusqu’au monastère* ‘Монахи увезли Кейру, без сознания, в монастырь’. → (5а) *Les moines emmenèrent Keira jusqu’au monastère. Elle était inconsciente quand ils l’emmenèrent* ‘Они увезли Кейру в монастырь. Когда они ее увозили, она была без сознания’;

(6) *Vingt minutes plus tard, les secouristes emmenaient l’adolescente toujours inconsciente* ‘Двадцать минут спустя спасатели увезли девушку, по-прежнему находящуюся в бессознательном состоянии’. → (6а) *Vingt minutes plus tard,*

les secouristes emmenaient l'adolescente qui était toujours inconsciente 'Двадцать минут спустя спасатели увезли девушку, которая по-прежнему находилась в бессознательном состоянии'.

В обоих исходных высказываниях позицию сказуемого предикативного ядра занимает переходный глагол *emmener* 'увозить с собой'. Предикативное ядро этих высказываний репрезентирует элементарную процессуальную ситуацию (*Ils emmenèrent Keira jusqu'au monastère; Vingt minutes plus tard, les secouristes emmenaient l'adolescente*), а прилагательное *inconsciente* и группа прилагательного *toujours inconsciente* репрезентируют элементарную признаковую ситуацию. Однако исходные высказывания допускают разные трансформации (5а, 6а): в коммуникативной ситуации (5) реализуется временная сопряженность действия и квалификативного признака (*Elle était inconsciente quand ils l'emmenèrent*), а в (6) появление признака предшествует совершению действия (*Vingt minutes plus tard, les secouristes emmenaient l'adolescente qui était toujours inconsciente*).

В трансформации (6а) используется относительное местоимение *qui*, которое указывает на предикативное отношение к объекту признака не через сказуемое, совмещающее две синтаксические функции, а через собственно связочный глагол *être*, имплицитно присутствующий в исходном высказывании. Отсутствие окказионально связочного глагола и трансформация высказывания с помощью относительного местоимения *qui* свидетельствуют о реализации в высказывании (6) вторичной предикации, тогда как в (5) предикация – вторая.

Зарубежные лингвисты (P. Cadiot, N. Furukawa, L. Melis, C. Muller, G. Siouffi и др.) отмечают, что вторичная предикация, *la prédication secondaire*, возникает в придаточном предложении [6, p. 159]:

(7) *Je crois que Claude est un homme honnête* 'Я считаю, что Клод – честный человек'.

Несмотря на то, что придаточное предложение *que Claude est un homme honnête* выражает элементарную признаковую ситуацию, предикативное отношение, возникающее между подлежащим и сказуемым, трактуется как вторичная предикация. Формальным показателем вторичности предикации является союз *que*, субстантивирующий придаточное [3, p. 3]:

(7а) *Je crois l'honnêteté de Claude* 'Я верю в честность Клода'.

Как показывает проведенный нами анализ, вторичная предикация реализуется не только в придаточном, но и в простом предложении, что вызывает трудности в дифференциации второй и вторичной предикации. Вторичная предикация, также как и вторая, реализуется в трансформациях универсальных моделей построения простого предложения.

Проанализируем высказывание:

(8) *Mathias trouva l'endroit épatant* 'Матиас нашел место потрясающим'. → (8а) *Mathias, comment trouva-t-il l'endroit?* 'Матиас нашел, что место было каким?'. – *Mathias le trouva épatant* 'Матиас нашел его потрясающим'.

Замещение прямого дополнения *l'endroit* (но не присоединяемого к нему адъективированного причастия) личным местоимением третьего лица свидетельствует о том, что *épatant* выполняет синтаксическую функцию предикатива прямого дополнения. Глагол *trouver* используется в лексико-семантическом варианте значения 'penser, juger que qqch, qqn a telle caractéristique, lui attribuer telle qualité ou tel défaut' 'думать, считать кого-то (что-то) обладателем той или иной характеристики, приписывать ему некоторое качество или недостаток' [7, p. 2637]. Реализация такого лексико-семантического варианта значения глагола обуславливает трансформацию (8б) с придаточным предложением, вводимым союзом *que*:

(8б) *Mathias trouva que l'endroit était épatant* 'Матиас нашел, что место было потрясающим'.

Несмотря на трансформацию (8б), считаем, что в высказывании (8) реализуется вторая предикация: трансформация свернутого предикативного отношения в придаточное предложение обусловлена лексическим значением глагола в позиции сказуемого. А в самой трансформации (8б) предикация – вторичная.

Выбор средства репрезентации элементарной признаковой ситуации (вторая или вторичная предикация) обусловлен коммуникативной значимостью соотношения квалификативного признака и его носителя. Употребление в позиции сказуемого предикативного ядра глагола, обозначающего ментальное действие субъекта (*trouver, croire, juger, imaginer* и др.), свидетельствует о том, что основная предикация не создает ситуацию действительности, а обозначает исключительно субъект оценки. Свернутое предикативное отношение репрезентирует элементарную признаковую ситуацию (*L'endroit était épatant*). Таким образом, в высказывании (8) свернутое предикативное отношение, несмотря на синтаксическую зависимость от предикативного ядра, является более значимым с точки зрения семантики и представления ситуации действительности.

Проведенный анализ механизма репрезентации элементарной признаковой ситуации в трансформе простого предложения показал, что свернутое предикативное отношение между неглавными членами предложения (прямое дополнение и его определение или подлежащее и его определение) реализуется как вторая или вторичная предикации. Обе предикации, «заимствуя» категории предикативности у предикативного ядра, являются синтаксически зависимыми от основной (первой) предикации. Однако при второй предикации предикативное отношение носителю квалификативного признака осуществляется через сказуемое предикативного ядра (окказионально связочный глагол), а при вторичной – через связочный глагол *être*, выраженный в предложении эксплицитно или имплицитно.

Во французском языке функционируют три универсальные модели построения простого предложения, в котором вторая и вторичная предикации репрезентируют элементарную признаковую ситуацию: Подлежащее – Сказуемое – Предикатив; Подлежащее – Сказуемое – Прямое дополнение – Предикатив; Подлежащее – Сказуемое – Обособленное определение. При

трансформации высказываний со второй предикацией между действием и признаком возникают временная сопряженность (модели 1 и 2) или причинно-следственные отношения (модель 3), в то время как при вторичной предикации это отношение характеризуется подчинительной связью (на что указывают союзы *qui* или *que*). Оформление репрезентации элементарной признаковой ситуации второй или вторичной предикацией обусловлено семантической и коммуникативной значимостью соотношения квалификативного признака и его носителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка : учебник / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
2. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева ; под ред. Ю. С. Степанова. – Изд. 2-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
3. Cadiot, P. Présentation / P. Cadiot, N. Furukawa // Langue française ; P. Cadiot, N. Furukawa (éds). – Paris : Larousse, 2000. – № 127. – P. 3–15.
4. Riegel, M. Verbes essentiellement ou occasionnellement attributifs / M. Riegel // L'information grammaticale ; G. Serbat (éd). – Paris : Éditions Heck S. A., 1981. – № 10. – P. 23–27.
5. Манько, Н. И. Семантико-прагматический потенциал моно- и полипропозитивного простого предложения во французском языке: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Н. И. Манько; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2018. – 131 л.
6. Siouffi, G. 100 fiches pour comprendre la linguistique / G. Siouffi, D. Van Raemdonck. – Paris : Bréal, 2012. – 224 p.
7. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française ; sous la dir. de J. Rey- Debove, A. Rey. – Paris : Dictionnaires le Robert, 2013. – 2837 p.

The article deals with the mechanism that represents an elementary attributive situation in simple sentences in contemporary French. It has been established that the reduced predicative link between the subject and its predicate or direct object and its predicate reveal second or secondary predications.

Поступила в редакцию 09.12.2020

Ю. В. Овсейчик

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРОТИВИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМАНТИКЕ СОЮЗА *MAIS* 'НО' (диахронический аспект)

Статья посвящена выявлению семантических свойств ядерного сочинительного союза *mais* 'но' в период среднефранцузского языка при неосложненном соединении компонентов. Выявляются критерии дифференциации двух типов противительных отношений: собственно противопоставления и противопоставления «вопреки ожиданию».

Устанавливаются особенности реализации модели *P mais Q* как на уровне простого, так и на уровне сложного предложения. Определяются способы конкретизации противительных отношений: использование наречий уточняющего характера, расширение второго сочиненного компонента, наличие различных показателей (эпистемических, эвиденциальных, истинностных).

Изначально вопросами отношений между понятиями, которые противопоставляются, мыслятся как несовместимые по объему, занималась классическая логика, выделяя лишь наиболее типичные: соподчинение, отношение противоречия и отношение противоположности. В естественном языке репрезентация логических отношений между несовместимыми понятиями возможна посредством использования специально предназначенных единиц – союзов.

Поскольку «логические отношения пропускаются через сознание и волю говорящего индивида», то соединенные компоненты находятся в отношении логической либо прагматической несовместимости, последняя не связана ни с логической, ни с семантической противопоставленностью компонентов [1, с. 746]. Два положения вещей могут быть соединены отношением противопоставления, если они входят в один «онтологический» или «прагматический» класс, согласно В. Г. Гаку. Онтологические классы, как правило, заранее даны говорящим (например, «растения», «еда» и т.д.), прагматические классы непостоянны: они возникают в ситуации общения и распадаются, когда ситуация изменяется [1, с. 32–40].

Традиционно первичная семантическая функция французского ядерного сочинительного союза *mais* ‘но’ состоит в выражении логического противопоставления, отрицательной импликации, при соединении не более двух компонентов.

Логично возникает вопрос: было ли изначально присуще связующей единице соединять находящиеся в отношениях несовместимости компоненты как онтологических, так и неонтологических, прагматических, классов? Отсюда следует цель данной статьи – выявить семантические свойства союза *mais* ‘но’ при соединении компонентов (*P mais Q*) в среднефранцузском языке.

В своей фундаментальной работе Ф. Брюно относит противительный союз *mais* к группе унаследованных из латыни средств выражения маркированных (в его терминологии *extrinsèques*) логических противопоставлений [2, р. 716]. Л. Теньер выделяет антиномические юнктивы, которые подчеркивают противопоставление, и диалектические юнктивы, которые служат для обозначения хода логического мышления. Противительный юнктив *mais* выражает противопоставление противоположностей в самом общем смысле: *bon mais cher* [3, с. 346]. Лингвист предлагает различать «противопоставление отрицательной мысли положительной или противопоставление положительной мысли отрицательной, когда одна идея как бы компенсирует другую» [Там же, с. 347]. Ж. Антуан, в свою очередь, различает два типа противопоставления: противопоставление, представляющее собой сопостав-

ление не противоречащих, а просто различающихся понятий (в терминологии Ж. Антуана *opposition de simple confrontation*) и противопоставление, доведенное до альтернативы, строгой дизъюнкции [4, p. 258].

В свою очередь О. Дюкро выделяет два основных значения союза *mais* на основании его дистрибутивных свойств в сопоставлении с испанскими и немецкими коррелятами *sino/sondern*, с одной стороны, и с *pero/aber*, с другой стороны [5]. В первом случае союз предшествует утверждению, противоречащему ранее высказанному отрицанию. В современной трактовке такое употребление интерпретируется как «substitutive adversative coordination» [6, p. 34]. Во втором случае между соединенными компонентами не существует логической связи, что требует уточнения. В лингвистике для представленного употребления союза используется термин *conflicting expectations* [Там же].

Неоднократно лингвистами отмечалось, что во многих случаях пресуппозиция высказывания с союзом *mais* ‘но’ базируется на каком-то общем знании, на «обиходной энциклопедии», либо на каком-то мнении, предположении говорящего, а непосредственно союз, в трактовке Е. Урысон, «указывает на нарушение некоторой жизненной закономерности» [7, с. 178]. В этой связи при описании русского союза *но* лингвист предлагает пользоваться следующей формулировкой: ‘обычно ситуация типа Р влияет на положение дел; в результате если Р, то не-Q’, которая в сокращенном варианте представлена как ‘обычно если Р, то не-Q’ [Там же, с. 173]. В нашем исследовании для описания французского сочинительного союза *mais* ‘но’ в среднефранцузском языке применяется указанная формулировка.

В синтаксисе среднефранцузского языка происходят существенные, количественные и качественные, изменения, которые затрагивают и систему сочинительных союзов.

Сочинительный союз *mais* ‘но’ (*mais, maisque, maix, maiz, mays, mayz, meiz, mes, mesque, mez, mès, més, nemais* в среднефранцузском языке [8]) соединяет две противопоставленные друг другу части, каждая из которых соответствует действительности. В лексикографических источниках фиксируется два основных способа употребления лексемы *mais* ‘но’ в качестве союза в период среднефранцузского языка [9]. Первое употребление союза, «чистое», неосложненное, представляет соединение двух компонентов (Р *mais* Q). Второе употребление союза, осложненное, возможно в сочетании с союзом *que* ‘что’ (Р *mais que* Q).

Материалом для исследования послужили данные подкорпуса среднефранцузского языка Национального корпуса французского языка Frantext¹ [10]. Выявлено, что употребительность союза *mais* ‘но’ в период среднефранцузского языка увеличивается по сравнению с периодом старофранцузского языка в два с половиной раза (с 5,3 % до 13,24 % от общего количества вхождений всех союзов в каждом подкорпусе, или 5 109 и 28 163),

¹ Тексты, написанные на среднефранцузском языке, даются в Корпусе с морфологической разметкой и с учетом унифицированной орфографии союзов.

что отражает значимость данной единицы в системе средств сочинительной связи. Результаты дистрибутивного анализа позволяют утверждать, что употребление союза, «чистое», неосложненное, представлено почти в половине нашей выборки (12 480 контекстов из 28 894, или 43,2 % выборки).

В словаре среднефранцузского языка фиксируется два ключевых момента в употреблении единицы при неосложненном соединении компонентов (P *mais* Q) [9]. Во-первых, указывается на доминирование второго сочиненного компонента над первым при их соединении. В интерпретации В. Санникова «решающим для описываемой ситуации является второй компонент» [11, с. 248]. Во-вторых, проводится параллель с употреблением старофранцузского союза *ains*, «*conjonction rectificative*» ‘корректирующий союз’ в интерпретации О. Дюкро [5, р. 33], который предшествует утверждению, противоречащему ранее высказанному отрицанию.

Следует подчеркнуть, что употребительность союза *ains* резко снижается в период среднефранцузского языка, и он постепенно выходит из употребления. В работе С. В. Медведевой убедительно показано, что в исследуемый период союз *mais* ‘но’ приобретает функции, ранее выполняемые союзом *ains* в аналогичных контекстах [12]. Выявление причин исчезновения единицы *ains* не входит в рамки представленного исследования.

Анализ лексикографических источников, материала исследования, а также лингвистической литературы по проблеме исследования позволяет нам выделить три существенных критерия, которые лежат в основе дифференциации двух типов противительных отношений, выражаемых союзом *mais* ‘но’ в период среднефранцузского языка (собственно противопоставление и противопоставление «вопреки ожиданию»): характер противопоставления (прямой/косвенный), тип реализации компонентов (существование/несуществование) и наличие/отсутствие элемента ожидания.

Для двух данных типов отношений значимым является существование обоих противопоставляемых компонентов. Прямой (компоненты противопоставлены непосредственно друг другу) или косвенный (компоненты противопоставлены относительно некоторого вывода) характер противопоставления позволяет различать отношение «вопреки ожиданию». Третий критерий – элемент ожидания – позволяет объяснить основу несоответствия, служащего для создания отношения противопоставления.

Отношением противопоставления могут быть связаны «любые типы фактов, событий, положений дел и суждений» [13, с. 234].

При собственно противопоставлении два положения вещей представлены как полярные, расположенные на противоположных концах шкалы данного признака (1). При противопоставлении «вопреки ожиданию» второе положение дел представляется как противоположное ожиданиям, созданным первым компонентом высказывания (2).

(1) *Vallet ne seray plus, mais maistre* ‘Я не буду больше слугой, но господином’ (здесь и далее перевод наш – Ю. О.) [10];

(2) ...*prenés .ix. racines de yeubles et triblés avec vin blanc et donnés a boire au malade et gardés qu'il ne dorme, ce oste toute fievre selonc ce que j'ai trouvé mais je ne l'ai pas esprouvé* 'Возьмите девять корневищ ягод, смешанных с белым вином, и давайте пациенту для питья, и смотрите, чтобы он не спал, пока не уйдет лихорадка в соответствии с тем, что я обнаружил, но я это этот метод еще не испытывал' [10].

В первом примере союз *mais* 'но' указывает на очевидное противопоставление по социальной принадлежности человека (слуга и господин). Второй пример требует пояснения. На основании того, что утверждается в первом компоненте высказывания (Р 'возможность вылечиться с помощью некоторого снадобья'), мы можем сделать вывод о том, что его (снадобье) следует принимать. Однако, вопреки нашим ожиданиям, во втором компоненте (Q 'не испытывал на себе') утверждается обратное. Об этом несоответствии нам сигнализирует союз *mais* 'но'.

Вопрос дальнейшей дифференциации выделенных двух типов отношений, а также существования логической связи между противопоставляемыми компонентами (части простого предложения или сложного) решается по мере экспликации материала исследования.

Установлено, что союз *mais* 'но' используется в большинстве случаев для обозначения противоположного положения дел Р и Q, выступая синонимом старофранцузского союза *ains* в значении «*mais bien au contraire*» 'напротив же' [9]. Одновременное существование Р и Q исключается, и как следствие союз *mais* 'но' выражает отношение несовместимости.

Универсальная модель Р *mais* Q имеет две модификации в зависимости от наличия отрицания первого или второго сочиненного компонента. Либо отрицается первый сочиненный компонент, а второй, противоположный ему, утверждается (non-Р *mais* Q). Либо, наоборот, утверждается первый сочиненный компонент, а второй, противоположный ему, отрицается (Р *mais* non-Q). Отрицание одновременно выполняет функцию непосредственного отрицания предикативной связи и служит основой для противопоставления между компонентами. Об одинаковой употребительности моделей свидетельствует количественная корреляция контекстов с их вхождениями в подкорпусе среднефранцузского языка (6 884 и 5 596 (или 55,2 % и 44,8 % из 12 480)).

В простом предложении в случае отрицания первого компонента союз *mais* 'но' обозначает собственно противопоставление. Несовместимость – контрадикторная либо контрарная – двух понятий выводится на основании общих знаний об окружающем мире и репрезентируется противопоставленными лексическими единицами.

В случае контрадикторных отношений сопоставляются понятия, из которых одно отражает наличие у предметов каких-либо признаков, а другое – их отсутствие. Например, положительное и отрицательное нравственное качество человека *vertu≠vices* 'добродетель≠порок':

(3) *N'avait vertu une seule en luy, par quoy il soit de mémoire, mais vices et rudesses voyable* 'В нем не было ни одной добродетели, чтобы он остался в памяти, но пороки и жестокость всем очевидные' [10].

В преобладающем количестве контекстов соединенные посредством союза *mais* ‘но’ компоненты обозначают противоположные понятия (*non pas homes mais femmez* ‘не мужчины, а женщины’, *non mie grant mais petitete* ‘не большая, но маленькая’, *non point par neccessité mais par liberté* ‘не по необходимости, а по свободе’). Вместе с тем возможен сочиненный ряд, в котором соединяемые компоненты представляют не антонимические понятия (*non pas de volenté mais pour paour* ‘не из-за желания, а из-за страха’, *non pas pour cause d’aprendre, mais pour tempter* ‘не ради обучения, а для искушения’), а отражают группировки некоторых сущностей «в конкретных ситуациях, в зависимости от восприятия субъекта в данный момент и в данном месте» [1, с. 34].

В случае контрарных отношений противопоставляются понятия, которые, будучи взаимоисключающими по содержанию, могут не исчерпывать объема родового понятия. Например, между понятиями *malicieuse* ‘хитрая’ и *simple* ‘простая’, *hardie* ‘дерзкая’ и *humble* ‘смирренная’ и т.д. возможны разные градации:

(4) *Voie dont qu’elle ne soit malicieuse mais simple et bonne, ne soit aussi hardie ne importune mais humble et vergongneuse, ne soit pas luxurieuse mais chaste, ne ireuse mais debonnaire...* ‘Посмотри же, чтоб она была она не хитра, но проста и добра, не дерзка и навязчива, но смиренна и стыдлива, не роскошна, но целомудренна, не строптива, но добродушна...’ [10].

Отрицание одного из компонентов, в нашем случае первого (*n’avoit vertu, ne soit malicieuse*), является необходимым условием для репрезентации отношения собственно противопоставления. В случае отсутствия отрицания при сохранении противительного союза *mais* ‘но’ имеет место другое положение дел, которое не соответствует действительности. Приведенная трансформация подтверждает сказанное (3а):

(3а) → *avoit vertu une seule en luy <...> mais vices et rudesses par déturpation voyable* ‘В нем была одна добродетель, но пороки и жестокость всем очевидные’.

Отметим, что для выражения немаркированного противопоставления в старо- и среднефранцузском языках допустимо использование в сложном предложении союза *et* ‘и’, который, в интерпретации Ф. Брюно, характеризуется как «*copule la plus banale de coordination ou de subordination*» [2, р. 716]. Однако союз *et* ‘и’ для выражения противительного отношения фиксируется в единичных случаях. В случае замены союза противительного *mais* ‘но’ на соединительный *et* ‘и’ необходима трансформация простого предложения в сложное (4а), что свидетельствуют о большей употребительности противительного союза *mais* ‘но’ и о стремлении к более сжатой, синтаксически неосложненной структуре. Ср.:

(4а) → *Voie dont qu’elle ne soit malicieuse et qu’elle soit simple et bonne, ne soit aussi hardie ne importune et qu’elle soit humble et vergongneuse...* ‘Посмотри же, она не хитра, и (=а) она проста и добра, ни дерзка и навязчива, и (=а) она смиренна и стыдлива...’.

Для конкретизации противительных отношений в период среднефранцузского языка в постпозиции к союзу *mais* ‘но’ активно начинают употребляться разнообразные наречия. Установлено, что в 6 % контекстов союз сочетается с единицами, которые маркируют в среднефранцузском языке либо темпоральные отношения *puis* ‘затем’ (99)¹, *avant* ‘раньше’ (75), *toujours* ‘всегда’ (71), *pourtant* ‘однако’ (28), *toutefois* ‘однако, все-таки’ (13), *cependant* ‘между тем’ (7), либо пространственные *nonobstant* ‘несмотря на’ (33), *au contraire* ‘напротив’ (63), либо отношения исключения *seulement* ‘только’ (388), *néanmoins* ‘при всем том’ (3), а также присоединительные *aussi* ‘также’ (326), *encore* ‘еще’ (168) и пояснительные *bien* ‘лучше’ (347), *ainsi* ‘таким образом’ (59).

Уточним сказанное на примере сочетания союза *mais* ‘но’ и наречия *seulement* ‘только’. Наречие функционирует как в препозиции (254 контекста), так и в постпозиции к союзу (388 контекстов). Присутствие наречия *seulement* ‘только’ в первой сочиненной части приводит к образованию конструкции *non/pas/mie seulement P mais Q* ‘не только P, но Q’. При этом в подкорпусе фиксируется резкое увеличение количества контекстов с конструкцией данного типа (ср.: 254 контекста в подкорпусе среднефранцузского языка vs. 5 контекстов – старофранцузского языка).

Противительная семантика союза *mais* ‘но’ в конструкции *non/pas/mie seulement P mais Q* ‘не только P, но Q’ осложняется. Два сочиненных компонента представляют понятия, которые сосуществуют в языковом сознании говорящего на основании обобщения «любых признаков, которые существенны для воспринимающего лица (ego), здесь (hic) и сейчас (nunc)» [1, с. 35], и, дополняя друг друга, они не нарушают общепринятого положения дел.

В зависимости от содержания второго сочиненного компонента союз *mais* ‘но’ либо выражает противительно-присоединительные отношения, вводя информацию более значимую для текущего момента и акцентируя идею единства двух компонентов (5), либо указывает на противительно-пояснительные отношения, расширяя содержание понятия первого компонента (6).

(5)...*liquels fu excellens non pas seulement par force de courage, mais par forces de corps* ‘...они были восхитительны не только за счет силы мужества, но и за счет силы тела’ [10];

(6) *Mais par l’opposite, l’omme rioteux, noiseux et discordant puet esconmouvoir, non seulement la court d’un prince, mais tout un pays ou une ville par semer ses mauvaises parolles* ‘Напротив, смеющийся, шумный и несогласный человек мог переполюшить не только двор принца, но и целый мир или город, произнося свои плохие речи’ [10].

Для дифференциации присоединительных отношений дополнительно используется наречие *aussi* ‘также’ в постпозиции к союзу *mais* ‘но’. Конструкция *non seulement P mais aussi Q* ‘не только P, но также Q’ встречается

¹ В скобках указано количество контекстов, в которых данные единицы сочетаются с союзом согласно корпусным данным.

в 63 контекстах (или 24,8 % из 254) (7). Для указания на пояснительный характер отношений допустимо расширение второго компонента за счет открытого сочиненного ряда (8).

(7) *Et ne default pas seulement de bonté mais aussi de verité* ‘И не только в отсутствии доброты, но и истины’ [10];

(8) *Les simples prestres ne sont mie seulement entechiés, mais arcevesques, evesques et prelas...* ‘Простые священнослужители – это не только преданные вере, но и архиепископы, епископы и прелаты...’ [10].

Любопытно, что для экспликации противительно-пояснительных отношений при сопоставлении одной характеристики разных предметов или явлений допустимо утверждение первого и отрицание второго сочиненного компонента (P *mais* non-Q):

(9) *...car il sont petis comme naun, mais non pas si petis que les pignes* ‘...потому что они маленькие, как гномы, но не такие маленькие, как шишки’ [10].

При соединении частей сложного предложения возможно отрицание как первого, так и второго сочиненного компонента, т.е. non-P *mais* Q и P *mais* non-Q. Отличие заключается в характере сопоставляемых явлений, действий или состояний. Знание обычного порядка вещей, при наличии ситуации типа P (или сообщения о ней), индуцирует у нас ожидание ‘не имеет место ситуация типа Q’. Далее либо ожидание оправдывается, т.е. вводимый союзом сочиненный компонент уточняет содержание первого компонента, либо из контекста следует, что ожидание обманывается, а сочиненный компонент, вводимый союзом, интерпретируется как более уместный, чем предшествующий.

При отрицании в первой сочиненной части (non-P *mais* Q) речь идет об одном и том же явлении, действии или состоянии, которое уточняется во второй части, а союз *mais* ‘но’ указывает на противительно-пояснительные (10) или противительно-присоединительные отношения (11).

(10) *Et ne devons arrester en nulle maniere en pechié d'ingratitude; mais devons rendre tousjours graces a li* ‘И мы ни в коем случае не должны пребывать во грехе неблагодарности; но мы должны быть всегда ему благодарны’ [10];

(11) *...par quoy Ypolitus ne fut mie seulement tué et mort mais le corps de lui fut desnervé et froissé par membres* ‘...из-за чего Ипполит был не только убит и мертв, но и тело его было лишено чувствительности и разорвано на части’ [10].

При отрицании во второй сочиненной части (P *mais* non-Q) сопоставляются различные явления, действия или состояния. При всем своем несходстве они не отменяют друг друга, а как бы сосуществуют: сообщаемое во второй части совершается вопреки тому или независимо от того, что было бы естественно (Q ‘жаловаться на боль’ (12)) и закономерно (Q ‘сопоставить дополнительную информацию по делу’ (13)), желательно или необходимо

при тех условиях или обстоятельствах, о которых сообщается в первой части. В интерпретации В. Санникова и Е. Урысон в данном случае союз указывает на «ненормальное следствие» [11, с. 249], «обманутое ожидание» [7, с.180].

(12) *Ce vilain cy est tout estaint Et tout defforme sa figure ; Mais, pour peine ne pour bature, Il ne murmure ne se plainct* ‘Этот негодяй там находится и его лицо обезображено; но из-за боли и ударов он ничего не шепчет и не жалуется’ [10];

(13) *Et lors furent à lui apportées certaines informations, ..., fu ordonné que le dit maistre Dominique seroit ajourné pour respondre sur le contenu es dictes informations. Et fu adjourné, mais il ne compara point, et pource fu pris et mené en prison a Campo* ‘И затем ему была доставлена определенная информация, было принято решение, что дело упомянутого мастера Доминика будет отложено до рассмотрения упомянутой информации. И дело было отложено, но он (судья) ничего не сопоставлял, и из-за этого (Доминик) был взят и заключен в тюрьму в Кампо’ [10].

Характерно, что союз *mais* ‘но’ соединяет части сложного предложения и в условиях отсутствия в среднефранцузском языке эксплицитного отрицания. В этой связи важно отметить, что возможность перестановки соединенных компонентов, т.е. $P \text{ mais } Q \rightarrow Q \text{ mais } P$, приводит к нарушению логической связи: новое содержание не соотносится с наблюдаемыми и сопоставляемыми явлениями и событиями в действительности. Так, в следующем примере (14) перестановка сочиненных частей (14а) нарушает хронологическую последовательность:

(14) *Et puis vint regarder la terre, et pour la grant chaleur devant dicte la trouva encores seiche et decrevée (P). Mais remist icelle terre en verdure et si y remplist et fist courir les rivieres et les fontaines et aussi les arbres fueillir et fructifier comme paravant (Q)* ‘И затем пришел посмотреть на землю, иссушенную и потрескавшуюся из-за сильной жары. Но вновь превратил ее в покрытую зеленью и наполнил ее, и реки с фонтанами заструились, и деревья покрылись листьями и плодами как раньше’ [10];

(14а) **remist icelle terre en verdure et si y remplist et fist courir les rivieres et les fontaines et aussi les arbres fueillir et fructifier comme paravant (Q). Mais puis vint regarder la terre, et pour la grant chaleur devant dicte la trouva encores seiche et decrevée (P).*

Для обоснования отсутствия логической связи между противопоставляемыми явлениями или событиями допускается усложнение синтаксического образования разнообразными вводными конструкциями, включающими эпистемические, эвиденциальные и истинностные показатели (не более 1 % от всей выборки): *mais comme il couvenoit* ‘но как было условлено’, *mais comme dist qn* ‘но как говорит к.-л.’, *mais ainsi comme la pensoie* ‘но как он и думал’, *mais il est comme injuste* ‘но как несправедливо’, *mais je croy* ‘но я верю’, *mais selon mon propos* ‘согласно моим словам’, *mais selon ce que vertu est bien* ‘согласно тому, как добродетель хороша’, *mais selon verité* ‘но по правде’ и т.д.

Таким образом, в среднефранцузском языке союз *mais* 'но' при неосложненном соединении компонентов P *mais* Q маркирует два типа противительных отношений: собственно противительное и «вопреки ожиданию». Модель P *mais* Q реализуется как на уровне простого, так и на уровне сложного предложения при 1) представлении одного положения дел с разных точек зрения, 2) сопоставлении противоположных положений дел, 3) сопоставлении сосуществующих положений дел.

Наличие логической связи между несовместимыми компонентами онтологического класса обуславливает возможность дифференциации противительных отношений (противительно-пояснительные и противительно-присоединительные) в зависимости от содержания сочиненных частей. Используется включение разнообразных наречий уточняющего характера или расширение второго сочиненного компонента за счет однородных рядов.

При отсутствии логической связи между противопоставляемыми компонентами прагматического класса обоснованность несоответствия ожиданию маркируется эпистемическими, эвиденциальными, истинностными показателями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
2. Brunot, F. La pensée et la langue / F. Brunot. – Paris, 1956. – 954 p.
3. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М., 1988. – 656 с.
4. Antoine, G. La coordination en français / G. Antoine. – 2 vol. – Paris, d'Artrey. – 1962, I. – P. 258.
5. Ducrot, O. Deux mais en français? / O. Ducrot, J. C. Anscombe // *Lingua* 43 North-Holland Publishing Company. – 1977. – P. 23–40.
6. Haspelmath, M. Coordination / M. Haspelmath // Shopen, T. (ed.) *Language typology and linguistic description*. – Vol. 2. – Cambridge : CUP, 2009. – 50 p.
7. Урысон, Е. В. Опыт описания семантики союзов / Е. В. Урысон. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 339 с.
8. Trésor de la Langue Française. – Режим доступа : <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm> – Дата доступа : 15.10.2020.
9. Dictionnaire du Moyen Français. – Режим доступа : <http://www.atilf.fr/dmf/> – Дата доступа : 22.10.2020.
10. Национальный корпус французского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.frantexte.fr/>. – Дата доступа : 15.12.2020.
11. Санников, В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. – М. : Языки славянских культур. – 2008. – 624 с.
12. Медведева, С. В. Основные пути развития системы противительных связей в среднефранцузский период (простое и сложное предложение) : автореф. дис. канд. филол. наук. : 10.02.05. / С. В. Медведева. – М.: Московский пед. ун-т. – 1997. – 23 с.

13. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 156–250.

The article is devoted to the identification of the semantic properties of the nuclear conjunction *mais* ‘but’ in the Middle French language with an non-complex combination of units. The paper identifies the criteria of differentiation of two types of adversative relations – opposition only and opposition of “contrary to expectations”. The specifics of the implementation of the “P mais Q” model are established both at the level of a simple and a complex sentence. The methods of concretizing adversative relations are determined: the use of adverbs, the expansion of the second combined unit, the presence of various indicators (epistemic, evidential, truthful).

Поступила в редакцию 03.02.2021

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

П. П. Жаўняровіч

РЕДАКТАРСКАЯ ПРАЎКА СЛОВАФОРМАЎ НАЗОЎНІКА:
ВАРЫЯНТЫ СКЛОНАВЫХ КАНЧАТКАЎ

Рассматриваются проблемные моменты, связанные с наличием вариантов падежных окончаний имен существительных в белорусском языке. Выявление кодифицированного варианта зиждется на аналитической работе редактора, которая является важной редакторской компетенцией для проведения мотивированной правки. Автор анализирует варианты окончаний со ссылкой на их кодификацию академическими словарями и учебными пособиями для учреждений высшего и общего среднего образования.

Рэдактарская праўка, заснаваная, з аднаго боку, на глыбокім пранікненні ў аўтарскую задуму і, з другога – на прафесійным веданні мовы, патрабуе ад рэдактара адсочвання складаных працэсаў, якія адбываюцца ў моўным арганізме на сучасным этапе. Інфармацыйнае грамадства, насычанае разнастайнымі тэкстамі на шматлікіх пляцоўках, прычым тэкстамі гібрыднымі (гіпертэкстамі), з характэрнай мультымедыйнасцю, патрабуе вельмі хуткіх адказаў на выкарыстанне кожнай новай моўнай адзінкі: запавольванне часу ад стварэння матэрыялу да абнародавання сёння выяўляецца ў страце не толькі іміджу, але і даходаў.

Марфалагічная нармалізацыя адбываецца больш павольна, таму што павінен прайсці час адаптацыі пэўнай словаформы, калі ў маўленні існуюць два варыянты, ні адзін з якіх не кадыфікаваны ў якасці літаратурнай нормы. З гэтай прычыны адсутнасць лексемы ў акадэмічных слоўніках вымушае рэдактара самастойна рабіць выбар на карысць таго або іншага варыянта, бо выраз «няма ў слоўніку – няма ў мове» для рэдактара-прафесіянала непрымальны – у адваротным выпадку спынілася б развіццё мовы як жывога арганізма.

Але нармалізацыя словаформаў у слоўніках і граматыках таксама патрабуе крытычнага падыходу. Не сакрэт, што ў некаторых выпадках і пры складанні слоўнікаў, і пры падрыхтоўцы граматык і вучэбных дапаможнікаў для ўстаноў вышэйшай адукацыі выяўляецца суб'ектывізм, розны падыход да кадыфікацыі, групавыя інтарэсы. З гэтай прычыны для рэдактара важна праводзіць грунтоўны аналіз сустрэтай словаформы і матывавана рабіць выбар на карысць аўтарскага або іншага варыянта.

1. Родны склон назоўнікаў мужчынскага роду адзіночнага ліку.

Плынь запазычанняў у канцы ХХ – пачатку ХХІ ст. выклікала дадатковыя складанасці пры выбары канчатка *-a* (*-я*) ці *-y* (*-ю*) нульфлексійных

назоўнікаў мужчынскага роду ў родным склоне адзіночнага ліку праз залежнасць ад семантыкі слова. Сёння, напрыклад, кадыфікаваны формы *дыскурсу*, *інтэрнэту*, *інтэрфейсу*, *канцэпту*, *трафіка*, *трэнду*, *хэтчбэка* і інш.; дагэтуль у слоўніках адсутнічаюць *акаўнт(а)*, *батл(у)*, *дрон(а)*, *дэсктоп(а)*, *канструкт(у)*, *квэст(у)*, *лангрыд(а)*, *мабайл(у)*, *меседж(у)*, *месенджар(а)*, *паблік(а)*, *падкаст(а)*, *сімулякр(а)*, *смайл(а)*, *стрым(у)*, *хэштэг(а)*, *чат-бот(а)*, *эматыкон(а)*... Параўн.: *Перспектыва кар’ерынгу ў Гомелі ацэньваецца ў 600–800 машын; Двое хлопцаў з Дзяржынскага раёна развозілі наркатыкі па схованках на машыне з кар’ерынга, наведамляе міліцыя; Брытанскі суд пастанавіў, што The Pirate Bay і яго карыстальнікі вінаватыя ў маштабным парушэнні **капірайта** пры абмене музычнымі кампазіцыямі; Нават калі кантэнт не мае значка **капірайту**, сеткавы этыкет прадугледжвае ўказанне імя аўтара і спасылкі на арыгінальны тэкст. У першых двух прыкладах рэдактар па аналогіі далучае кар’ерынгу да групы з семай ‘сістэма’ (маркетынг, капірайтынг) і абірае канчатак -у, у двух другіх – далучае капірайт да групы апостраф, ордэн з семай ‘знак’ і абірае канчатак -а.*

Канчатак -у маюць некаторыя назоўнікі ў фразеалагічных спалучэннях, якія не заўсёды фіксуюцца ў слоўніках. У прыватнасці, для назоўніка *год* пададзены варыянтны канчатак -у: *з году ў год* [1, с. 194], «*НВ год, года (ва ўстойлівых выразях году)*» [2, с. 262], *без году тыдзень, з году ў год* [3, с. 72]. Мусім дадаць, што назоўнік *пункт* у складзе фразем таксама мае канчатак -у: *пункту гледжання (погляду)*, *пункту адліку* [4, с. 259], што пацвярджаецца ўзусам: – *Тады і вызначэнне самога і часця выходзіць з правільнага пункту погляду* (Якуб Колас); *Адны і тыя ж падзеі могуць пры гэтым асэнсоўвацца па-рознаму ў залежнасці ад пункту гледжання таго ці іншага антыгероя...* (Міхась Тычына).

Наяўнасць некалькіх сотняў полісемантаў, якія набываюць розныя канчаткі ў залежнасці ад кантэкстуальнага значэння, таксама ўскладняе рэдактарскую праўку. А асобныя назоўнікі ў працэсе функцыянавання выразна патрабуюць выкарыстання розных канчаткаў, хоць для іх кадыфікаваны толькі адзін – -а. Так, для назоўнікаў *акт* і *інстытут* фіксуецца толькі гэты канчатак, але значэнне першага ‘Адзінкавае праяўленне якой-н. дзейнасці, дзеянне, учынак’ [1, с. 68] утрымлівае сему абстрактнасці, значэнне другога ‘Сукупнасць прававых норм у якой-н. сферы грамадскіх адносін, пэўная форма грамадскай арганізацыі’ [Там жа, с. 322] – сему зборнасці. З гэтай прычыны пашыраецца ўжыванне канчатка -у: *Паліцыя разглядае гэты інцыдэнт у якасці тэрарыстычнага акту; Гэта і падкрэсліваецца І. Мележам вылучэннем як апорнага ў яго мастацкай канцэпцыі паняцця імкненне, якім абазначаецца працэсуальнасць творчага акту; Сёння Швецыя перажывае крызіс інстытуту сям’і; Станаўленне інстытуту шлюбу ў заканадаўстве ВКЛ.*

2. Месны склон назоўнікаў мужчынскага і ніякага роду адзіночнага ліку.

Застаецца варыянтнасць канчаткаў асабовых нульфлексійных назоўнікаў мужчынскага роду (другога скланення) з цвёрдай асновай у месным склоне адзіночнага ліку. Як сцвярджаецца ў БГ, «у моўнай практыцы назіралася і назіраецца ў нашы дні ўжыванне дублетных форм на -у і -е» [5, с. 68]. Вучэбныя дапаможнікі для УВА падаюць наступнае: «У асобных назоўніках могуць ужывацца варыянтныя канчаткі: (*пры*) сын-у (-е), аграном-у (-е), Панас-у (-е)» [6, с. 224]; «Асабовыя назоўнікі з цвёрдай асновай у месным склоне маюць канчатак -е: (*пры*) сыне, браце, салдаце» [7, с. 59]. КГБМ удакладняе: «Назоўнікі дзед і прадзед могуць мець варыянтны канчатак -у (*жыве пры дзедзе, прадзедзе і жыве пры дзеду, прадзеду*)» [8, с. 136]. Але ніводны акадэмічны слоўнік не кадыфікуе ў назоўніках дзед і прадзед канчатак -у [1, с. 221, 614; 2, с. 293, 791; 9, с. 220, 627]. Узнікае таксама пытанне: чаму два назоўнікі так «уганараваны» двума канчаткамі, а *сусед, швед, жывёлавод* і пад. – не? Школьны падручнік як асноўны называе канчатак -у [10, с. 70], але аўтары ўдакладняюць: «Назоўнікі са значэннем асобы, імёны і прозвішчы людзей могуць ужывацца і з канчаткам -е: *пры аграноме, пры Сымоне, пры дзедзе*» [Там жа, с. 71]. У адной з апошніх акадэмічных прац катэгарычна сцвярджаецца: «Толькі ў мове мастацкай літаратуры як асаблівасць, прыкмета індывідуальнага стылю таго ці іншага пісьменніка ў месным склоне дапускаецца ўжыванне формаў з канчаткам -у» [11, с. 88].

У падобным становішчы знаходзяцца асабовыя назоўнікі з цвёрдай асновай і канчаткам -а (*мужчына, ваявода*). Напрыклад, СБМ кадыфікуе форму (аб) *тату* [9, с. 806]. У адным вучэбным дапаможніку для УВА сцвярджаецца: «Калі ж націск падае на аснову, то ўжываецца канчатак -у (-ю) (другое скланенне): Д. *бацьку, запявалу, абаронцу*; М. (*пры*) *бацьку, запявалу, абаронцу* (як (*пры*) *трактарысту*)» [6, с. 226]; у другім – «У месным склоне адзіночнага ліку ў назоўніках мужчынскага і агульнага роду з асновай на цвёрды і ненаціскнымі канчаткамі -а, -я рэкамендуецца пісаць канчатак -е (*сапраўднаму мужчыне, малайчыне Андрэю, непаседзе Алесю, але тату*)» [7, с. 62]. У апошняй цытаце звяртае на сябе ўвагу дзеяслоў *рэкамендуецца* (даецца парада) і прыклад меснага склону *сапраўднаму мужчыне* (трэба ўсё ж «(*пры*) *сапраўдным мужчыне*»).

БГ канстатуе: «Назоўнікі *вадро* і *малако* ў месным склоне адзіночнага ліку могуць мець варыянтны канчатак -э: *у вядрэ, у малацэ*» [5, с. 80]. Але толькі ТСБЛІМ кадыфікуе формы (у) *малацэ* і (у) *малаку* [1, с. 413], а ў ГСН і СБМ фіксуецца другі варыянт [2, с. 549; 9, с. 383]. У дапаможніку Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна знаходзім: «Назоўнік *малако* ў месным склоне ўжываецца з канчаткам -э: *у малацэ*» [12, с. 42]. Для назоўніка *вадро* ўсе слоўнікі падаюць адну форму – *у вядры* [1, с. 173; 2, с. 225; 9, с. 176].

Як піша наконт разгляданых у п. 2 формаў даследчыца А. Хромчанка ў артыкуле з красамоўнай назвай «Сам сабе “граматыка”», «працэс дыфэрэнцыяцыі яшчэ не завяршыўся» [13, с. 220], таму рэдактару і выкладчыку лепш за ўсё пакідаць аўтарскі варыянт назоўніка без змен і чакаць усталявання канчатковай нормы.

3. Родны склон назоўнікаў множнага ліку.

Да сёння застаецца варыянтнасць канчаткаў у родным склоне множнага ліку: *норм* і *нормаў*, *партызан* і *партызанаў* і інш. Канчаткова не ўнармаваны канчаткі назоўнікаў III скланення. У БГ знаходзім: «Для назоўнікаў гэтай групы (двухскладовых і шматскладовых назоўнікаў з асновай на адзін зычны і большасці аднаскладовых назоўнікаў. – П. Ж.) дапускаецца таксама канчатак *-яў*: *аброцяў*, *арцеляў*, *бандэроляў*, *граняў*, *плыняў*, *скроняў* і г. д.» [5, с. 94], у КГБМ бачым пашырэнне гэтай варыянтнасці на назоўнікі са збегам зычных у канцы асновы: «Аднак у сучаснай моўнай практыцы назоўнікі гэтых груп ужываюцца і з канчаткам *-яў*: *магчымасцяў*, *якасцяў*, *урачы-стасцяў*, *восяў*, *дробязяў*, *сенажацяў*, *ніцяў*. Выкарыстанне канчаткаў *-аў* (*-яў*) у сучасным маўленні мае тэндэнцыю да пашырэння і нарматыўнага замацавання» [8, с. 161]. Менавіта «нарматыўнае замацаванне» становіцца адной з праблем аналізу і ацэнкі тэкстаў, калі рэдактару або выкладчыку даводзіцца ўдакладняць ледзь не кожны канчатак, бо з вышэйпрыведзенага пераліку варыянтны канчатак кадыфікаваны толькі для назоўніка *сенажаць* [2, с. 949; 9, с. 751]. Школьны падручнік падае правіла не так катэгарычна: «Назоўнікі з націскам на аснове могуць ужывацца з канчаткамі *-ей* і *-яў*: *арцелей* і *арцеляў*, *сенажацей* і *сенажацяў*, *пячэй* і *печаў*» [10, с. 75].

4. Канчаткі назоўнікаў *садавіна* і *Шры-Ланка*.

Дзіўная сітуацыя склалася ў адносінах да назоўніка *садавіна*, акцэнтацыя якога ўплывае на форму ў творным склоне: *садавінай* і *садавіной*. СБМ кадыфікаваў слова з націскам на трэцім складзе: *садавіна* [9, с. 735], ТСБЛМ і ГСН – на чацвёртым складзе: *садавіна́* [1, с. 725; 2, с. 914]. Магчыма, у СБМ прапушчана памылка друку? Але, зазірнуўшы ў АСБМ, зноў сустракаем *садавіна* [3, с. 593]. Як у такім разе паступаць рэдактару і выкладчыку, бо ўсе акадэмічныя выданні ХХ стагоддзя падавалі акцэнтацыю *садавіна́*? Суцяшае тое, што ў школьным падручніку для 8 класа ў вынасцы знаходзім: «*садавіна́, крапіва́*» [14, с. 100]. Дарэчы тут і страфа з сатырычнага верша Кандрата Крапівы «Дзівак-наватар»: «Тут людзі ахнулі: – Ого! // Вось гэта навіна! – // Пасля спыталіся ў яго: // – А дзе ж *садавіна*?».

Раз-пораз актуалізуецца ўжыванне назоўніка *Шры-Ланка*, форма якога ў давальным і месным склонах залежыць ад націску. Энцыклапедычныя выданні (у т. л. расійскія) падаюць націск на канчатку (адпаведна, склонавыя формы мусяць быць *Шры-Ланцэ*, у *Шры-Ланцэ*), але ў беларускамоўных тэкстах сустракаем практычна паўсюдна: *На Шры-Ланцы ўведзеная каменданцкая гадзіна, абмежаваны доступ у Інтэрнэт; Высветлены арганізатары выбухаў у Шры-Ланцы*. Неадпаведнасць граматычнай формы парадыгме скланення з часам мусіць быць ліквідаваная.

5. Скланенне прозвішчаў асоб на *-а, -я*.

На сённы складанай праблемай застаецца скланенне назоўнікаў – прозвішчаў асоб на *-а (-я)*. БГ падзяляе іх на тры групы: 1) суадносяцца з агульнымі назоўнікамі і маюць канцавыя *-га, -ка, -ха*: *Кніга, Мурашка, Скруха*; 2) суадносяцца з агульнымі назоўнікамі (акрамя канцавых *-га, -ка, -ха*): *Воля, Гушча, Кішэня*; 3) не суадносяцца з агульнымі назоўнікамі: *Даніленка, Сушчэня, Чачуха*.

1) паводле БГ, прозвішчы з ненаціскным канчаткам скланяюцца як назоўнікі агульнага роду [5, с. 101]: жаночыя – (пры) *Кнізе, Мурашцы, Скрусе*; мужчынскія – (пры) *Кнігу, Мурашку, Скруху*.

2) усе прозвішчы гэтай групы БГ прапануе скланяць «як агульныя назоўнікі жаночага роду» [5, с. 101]: *Бульбай, Пушчай, Кропляй, Крапівой*. КГБМ далучае да падобных прозвішчаў усе адпрадметныя назоўнікі і лічыць, што яны «скланяюцца як агульныя назоўнікі жаночага роду з адпаведным тыпам асновы» [8, с. 169], г. зн. выключае формы *Ігарам Кнігам, Мурашкам, Скрухам*; (пры) *Ігару Кнігу, Мурашку, Скруху* (адпаведна трэба пісаць: *Ігарам Кнігай, Мурашкай, Скрухай*; (пры) *Ігару Кнізе, Мурашцы, Скрусе*). Але для такой радыкальнай змены парадыгмы няма ніякіх падстаў, бо моўная практыка пацвярджае скланенне падобных прозвішчаў так, як пазначана для першай групы.

3) прозвішчы гэтай групы скланяюцца тады, «калі яны адносяцца да мужчыны» [5, с. 101]: *Васілю Даніленку, Сушчэню, Чачуху; Васілём Даніленкам, Сушчэнем, Чачухам*. КГБМ дадае яшчэ адну групу прозвішчаў на *-еня (-эня, -аня), -уня (-юня), -іня (-ыня), -ня, -оля, -уля (-юля), -ля*, якія скланяюцца «як назоўнікі жаночага роду на *-я* <...> незалежна ад полу іх носьбітаў» [8, с. 169], што супярэчыць сказанаму ў БГ.

Асобна варта спыніцца на прозвішчах з націскным канчаткам. БГ не разглядае прозвішчы з націскным *-га, -ка, -ха* [5, с. 101], таму не вельмі зразумела, якія формы ўскосных склонаў у мужчынскіх прозвішчаў *Дуга, Талака* або *Страха*. КГБМ, як было адзначана, спалучае ўсе прозвішчы ў адну групу незалежна ад націску [8, с. 169], таму прапануюцца формы *Алесем Дугой, Талакой, Страхой*; (пры) *Алесю Дузе, Талацэ, Страсе*.

Як жа пададзена скланенне разгляданых прозвішчаў у вучэбных дапаможніках для УВА? У адным канстатуецца: «Па першым скланенні змяняюцца ўласныя назоўнікі з канчаткам *-а (-я)*, што з’яўляюцца прозвішчамі і імёнамі асоб жаночага полу» [6, с. 227], дадаецца, што мужчынскія прозвішчы з націскным *-а (-я)* скланяюцца аналагічна, а з ненаціскным – па змешаным тыпе скланення: (пры) *Шарыбу, Ясучэню, Асіпенку; Шарыбам, Ясучэнем, Асіпенкам* [6, с. 227–228]. Другі дапаможнік пакідае ўсе варыянты БГ [7, с. 72–73].

Як у такім «полінармаванні» сарыентавацца рэдактару і выкладчыку, не кажучы ўжо пра студэнта і вучня? Супаставіўшы парадыгму скланення ў двух вучэбных дапаможніках, можна пераканацца, што ў першым яна пададзена больш сцісла і зразумела, бо не прадугледжвае выяўлення

адпрадметнасці (апелятыўнасці), а гэта якраз з'яўляецца найбольш складаным пры выбары склонавых формаў. Мужчынскія прозвішчы на *-а* (*-я*) скланяюцца на ўзор назоўнікаў агульнага роду, за выключэннем тых, што маюць націскны канчатак. **Усе** жаночыя прозвішчы на *-а* (*-я*) скланяюцца як назоўнікі з адпаведнай асновай. Былі б два сказы ў правіле, але наколькі яны палегчылі б працу з тэкстамі! На жаль, розныя падыходы дзвюх навуковых школ зводзяць на нішто намаганні практыкаў для таго, каб палегчыць працу рэдактараў, вучобу студэнтаў і школьнікаў, ды і моўная сістэма патрабуе «палягчэння».

Прывядзем некаторыя прыклады. З Івана Мележа: *З кім-кім, а з Дарош-кай, з Казачэнкам можна было б абысціся лепш*; з Алеся Пісьмянкова: *...Ужо каторы дзень не сціхае дождж, а маё сэрца перапоўнена сонечнай музыкай Купалы і ўдзячнасцю Ёй – Паўліне Вікенцьеўне Мядзёлцы, хоць яна і не ашчаслівіла паэта сваім каханнем*. Асабліва паказальны першы прыклад, дзе формы прозвішчаў адлюстроўваюць пол асобы: *Дарошкай* – жанчына, *Казачэнкам* – мужчына. Сярод твораў Віктара Шніпа знаходзім: *Балада Паўліны Мядзёлкі*, а ў «Маладзечанскай газеце» – *Сакрэты жыцця Паўліны Мядзёлка*. Янка Купала, мяркуем, перажагнаўся б, бо прысвяціў верш менавіта Паўліне Мядзёлцы (а не Мядзёлка).

А як вызначаць апелятыўнасць прозвішча? Напрыклад, *Груша* – скланяем, *Падгруша* – (?), *Пята* – скланяем, *Падбіята* – (?), *Моркаўка* – скланяем, *Пугаўка* – (?). Гэта ж рэдактару і выкладчыку трэба разгадваць цэлы рэбус! Безумоўна адно: скланенне прозвішчаў на *-а* (*-я*) варта прывесці да ладу, як прапанавана вышэй. І пры гэтым не павінны ўлічвацца «перавагі» ўласніка прозвішча – скланяць ці не скланяць. Пайшоўшы па гэтым шляху, можна наламаць нямала дроў. Што, дарэчы, ужо часткова і зроблена, у прыватнасці ў афіцыйным стылі (пры афармленні дыпламаў, грамат і пад.). У апошні час, каб пазбегнуць лішніх складанасцей, стараюцца пазбываць пастаноўкі жаночых прозвішчаў ва ўскосных склонах, у якіх адбываецца чаргаванне заднеязычных *г, к, х*, і робяць сінанімічныя замены: замест «Дыплом I ступені прысуджаецца *Тананушцы* Іне...» пішуць «Дыплом I ступені. Узнагароджваецца *Тананушка* Іна...». Аднак гэта не выхад са становішча. Школьныя атэстаты і дыпламы спецыялістам трэба выдаваць увесь час, а там фігуруе дзеепрыметнік «выдадзены», пасля якога патрабуецца давальны склон: *Сяляўцы, Страсе, Звязе...* Лепш, зразумела, было б змяніць фармулёўкі ў дакументах на прыклад пашпарта, каб фігураваў назоўны склон прозвішча: *Атэстат пацвярджае, што **Бязручка** Ганна Казіміраўна ў 2016 годзе наступіла і 2020 годзе скончыла...* Але гэта ўжо кампетэнцыя спецыялістаў іншай галіны.

У грунтоўным акадэмічным даследаванні «Дынаміка літаратурнай нормы сучаснай беларускай мовы» (2015) знаходзім: «Можна больш падрабязна спыніцца на першым у беларускім мовазнаўстве манаграфічным даследаванні, <...> якое належыць І. А. Гапоненцы» [11, с. 17]. Форма

прозвішча аўтарытэтнай даследчыцы Ірыны *Гапоненкі* ўскосна пацвярджае магчымасць скланення падобных жаночых прозвішчаў нават у навуковым стылі.

Такім чынам, разгледжаныя асобныя варыянтныя канчаткі назоўніка паказваюць, наколькі трэба быць абачлівым пры аналізе і ацэнцы выкарыстанай аўтарам словаформы. Глыбокая тэарэтычная падрыхтоўка філолага – рэдактара або выкладчыка (настаўніка) – мусіць стаць абавязковым складнікам прафесійнай кампетэнцыі. Часам недастаткова выявіць у аўтара ці ў студэнта (школьніка) няправільную марфалагічную форму, а імкнуцца давесці, што яе змена – гэта адзіна правільнае выйсце. Калі такой упэўненасці няма, старацца знайсці адказ у разнастайных даведніках і, магчыма, пакінуць аўтарскую канструкцыю без змен. Яшчэ Кузьма Чорны пісаў, што «мова – жывая істота. Яна жыве, а не існуе», а значыць, любое штучнае ўмяшанне ў яе можа выклікаць непрадказальныя наступствы. Гэта трэба разумець і дастасоўваць да сваёй рэдактарскай і педагагічнай практыкі.

ЛІТАРАТУРА

1. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / уклад. : І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : БелЭН імя П. Броўкі, 2016. – 968 с.
2. Граматычны слоўнік назоўніка / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., філ. «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы»; уклад. Г. У. Арашонкава [і інш.] ; навук. рэд. В. П. Русак. – 2-е выд., дапрац. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 1245 с.
3. Арфаэпічны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі [і інш.] ; В. П. Русак, Ю. С. Гецэвіч, С. І. Лысы. – Мінск : Беларус. навука, 2017. – 757 с.
4. *Жаўняровіч, П.* Даведнік па літаратурнай праўцы : арфаграфічны, пунктуацыйны, лексічны, граматычны, сінтаксічны, тэхнічны ўзроўні / П. Жаўняровіч ; пад. рэд. В. Іўчанкава. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2017. – 448 с.
5. Беларуская граматыка : у 2 ч. Ч. 1 : фаналогія, арфаэпія, марфалогія, словаўтварэнне, націск / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; рэд. М. В. Бірыла, П. П. Шуба. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 431 с.
6. Сучасная беларуская мова : вучэб. дапаможнік / Л. М. Грыгор’ева [і інш.] ; пад агул. рэд. Л. М. Грыгор’евай. – Мінск : Выш. шк., 2006. – 559 с.
7. Сучасная беларуская мова. Марфалогія : дапаможнік / З. І. Бадзевіч [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2018. – 323 с.
8. Кароткая граматыка беларускай мовы : у 2 ч. Ч. 1 : фаналогія, марфалогія, марфалогія / навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 351 с.
9. Слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы ; уклад. Н. П. Еўсіевіч [і інш.] ; навук. рэд. А. А. Лукашанец, В. П. Русак. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 916 с.

10. *Красней, В. П.* Беларуская мова : вучэб. дапаможнік для 6 класа ўстаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. і рус. мовамі навучання / В. П. Красней, Я. М. Лаўрэль, С. Р. Рачэўскі. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2015. – 320 с.
11. Дынаміка літаратурнай нормы сучаснай беларускай мовы / Н. П. Еўсіевіч [і інш.] ; навук. рэд. В. П. Русак ; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Філіял «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы». – Мінск : Беларус. навука, 2015. – 440 с.
12. Беларуская мова : марфалогія : вучэб.-мет. дапам. / Брэс. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2015. – 294 с.
13. *Хромчанка, А.* Сам сабе «граматыка» / А. Хромчанка // Журналістыка-2010: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 12-й Міжнар. навук.-практ. канф., 8–9 сн. 2010 г., Мінск / рэдкал. : С. В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2010. – С. 218–220.
14. *Бадзевіч, З. І.* Беларуская мова : вучэб. дапаможнік для 8 класа ўстаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. і рус. мовамі навучання / З. І. Бадзевіч, І. М. Саматыя. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2015. – 288 с.

ПРЫНЯТТЯ СКАРАЧЭННІ

АСБМ – Арфаэпічны слоўнік беларускай мовы

БГ – Беларуская граматыка

ГСН – Граматычны слоўнік назоўніка

КГБМ – Кароткая граматыка беларускай мовы

СБМ – Слоўнік беларускай мовы

ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы.

The article discusses the problem of variants of case endings of nouns in the Belarusian language. Identification of the codified version is based on the editor's analytical work, which is an important editorial competence for conducting motivated correction. The author of the article analyzes the variants of endings with reference to their codification by academic dictionaries and textbooks for institutions of higher and general secondary education.

Поступила в редакцию 29.12.20

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Челик Джабраил

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ, СТАТУС, НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются вопросы развития лексикографии как науки. Выделяются практическая и теоретическая направленности лексикографической науки. Автор указывает на связь периода развития лексикографии и репертуара ее функций, что находит свое выражение в появлении словарей того или иного типа. Для каждого этапа развития лексикографической науки характерен ведущий тип/типы словарей в зависимости от выполняемых ею функций.

Составление словарей имеет давнюю историю и традицию, но теоретическая лексикография как наука оформилась сравнительно недавно. В Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой предлагается следующая дефиниция лексикографии: «Лексикография – раздел языкознания, занимающийся практикой и теорией составления словарей» [1].

Первым русским теоретиком-лексикографом признан Л. В. Щерба, который в своей работе «Опыт общей лексикографии» предложил типологию словарей [2]. Исследователь также считал необходимым осветить проблемы природы, значения и употребления слова, построения словарной статьи в аспекте семантического, грамматического и стилистического анализа слова, а также другие вопросы. Отмечается тот факт, что Л. В. Щерба ставит решение лексикографических задач в прямую зависимость от задач лексикологических, семантических, грамматических исследований [3, с. 344].

Идеи Л. В. Щербы стали стимулом дальнейшей активной деятельности по составлению словарей, прежде всего, в советской и российской лексикографии. Данная работа велась преимущественно в следующих двух основных направлениях:

- а) создание словарей различных типов и назначений;
- б) выработка и формулирование теоретических основ лексикографии.

Ученый Б. Ю. Городецкий отмечал комплексный характер лексикографии как науки: «ее историко-филологический аспект проявляется в постоянном интересе к типологии словарей, ее гносеологический аспект обусловлен сущностью словарей как способа организации и представления знаний, накопленных обществом, ее семантико-лексический аспект связан с обобщением словарных дел в русле моделирования плана содержания языка» [4, с. 8–9].

И все же ведущей чертой лексикографии исследователь признавал ее прикладную направленность. Таким образом, выделяют два направления лексикографии: *теоретическую* и *практическую*.

Практическая лексикография понимается как создание словарей разных типов. По определению В. Н. Ярцевой, практическая лексикография (словарное дело) выполняет общественно важные функции, обеспечивая следующие аспекты:

- 1) обучение языку (как родному, так и неродному);
- 2) описание и нормализацию родного языка (обе функции обеспечиваются толковыми и другими словарями разных типов);
- 3) межъязыковое общение (двухязычные словари, разговорники и т.д.);
- 4) научное изучение лексики языка (этимологические, исторические словари, словари мертвых языков и т.д.) [1].

Теоретическая лексикография занимается вопросами, связанными с теорией лексикографии (научная классификация словарей; структура словарной статьи и словаря в целом; элементы словаря; планирование и организация словарной работы; история лексикографии и т.д.). В Лингвистическом энциклопедическом словаре отмечены следующие проблемы теоретической лексикографии:

- 1) разработка общей типологии словарей и словарей новых типов;
- 2) разработка макроструктуры словаря (отбор лексики, принцип расположения слов и словарных статей, выделение омонимов, включение в корпус словаря и в приложения несобственно лексикографических материалов: грамматических статей, иллюстраций и т.д.);
- 3) разработка микроструктуры словаря, т.е. отдельной словарной статьи (грамматический и фонетический комментарий к слову, выделение и классификация значений, типы словарных определений, система помет, типы языковых иллюстраций и т.д.) [1].

Для современной теории лексикографии, как отмечает В. Н. Ярцева в словарной статье, посвященной данному разделу языкознания, характерны следующие черты:

- а) представление о лексике как о системе, стремление отразить в строевании словаря лексико-семантическую структуру языка в целом и семантическую структуру отдельного слова (выделение значений слов по их связям с другими словами в тексте и внутри семантических полей);
- б) диалектический взгляд на значение слова, учет подвижного характера связи означающего и означаемого в словесном знаке (стремление отмечать оттенки и переходы в значениях слов, их употребления в речи, различные промежуточные явления);
- в) признание тесной связи лексики с грамматикой и другими сторонами языка [1].

Являясь частью науки о языке, лексикография оказывается тесным образом связана с другими лингвистическими дисциплинами, например, лексикологией, семантикой, стилистикой, этимологией, фонологией и т.п. С этими дисциплинами лексикография имеет общую проблематику. В ряде случаев она использует результаты их исследований. Благодаря такому

тесному взаимодействию появляются многочисленные словари, описывающие слова с определенных лингвистических сторон (грамматические, морфемные, словообразовательные и иные типы словарей).

В. В. Морковкин придерживается мнения о том, что «любая лексикографическая деятельность осуществляется на фоне огромной совокупности уже созданных словарей, т.е. на фоне исключительно богатой, многообразной, часто противоречивой лексикографической традиции» [5, с. 39].

В каждой стране развитие лексикографии отличается своей национальной спецификой. Тем не менее исследователи отмечают и наличие общих закономерностей, что позволяет выделить некоторые общие этапы становления лексикографии как науки. Так, например, В. Г. Гак в статье «О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте)» представил следующую периодизацию развития лексикографии в Европе.

Периодизация развития лексикографии в Европе

Период	Основные типы лексикографических изданий	Функции словарей
I. Дословарный период (до XV в.)	глоссарии; вокабулярии; ономастиконы и т. д.	<ul style="list-style-type: none"> • объяснение малопонятных слов
II. Ранний словарный период (XV–XVII вв.)	лексиконы; азбуковники; двуязычные словари	<ul style="list-style-type: none"> • объяснение; малопонятных слов; • учебная
III. Период развитой лексикографии (с XVIII в.)	словари разных типов, в особенности толковые	<ul style="list-style-type: none"> • учебная; • нормализаторская; • описательная; • научная

По мнению В. Н. Ярцевой, в период XVIII–XIX вв. утверждается, а в XX в. развивается новая функция лексикографии, которая заключается в сборе и обработке данных для лингвистических исследований в области лексикологии, словообразования, стилистики, истории языка (словари этимологические, исторические, частотные, обратные, родственных языков, языка писателей и т.д.) [1].

Как свидетельствуют данные приведенной таблицы, для каждого периода характерны свои ведущие функции лексикографии, связанные с появлением словарей определенного типа. Так, на первом этапе развития лексикографии словари выступали, прежде всего, пособием для изучения иностранного языка, для чего использовались глоссарии (толкование глосс – непонятных слов и выражений, обычно из древних рукописей), вокабулярии (сборник вокабул – иностранных слов с переводом на родной язык), ономастиконы (словари имен собственных), приточники (сборники слов с символическим смыслом), произвольники (толкование непонятных слов из книжной речи) и другие справочные издания [6].

В последующем лексикография начала реализовывать более сложные функции. Это функции, связанные с осуществлением межъязыковой коммуникации, обучением языку, описанием и нормализацией родного языка, научным изучением языка, а также культурные функции. Эти широкие возможности появились у лексикографии благодаря возникновению новых типов словарей.

Отличительной чертой современного этапа развития лексикографии является появление и развитие компьютерной лексикографии. Она представляет собой научное направление, занимающееся изучением и созданием средств для разработки и использования компьютерных словарей (т.е. словарей, создаваемых и хранимых на базе компьютера). Такие словари способны включать около миллиона словарных статей, обобщающих стомиллионные объемы словарных фактов, а также постоянно обновлять состав предъявляемой лексики и при необходимости изменять значение слова в режиме онлайн.

Одной из важнейших задач теоретической лексикографии является создание точной и исчерпывающей типологии словарей. Как отмечают исследователи, решение данной задачи «позволит не только осмыслить уже осуществленное, но и прогнозировать создание новых типов словарей, определить характер лексикографических проектов, стимулировать усилия лексикографов в разных направлениях» [7, с. 38].

В настоящее время теория лексикографии располагает достаточно большим количеством классификаций и типологий словарей. Наличие такого большого количества словарных классификаций свидетельствует о том, что вопрос о типах словарей далеко не однозначен и существуют разные подходы к его решению [8].

В научной литературе представлены как общие классификации, так и частные, систематизирующие лексикографические источники в пределах одного типа словарей.

Так, А. М. Цывин предлагает классифицировать словари по элементарным признакам, которые затем трансформируются в восемь классификационных схем.

1. Соотношение правой и левой сторон словаря. Все словари по данному признаку делятся на *односторонние* (т.е. те, которые имеют только левую часть, например, орфографические) и *двусторонние*. Двусторонние, т.е. имеющие левую и правую часть, делятся, на переводные и непереводные. Двусторонние непереводные словари либо объясняют значение слова (толковые словари), либо поясняют его функцию (частотные, стилистические, словари трудностей), причем левая и правая части выполнены на одном языке.

2. Способ расположения заглавного словарного блока. По этому признаку все словари делятся на алфавитные и неалфавитные. Алфавитные словари подразделяются на строго алфавитные (прямые и обратные) и гнездовые. Неалфавитные словари бывают тематическими (слова располагаются

по понятийным группам, обозначающим определенные фрагменты лингвистической картины мира) и статистическими (слова расположены по убыванию или возрастанию в соответствии с частотностью).

3. Состав заглавного словарного блока. Исходя из этого признака, выделяются лексиконы (в левой части словаря представлены слова или части слов) и фразарии (в левой части словаря расположены словосочетания или предложения). Лексиконы, в свою очередь, делятся на глоссарии (заглавный словарный блок равен слову) и морфемарии (заглавный словарный блок равен морфеме) [10, л. 21].

4. Характер отбора заглавного словарного блока (левой части словаря). По данному признаку выделяются тезаурусы и атезаурусы. В тезаурусах представлена вся лексика конкретного объекта без всякого отбора. В общих тезаурусах регистрируются все слова данного языка, а в отраслевых – слова определенной системы, диалекта, конкретной науки или отрасли производства. Атезаурусы основываются на определенной системе последовательного отбора.

5. Объект отображения. Исходя из данного классифицирующего признака, выделяют общие и частные словари. В группу общих входят словари национального языка и словари литературного языка. Частные словари подразделяются на словари книжного языка и словари не книжного языка (словари языка газет, словари языка конкретного писателя, конкретного произведения и т.д.).

6. Отражение исторических процессов. На этом основании выделяют синхронные и диахронные словари. Диахронные в свою очередь делятся на перспективные, в которых отмечаются новые слова и значения, и ретроспективные, представленные этимологическими и историческими.

7. Цель и назначение словаря. В этой типологии выделяют учебные словари и словари-справочники. Учебные словари, одно- и двуязычные, предназначены для лиц, изучающих язык. Словари-справочники используются для получения различного рода справок о словах, значениях и употреблении.

8. Характер имен в левой части словаря (имена собственные или нарицательные). На этом основании выделяют ономастиконы и аппелятивы. Ономастиконы подразделяются далее на антропонимические и неантропонимические (например, топонимические) словари [9].

Таким образом, современная лексикография представляет собой синтетическую область деятельности, которая занимается как прикладными, так и информационными, познавательными и методологическими вопросами. Перед лексикографией как научной дисциплиной, с одной стороны, стоят задачи создания конкретных словарей (разработка микро- и макроструктуры словарей), с другой – создание адекватной, универсальной типологии словарей, машинного (электронного) фонда словарей. Представление системного описания словарей отражает современные тенденции в лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая рос. энциклопедия, 2002. – 709 с.
2. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 266–311.
3. История русской лексикографии / под ред. Ф. П. Сороколетова. – СПб. : Наука, 2001. – 611 с.
4. Городецкий, Б. Ю. Проблемы и методы современной лексикографии / Б. Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 14. – С. 5–22.
5. Морковкин, В. В. О базовом лексикографическом знании / В. В. Морковкин // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному. – М., 1986. – С. 102–117.
6. Гак, В. Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) / В. Г. Гак // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М., 1977. – С. 11–27.
7. Козырев, В. А. Русская лексикография / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – М. : Дрофа, 2004. – 288 с.
8. Морковкин, В. В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» / В. В. Морковкин // Вопросы языкознания. – 1987. – № 6. – С. 33–42.
9. Цывин, А. М. К вопросу о классификации русских словарей / А. М. Цывин // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – С. 100–108.
10. Соколова, А. Г. Лексикографическая дефиниция как предмет лингвистического описания : дис ... канд. филол. наук / А. Г. Соколова. – Архангельск, 2011. – 296 л.

The article deals with the development of lexicography as a science. The author emphasizes the connection between the period of development of lexicography and the functions, which is reflected in the emergence of dictionaries of one type or another.

Поступила в редакцию 08.12.20

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И. В. Даниленко

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ МЕТАРОМАНЕ МИШЕЛЯ ТУРНЬЕ «ЛЕСНОЙ ЦАРЬ»

В данной статье рассматриваются многообразные отсылки к мифологическим, историческим, агиографическим, литературным текстам, составившим интертекстуальный контекст романа М. Турнье «Лесной царь». Такое объединение различных интертекстуальных срезов составляет основу текстуализации постмодернистского романа и одновременно служит формальным признаком его историчности. Среди основных форм интертекстуальности, затрагиваемых в статье, особое внимание уделяется заимствованиям и аллюзиям.

Текстовая природа современного знания предполагает наличие посредника (рассказчика истории – субъекта), что неизбежно приводит к субъективизации любой референциальной событийности, закрепленной в тексте. Следовательно, сама субъективность текста служит причиной неоднократных обращений к нему в будущем и, соответственно, каждое повторное использование текста будет восприниматься как *ренарративизация*. Этот термин весьма точно выражает нарочитое стремление постмодернизма к отрицанию всякой оригинальности, нашедшее отражение в практике повторного использования, переработки (*recyclage*) и переделки (*remake*), реализуемых с помощью таких художественных техник, как интертекстуальность, симулякр, метатекстуальность, интермедальность, что свидетельствует о проникновении «иноя» в структуру субъекта познания. Литература как часть современной ментальности конституирует и утверждает эти процессы, интерпретируя историческое прошлое в вероятностном, вариативном ключе, предлагая тем самым альтернативный, более открытый проект исторического прошлого. Постмодернистская историческая проза оказывается, таким образом, двойственной постольку, поскольку одновременно вписывается в исторические и литературные интертексты. Таким образом, историографический метароман не только историчен и метатекстуален, но и интертекстуален.

Интертекстуальная составляющая наилучшим образом передает идею децентрированного пространства человеческой истории и культуры, его ориентированность на текстовые источники и неизбежную включенность предшествующих текстов в последующие. Изучение интертекста – дело относительно недавней истории, имеющей уже свои традиции и наработки. Несмотря на то, что с того момента, когда Ю. Кристева дала первое определение интертекстуальности, прошло совсем немного времени, теория интертекстуальности обогатилась целым рядом интерпретаций и уточнений в работах многочисленных авторов (И. В. Арнольд, В. П. Москвин, Н. Пьеге-Гро, Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, G. Genette, A. C. Gignoux, T. Samoyault). При этом все они так или иначе подчеркивали, что интертекст

подразумевает «отношения соприсутствия двух и более текстов и, чаще всего, включения одного текста в другой» [1, р. 15]. Далее Ж. Женетт, уточняя способы заимствования таких текстов, указывает на то, что это могут быть как эксплицитные формы (цитаты, плагиат), так и имплицитные (аллюзии).

Текстовый характер современной культуры выступает следствием и одновременно условием интертекстуальности, понимаемой как процесс взаимопересечения текстов, их непрекращающийся диалог (М. Бахтин, Ю. Кристева), образующий ризоматическую сеть – *интертекст*. Одной из существенных характеристик дискурса постмодерна является плюрализм моделей и культурных кодов, участвующих в создании текстов. Для создания художественного мира своего романа «Лесной царь» (фр. *Le roi des Aulnes*, 1970) Мишель Турнье (Michel Tournier) задействует миф, философию, классику. Объединенные в рамках одного концептуального пространства, литература, история и миф служат для Турнье «многоэтажным зданием, в котором степень абстракции возрастает сообразно подъему на каждый новый этаж таким образом, что на последнем этаже сосредоточена метафизика, а на первом – детство» [2, р. 284]. А между первым и последним этажами располагается то, что можно отнести к формам индивидуального творческого поиска. Миф, пронизывая роман М. Турнье «Лесной царь» на всех уровнях, представляет собой своеобразный симулякр, заменяющий референциальную реальность. Текстовая природа «мифологических симулякров» создает благоприятные условия для их последующих интерпретаций, порождая все новые «интерпретации интерпретаций» с помощью самых разных культурных практик, ведущей из которых в условиях постмодернизма является интертекстуальность.

Нацизм и его сущность весьма оригинальным и неожиданным образом оказались отождествленными и осмысленными в творческом воображении М. Турнье с мифом о людоеде (l'ogre), отсылающем к аду (Orcus – бог смерти в римской мифологии). Так возникает роман «Лесной царь», связанный, без сомнения, интертекстуальными параллелями с гетевской балладой «Лесной царь» (нем. *Der Erlkönig*, 1782), положенной на музыку композитором-романтиком Ф. Шубертом. Баллада И. В. Гёте, название которой в неизменном виде заимствует Турнье, повествует о загадочной смерти ребенка, поведавшего отцу во время их поездки на лошади через лес о том, что его преследует лесной царь, мифическое существо, являющееся человеку, согласно древним германским преданиям, незадолго до смерти. Саму балладу о людоеде Турнье трансформирует до неузнаваемости, заимствуя ее событийную составляющую в недавней истории Второй мировой войны с ее концентрационными лагерями и школами гитлерюгенда, «похищавшими» и «пожиравшими» детей не по одному, а миллионами.

Помимо мифа о людоеде, в «Лесном царе» прослеживаются современные версии других антропогонических и библейских мифов. Особую роль играют мифы библейские, поскольку само имя главного героя Авель Тиффож обладает ярко выраженной коннотацией: Авель – персонаж Ветхого Завета,

праведник, на которого «призрел Господь», невинная жертва братоубийства, первый праведник и мученик. Герою словно предначертано быть преследуемым со стороны современных Каинов, злобных и корыстных. В конце романа автор пишет о нем следующее: «Потомки Авеля будут гибнуть в огромных количествах в Освенциме от рук прошедших специальную подготовку дисциплинированных Каинов в сапогах и касках» [3, р. 297]. Нельзя не обратить внимание и на историческую коннотацию фамилии главного героя романа: Тиффожа – 1) название угодий и замка Жилия де Ре, аристократа, снискавшего дурную славу людоеда, еретика и послужившего прототипом для создания образа Синей Бороды во французских народных сказках; 2) Tief Auge – нем. глубокий (проницательный) глаз (взор).

Обладая столь антитетичными с точки зрения оснований мифологизации именем и фамилией, главный герой с самого начала выглядит облеченным какой-то странной миссией: жертва и палач, людоед, спасающий детей от боли и страданий. Турнье пристально следит за каждым шагом своего героя: читатель узнает о его детстве, лишенном нежности, об издевательствах, которые ему приходилось терпеть в колледже, и о странной дружбе с одиозным одноклассником Нестором¹, увидевшим в Авеле избранное существо. История дружбы Нестора и Авеля является аллюзией на еще один антропогонический миф – миф о близнецах. Однако в данном случае речь идет не о генетическом родстве и сходстве молодых людей, а об их взаимодополняющем единстве по принципу: сильный – слабый, лидер – ведомый, интеллект – чувство и т.д. Колоритная фигура великана Нестора, спасшего Авеля от физических и моральных страданий в колледже, вызывает ассоциацию с личностью Святого Христофора (перенесшего мальчика-Христа через бурные воды), именем которого был назван колледж. Общение с Нестором становится началом своеобразной инициации Авеля, которая будет продолжена с началом войны, пленом и ощущением утраты исторического времени в охотничьих угодьях Геринга, затерянных среди диких лесов Померании.

Ключевым апокрифическим текстом, осмысляемым автором в романе «Лесной царь», является легенда о Святом Христофоре из книги житий «Золотая легенда» (лат. *Legenda Aurea*, 1260) Я. Ворагинского, одним из самых противоречиво трактуемых в христианстве святых. Агиография и иконография рассматривают образ Святого Христофора в виде киноцефала Репрева (возможно – праведника с обезображенным лицом). Более поздние сказания гласят о том, что святой мученик был гигантского роста и происходил из

¹ Имя и личность Нестора отражают несомненную аллюзию на несторианство – еретическую христианскую доктрину, отвергающую божественную природу Христа. Основатель этой доктрины Несторий (~381–451) утверждал, что Иисус Христос имеет не одно Лицо (Ипостась), как учит Святая Церковь, а два разных лица – одно Божеское, а другое человеческое. Существует также известная разница в таинствах христианства и несторианства, на что Турнье намекает в сценах «Тайной вечери» Нестора перед смертью и «Седера» накануне бегства Эфраима и Тиффожа из замка Кальтенборн.

племени собакоголовых людей (встречается даже упоминание: собакоголовый людоед). Желая стать праведным, он переносил через реку людей до тех пор, пока к нему с такой же просьбой не обратился некий мальчик. На середине реки малыш стал настолько тяжел, что великан едва не утонул вместе с ним. Мальчик объяснил, что он Христос и несет все грехи мира, поэтому он такой тяжелый. Так великан по имени Репрев становится праведником, а затем и мучеником, именуемым Святым Христофором. Вероятно, традиция, представляющая Святого Христофора в образе киноцефала, имеет древние хтонические корни, питавшие впоследствии зооморфизм древних религий, мифов и преданий.

Авель Тиффож еще в детстве с удивлением обнаруживает в себе особенности, не свойственные цивилизованным людям, – пристрастие к сырому мясу, крови, грубой пище, которые затем усугубляются его неумеренным аппетитом и потреблением огромного количества еды, что превращает его в двадцатикилограммового великана. Подобно Репреву, который до встречи с Иисусом служил Дьяволу, Тиффож служил нацистам до того момента, пока случайно не подобрал у дороги умирающего еврейского мальчика Эфраима, благодаря которому он обретает реальное, а не символическое видение происходящего. Именно малыш со своей детской простотой раскрывает для него действительный, а не символический смысл несказанных богатств нацистской «Канады»¹, а также бесчеловечной охоты, организованной Третьим рейхом. Пытаясь в финале романа спасти ребенка от предстоящей бойни, слепой и ведомый Эфраимом, Авель устремляется в перелесок, поросший черной болотной ольхой. Ощувив под ногами топь, «Тиффож захотел остановиться, повернуть обратно к дороге, но повелевающая им сила властно толкала его продолжать путь. И по мере того как он все глубже увязал в хлюпающей болотной жиже, ребенок на его плечах – такой худенький, почти прозрачный! – тяжким, свинцовым грузом придавливал его к земле» [3, р. 328]. Таким образом, в финале романа переплетаются апокрифическая легенда о Святом Христофоре и поэма Гёте о Лесном царе. Метафизически переосмысляя духовные поиски современного Святого Христофора – Авеля Тиффожа, автор использует общие для обоих протагонистов ключевые темы: тему фории (*phorie* гр. ‘несение’ – выполнение предназначения, *Christophoros* ‘несущий Христа’), тему ребенка (объекта желания и искупительной жертвенной любви), тему инверсии (благодетельной инверсии, прежде всего, цель которой «преодолеть последствия произведенной прежде злокозненной инверсии, то есть вернуться к истинным ценностям» [3, р. 101] и др.

Метафорический людоед (похититель детей, Лесной царь) Авель Тиффож, жертвуя собой ради спасения еврейского ребенка, спасает Христа в своей душе. И соответственно, спасенный Авелем (мучеником) малыш Эфраим спасает Тиффожа (людоеда). Один еврейский ребенок, случайно встреченный Тиффожем, символизирует страдания всех детей, уничтоженных Верховным людоедом,

¹ Канада в представлении Тиффожа была краем безграничной свободы, неисчерпаемых природных богатств, местом, где нет социальных уродств, где царит гармония.

которому служил людоед из Кальтенборна. Поэтому нет ничего странного в том, что эти грехи свинцовым грузом придавили плечи главного героя. В финале романа вспоминаются странные размышления Тиффожа о возможном смысле его предназначения, где он сравнивает себя с мифическими «детоносцами»: «поскольку великая идея несения, фории, присутствует в самом имени Христофора, великана Христоносца, ее же иллюстрирует легенда об Альбукерке, ее же в современном варианте воплощают автомобили, ремонту которых я, хотя и не без внутреннего протеста, себя посвятил ...» [3, р. 110], «хватило бы уже одной таблички на цоколе: Herakles Pedephor. Она изображала Геракла вместе с сидящим на его согнутой левой руке малолетним сыном Телефом. Педефор означает попросту Детоносец. Геракл Детоносец ...» [3, р. 113], «чем больше я думаю об этом мифологическом герое (Атланте), уранофоре, астрофоре, тем больше укрепляюсь в мысли, что он и есть тот идеал, к которому мне должно стремиться, дабы исполнить свое жизненное предназначение. Бог даст, мне доведется взвалить на плечи некую драгоценную, священную ношу. Это и будет наивысшим моим триумфом, когда я пойду по земле, обременив свой затылок еще более яркой, сияющей звездой, чем та, что указала путь волхвам...» [3, р.108].

Астрофория Авеля Тиффожа становится апофеозом романа: «когда Тиффож поднял голову в последний раз, он увидел над головой только золотую шестиконечную звезду, которая медленно вращалась под черным куполом неба» [3, р. 390]. Спасая Эфраима, Авель медленно увязает в торфяниках, поросших ольхой. Бремя грехов европейского нацизма оказывается непосильным для современного великана, он погибает, неся на себе драгоценную ношу. Смерть Авеля Тиффожа, считавшего, что вся жизнь его окружена символами и тайными знаками, также воспринимается как событие, исполненное особого смысла. Оно ассоциируется с погружением в вечность, с цикличностью, воспроизводящей мифы и легенды, подобные древнегерманской легенде о лесном царе, в подтверждение которой «время от времени находят *болотных людей*¹ в Дании и северной Германии» [3, с. 238]. «Очередной посланец из тьмы веков», найденный в местных торфяниках, оказался странным образом похож на Тиффожа, а лицо этого человека (занесенного в археологические анналы под именем «Лесного царя») было «натуго перетянута глазной повязкой с прикрепленной посередине металлической шестиконечной звездой» [3, р. 238]. Неподалеку от этого *болотного человека* был найден еще один с «грустным личиком каторжника» [3, р. 242], предвосхитивший судьбу Эфраима. История практически каждого из героев романа как будто удваивается по принципу *mise en abyme*, вызывая у читателя ощущение повторяемости жизненных циклов, окончание которых неизбежно приводит к началу божественной космогонии.

¹ Болотные люди — полностью или частично сохранившиеся человеческие останки, обнаруженные в торфяных болотах на севере Европы преимущественно в Дании, Германии, Нидерландах, Великобритании, Ирландии и Швеции. В отличие от других древних останков, у болотных тел сохранились кожные покровы и внутренние органы, по которым можно судить о том, как они выглядели.

Помимо многочисленных очевидных библейских, агиографических и литературных заимствований и аллюзий, послуживших основанием для палимпсестовой ренарративизации, текст романа М. Турнье «Лесной царь» содержит целый ряд референтов, которые, будучи повторно использованы М. Турнье в романе «Жиль и Жанна» (*Gilles et Jeanne*, 1983), придают дополнительный смысл образам и событиям из «Лесного царя», образуя так называемый авторский интертекст (*автоинтертекст* – термин Н. А. Фатеевой [4, с. 91]). Речь идет, прежде всего, о главном герое романа «Лесной царь» Авеле Тиффоже, некоторые существенные характеристики которого были заимствованы у Ж. де Монморанси-Лаваль (1404–1440), известного как Жиль де Ре, маршала Франции и сподвижника Жанны д'Арк. Он был восхищен ее прямодушием, чистотой, искренней верой в свою божественную миссию. Ее гибель вызвала глубокую депрессию и деградацию личности Жиля де Ре. Удалившись от мира и королевского двора и уединившись в своем замке Тиффож¹, он увлекся колдовством, алхимией и сатанизмом. Впоследствии был обвинен в многочисленных убийствах детей, ереси и казнен. Жиль де Ре из-за своей дурной славы стал прообразом герцога Синей Бороды в сказке Шарля Перро. С Синей Бородой читатель сталкивается и в «Лесном царе»².

В обоих романах М. Турнье размышляет над тем, как благородный человек может превратиться в чудовище, герой – в антигероя. По мнению автора, преступления Жиля де Ре могли иметь место только потому, что Жанну предали и по навету сожгли на костре, а злодеяния Тиффожа – по причине чрезмерного увлечения символической сутью событий и нежеланием обращать внимание на реальное положение дел вокруг. Так общественные преступления становятся причиной личных трагедий, рождая монстров, подобных Жилью де Ре или Авелю Тиффожу. Идея отсутствия четкого разграничения между лицом и изнанкой, добром и злом, равно как идея взаимодополняемости прекрасного и уродливого, бога и дьявола по принципу тезиса и антитезиса, лежат в основе концепции обоих романов. Мишелю Турнье абсолютно чужда однозначная и привычная трактовка этих категорий. В романе они то вступают в своеобразный диалог, то вовлекаются в игру, то переосмысливаются под воздействием эффекта кривого зеркала и инверсии.

В обоих романах М. Турнье переосмысляет и трансформирует историю, придавая ей новые смыслы. Так, по мере развития романного действия автор переключает историческое повествование в регистр универсальных обобщений мифа. Кардинальная для Турнье экзистенциальная проблема судьбы человека многовариантно воплощена и в «Лесном царе», и в романе «Жиль и Жанна». Между тем типы заимствований, использованных в двух обозначенных романах, разные, и вплетены они в структуру романов разными способами и в разной степени: в «Лесном царе» мифологическая составляющая представлена литературными и апокрифическими заимствованиями и аллюзиями, в «Жиле и Жанне» – культурологическими и агиографическими.

¹ Тиффож – фамилия главного героя романа «Лесной царь»

² Лошадь Авеля Тиффожа имела кличку Синяя Борода

Историографический метароман Турнье «Лесной царь» обращает на себя внимание тематической оригинальностью, композиционным своеобразием, серьезным, а отчасти и пародийным использованием мифологии и архетипических образов, напоминающим семантические игры. Не случайно Ж. Женетт, иллюстрируя нарратологические транстекстуальные модели, обратил внимание на интертекстуальность, интерпретационную многоуровневость, палимпсестовость романов М. Турнье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Genette, G. Palimpsestes : la littérature au second degré / G. Genette. – Paris : Le Seuil, 1982. – 468 p.*
2. *Tournier, M. Le vent Paraquet / M. Tournier. – Paris : Gallimard, 1977. – 256 p.*
3. *Tournier, M. Le roi des aulnes / M. Tournier. – Paris : Gallimard, 1970. – 395 p.*
4. *Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М. : Агар, 2000. – 280 с.*

This article focuses on mythological, historical, hagiographic, literary references that make up the intertextual context of Michel Tournier's novel *The Erl-King*. This combination of various intertextual strategies writing from the basis of a postmodern novel and serves as a formal sign of its historicity. Among the main forms of intertextuality, discussed in the article, special attention is paid to borrowings and allusions.

Поступила в редакцию 27.01.2021

І. Б. Лапцёнак

ФУНКЦЫЯНАЛЬНАЯ АДМЕТНАСЦЬ МАСТАЦКАГА ПЕРАКЛАДУ ЯК З’ЯВЫ НАЦЫЯНАЛЬнай ЛІТАРАТУРЫ Ў «ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАЕ ЛІТАРАТУРЫ» МАКСІМА ГАРЭЦКАГА

Статья посвящена рассмотрению издания «Гісторыя беларускае літаратуры» М. Горечкого в контексте выявления исследовательской позиции ее автора как переводчика. Путем анализа рецепции произведения национальной и зарубежной литератур установлено, что художественный перевод в исследовании представлен как явление национальной литературы, важное средство взаимовлияния и взаимообогащения литератур, которое нашло отражение в освоении и интерпретации содержания, сюжетных особенностей произведений, в развитии литературных жанров. В рассмотрении М. Горечким переводных произведений проявились черты компаративистского подхода.

На сучасным этапе даследаванні па гісторыі беларускай літаратуры ўвасоблены ў значнай колькасці манаграфій, падручнікаў, вучэбных дапаможнікаў. Большасць з іх прысвечаны вывучэнню пэўнай эпохі або перыяду – «Гісторыя беларускай літаратуры: старажытны перыяд» (1988) пад агульнай рэдакцыяй М. Лазарука і А. Семяновіча, «Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў» (2006–2007) пад навуковай рэдакцыяй

В. Чамярыцкага, «Гісторыя беларускай літаратуры 30–40-х гг. XIX ст.» (2001) М. Хаўстовіча, «Гісторыя беларускай літаратуры другой паловы XIX стагоддзя: асобы і творчыя лёсы» (2018) І. Запрудскага, «Гісторыя беларускай літаратуры: дакастрычніцкі перыяд» (1989) А. Лойкі, «Гісторыя беларускай літаратуры (пачатак XX стагоддзя)» (2002) А. Астраух, «Гісторыя беларускай літаратуры XX ст. (20–50 гады)» (2000) пад агульнай рэдакцыяй М. Лазарука і А. Семяновіча, «Беларуская літаратура і свет: ад эпохі рамантызму да нашых дзён» (2006) П. Васючэнкі, Л. Баршчэўскага, М. Тычыны, «Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя» (1999–2014; аўтарскі калектыў Інстытута літаратуразнаўства імя Я. Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі) і інш.

Ля вытокаў шырокай літаратуразнаўчай практыкі, якая рэалізуецца з другой паловы XX стагоддзя да нашага часу, знаходзіцца даследаванне, што ўбачыла свет 100 гадоў назад, – «Гісторыя беларускае літаратуры» М. Гарэцкага, першая ў Беларусі праца, якая заклала падмурак беларускага літаратуразнаўства і на сістэмнай аснове адлюстравала развіццё літаратурнага працэсу ад зараджэння да сучаснасці. На працягу 1920–1926 гг. кніга выйшла ў некалькіх выданнях у Вільні (першае–трэцяе), Маскве–Ленінградзе (трэцяе), Мінску (чацвёртае), што сведчыць «аб яе вялікай запатрабаванасці, аб высокай грамадскай ацэнцы гэтай працы і фундаментальнасці гісторыка-тэарэтычных падыходаў і высноў аўтара» [1, с. 119].

Аналіз «Гісторыі беларускае літаратуры», праведзены сучаснымі даследчыкамі, паказаў значнасць яго ролі ў распрацоўцы метадалогіі беларускага літаратуразнаўства, дзякуючы прымяненню якой ён змог «навукова і гістарычна аб’ектыўна выкласці этапы беларускага літаратурнага працэсу ад старажытнасці да пачатку XX ст.» [1, с. 122], засведчыў «канцэптуальныя маштабы мыслення вучонага» [2, с. 33]. Акрамя таго, «Гісторыя беларускае літаратуры» «была не толькі першай, змястоўна багатай старонкай беларускага літаратуразнаўства, але і на працягу многіх гадоў з’яўлялася адзіным падручнікам для школ і навучальных устаноў Беларусі» [3, с. 333].

Дадзенае выданне раскрыла адметныя грані таленту М. Гарэцкага, найярчэйшай постаці ў гісторыі беларускай культуры, прычым не толькі як даследчыка нацыянальнай літаратуры, але і перакладазнаўца.

Сёння нам больш вядома яго перакладчыцкая дзейнасць, разнастайная паводле тэматыкі, храналагічных межаў і жанравай спецыфікі. М. Гарэцкі адзін з першых падключыўся да мастацкага перакладу прозы, якую пазней пачалі ўзнаўляць прадстаўнікі прафесійнага перакладу. У 20-я гг. XX ст. ім былі перакладзены папулярныя ў грамадстве творы, што з’яўляліся, па сутнасці, культавымі творамі-бестселерамі часу, – «Камісары» і «Тыдзень» Ю. Лібядзінскага, «Разгром» А. Фадзеева, «Канавалаў», «Чалкаш» і «Зброднік» М. Горкага. У 1918–1919 гг. з мэтай папулярызацыі культуры роднага краю, пашырэння чытацкага адраса нацыянальнай літаратуры пісьменнік узнавіў на рускай мове шэраг сваіх апавяданняў, распачаўшы традыцыю аўтаперакладу ў Беларусі, – «Легенда о богатыре» («Асілак»), «Сука магната» («Панская сучка»), «Щемит сердце» («Знібее сэрца»), «За что?» («За што?»), «Монашенка» («Чарнічка»), працягам якой стала напісанне ў 1930-я гг.

аўтаперакладу рамана «Віленскія камунары» («Виленские воспоминания»). У 1928 г. М. Гарэцкі быў уключаны ў групу перакладчыкаў, створаную для падрыхтоўкі выдання беларускамоўнага Збору твораў У. І. Леніна ў 12 тамах, і займаўся перакладам трэцяга тома, у якім былі змешчаны артыкулы аб нацыянальным вызначэнні народа, жыцці вёскі і рэформах на зямлі. Наватарства М. Гарэцкага-перакладчыка ў значнай ступені выявілася ў пашырэнні жанрава-тэматычных межаў перакладу: стварэнне ўзораў прыгодніцкай літаратуры (аповесць А. Арсеньева «У нетрах Усурыйскага краю»), твораў для навучання (пераклад «Слова пра паход Ігара»), песеннага матэрыялу (рамансы на словы М. Кукальніка, А. Фета і А. Пляшчэева) і інш.

Узнаўленні мастацкіх твораў, выкананыя М. Гарэцкім, сведчаць аб шматфункцыянальнасці ролі перакладу ў яго творчай дзейнасці. У той жа час постаць М. Гарэцкага як перакладазнаўца застаецца маладаследаванай. Значныя перспектывы ў яе вывучэнні (з улікам сістэмнага падыходу аўтара да аналізу літаратурнага працэсу і наяўнасці вопыту літаратурна-творчай дзейнасці) адкрывае «Гісторыя беларускае літаратуры».

Зварот М. Гарэцкага да мастацкага перакладу пачынаецца з разгляду фальклорных вытокаў. Адзначаючы адметнасць казачных матываў, даследчык заўважае: «Ня мала казачных мотываў увайшло ў нашы летапісы-хронікі ў XVI–XVII вякох, а тож і раней і пазней, у нашы казкі маглі трапіць мотывы з перакладаных тады на нашу мову духоўных і свецкіх повесцяў з багатым казачным зместам» [4, с. 20]. Засваенне замежнага досведу было адзначана М. Гарэцкім і пры разглядзе народнай драмы (батлейкі): «Змест для батлечных інтэрмедыяў, якія развіваліся потым у самастойную комэдыю, комэдыянты бралі з хадзячых апавяданняў-жартаў, смяхотных гісторый (фацэціяў) міжнароднага пахаджэння з пераводам іх на наш народны грунт» [4, с. 40].

Асобным прадметам разгляду стала перакладная літаратура X–XI ст. Даследчык адзначыў, што яна падрыхтавала «грунт для развіцця самастойнага пісьменства», дала «гатовую кніжную мову і літаратурныя ўзоры» [4, с. 46].

Аналізуючы перадумовы ўзнікнення «залатога веку» старой беларускай літаратуры (XV–XVI ст.), М. Гарэцкі паказаў ролю мастацкага перакладу як адметнага элемента культурнага ўзаемадзеяння, што аказаў уплыў на фарміраванне нацыянальнай літаратуры. Ён адзначыў: «Культурныя заходня-эўропэйскія ўплывы ішлі да нас то цераз пана-фэўдала, што вучыўся ў вышэйшай заходня-эўропэйскай школе, то цераз купца, што ў сувязі з развіццём у краі гандлёвага капіталізму ездзіў у Нямеччыну па сваіх гандлёвых справах, то нават цераз таго шляхціца, што мог пабачыць Эўропу, паехаўшы ў падарож з сваім панам, пры двары якога служыў. Яны ішлі да нас то ў некаторых новых, шырэйшых поглядах на жыццё, то ў некаторых веравызначальных настроях, то ў некаторых новых перакладах на беларускую мову рэлігійных і свецкіх повесцяў, то ў чым іншым» [4, с. 53].

Характарызуючы адметнасць мастацкага твора, М. Гарэцкі імкнуўся да адлюстравання гісторыі яго функцыянавання, вызначэння магчымых крыніц узнаўлення. Напрыклад, падчас выяўлення своеасаблівасці беларускіх перакладаў рэлігійных і свецкіх твораў у XV–XVI ст. даследчык адзначыў,

што «Повесць аб жыцці Аляксея чалавека божага» была ўзята з лацінскай мовы і чэшскіх рукапісаў XIV–XV ст., «Повесць аб трох каралёх» змяшчала «многа цікаўных легендарных, космографічных і географічных ведамасцяў, узятых аўтарам з розных крыніц», «перакладзена з лацінскае мовы з рознымі зменамі і пераробкамі арыгіналу» [4, с. 61]. Праз «Сказаніе а Сівілле прарочыці» ён паказаў пашырэнне твора з сярэдніх вякоў да перакладу з чэшскай на беларускую мову, вызначыў шлях «Кнігі а Таудале рыцарі» з Ірландыі праз заходне-еўрапейскія сярэдневяковыя літаратуры да славянскіх народаў. М. Гарэцкі адзначыў, што аповесць «Александрыя» выканана на аснове розных арыгіналаў – «лацінскага, сэрбскага, польскага, славяна-рускага» [4, с. 63], і выказаў меркаванне, што ў выніку значнага пашырэння твор мог трапіць праз перадачу і інтэрпрэтацыю сюжэтаў у беларускую вусную народную творчасць.

Сярод твораў рыцарскай літаратуры М. Гарэцкі адзначыў пераклады такіх твораў, як «Повесть о славном рыцэрі Трычане» («перакладзеная з сэрбскае мовы і дашоўшая ў спіску XVI-га веку») і «Повесть о Баве», якая прыйшла «к нам ад сэрбаў, сэрбы ўзялі яго ад італійцаў, а італійцы ў сваёй пераробцы карысталіся французскімі і ангельскімі крыніцамі» [4, с. 64–65].

Даследчык звярнуў асаблівую ўвагу на тое, што з XVI стагоддзя пачалі перакладаць «на нашу мову сваю набажэнскую літаратуру і жыўшыя ў Вял. Кн. Літоўскім татары-магомэтане, пішучы яе, аднак, арабскімі літарамі» [4, с. 62]. У якасці прыкладу пісьменнік прыводзіць «Ай Кітаб». М. Гарэцкі лічыў гэтае выданне асабліва каштоўным, бо, на яго думку, «арабскі альфавэт лепей перадаў асаблівасці нашае мовы, чымся кірыліца (асобныя значкі для гукаў дз, ць і інш.)» [4, с. 62].

Акрамя твораў мастацкай літаратуры, М. Гарэцкі зрабіў аналіз распаўсюджання перакладаў твораў іншых відаў літаратуры, сярод якіх варажбітныя кнігі («Загадкі цара Давыда», або «Лапатачнік»), кнігі алхімічнага і медыцынскага дыскурсу («Тайна тайных»), па астралогіі («Шастакрыл») і інш.

На думку М. Гарэцкага, пераклад як твораў мастацкай літаратуры, так і твораў іншых відаў літаратуры выконваў важную ролю ў развіцці беларускай культуры і літаратуры: «Уся гэтая літаратура выяўляе разумовыя патрэбы інтэлігенцыі таго часу і паказвае, на якім грунце магла развівацца наша самастойная літаратура таго часу» [4, с. 65].

Сярод разгляду персанальных аўтарскіх мадэляў значнае месца ў «Гісторыі беларускае літаратуры» прысвечана перакладчыцкай постаці Ф. Скарыны. Менавіта дзякуючы гэтаму выданню «спадчына Скарыны канчаткова ўвайшла ў школьныя ды ўніверсітэцкія курсы па гісторыі роднай літаратуры» [4, с. 10]. М. Гарэцкі адзначаў, што значэнне выдання кніг Святога Пісання, здзейсненага беларускім першадрукаром, заключалася найперш у яго адметнай сацыяльнай функцыі. Даследчык акрэсліў пазіцыю Ф. Скарыны, які разглядаў Біблію як асноўную крыніцу ведаў як у адукацыі, так і ў маральным выхаванні чалавека, а таксама яго адметную «філасофію», грамадзянскія і ідэалагічныя погляды.

У першую чаргу ён вылучаў асветніцкую ролю скарынавых перакладаў: «Маючы шырокі светагляд і высокую адукацыю, добра пазнаўшы заходня-эўропэйскае жыццё і набраўшыся новых ідэй, якія разліваліся цяпер у гэтым жыцці шырокімі хвалямі, Скарына наперш дае належнае значэнне асвеце» [4, с. 67]. На яго думку, іх значнасць выяўлялася ў «практычна-асветнай карысці» – павышэнне агульна-культурнага ўзроўню і індывідуальна-творчае развіццё асобы, незалежна ад яе ўзросту, матэрыяльнага дастатку, асаблівасцей станаўлення: «Вось для таго-та, кажа ён: “... для поспалітога добраго і размножэння мудрості, уменія, опатреності, разуму і науки прыложілі есм працу – выложілі кнігу сію на рускій язык”. Бо кнігі, на яго пагляд: “пожитэчны суть всякому человеку, мудрому і безумному, богатому і вбогому, младому і старому, наболей тым, оні же хотят іметі добрыя обычае і познаті мудрость і науку”» [4, с. 68]. Такім чынам М. Гарэцкі паказаў, што, згодна з меркаваннем Ф. Скарыны, біблейская мудрасць праяўляецца не толькі для абраных і дасведчаных, але і для ўсіх людзей.

Даследчык прывёў прыклады з перакладу Бібліі па кожнай з сямі «вызволёных» (адцягнёных) навук, вызначаных Ф. Скарынам (граматыка, логіка, рыторыка, музыка, арыфметыка, геаметрыя, астраномія). Сярод прыкладаў твораў, якія ўключалі пазнанні ў галіне прыродазнаўства, ён адзначыў прыпавесці Саламонавы «Размолвеніе о пріроженіи дров і былін, зверей, птіць, гадов і рыб». М. Гарэцкі звяртаў увагу, што асветнік імкнуўся даць у сваіх творах па магчымасці як мага больш пазнанняў з боку гісторыі і геаграфіі, вылучаў іх высокую вартасць. Ён згадваў, што ў кнізе «Юдзіф» Ф. Скарына дае кароткі нарыс «аб Асырыйскім, Мідыйскім і Пэрскім царстве», а «гаворачы аб Ханаанскім і Юдзейскім краі, змяшчае географічнае апісанне» [4, с. 68].

Аналіз падыходу М. Гарэцкага да выяўлення ў скарынавых перакладах звестак з такіх навук, якія, здавалася б, не маюць адносін на мастацкай палітры твораў, дазваляе вызначыць яго адметную даследчую пазіцыю. М. Гарэцкі імкнуўся паказаць універсальны характар кніг Ф. Скарыны і іх запатрабаванасць («гэтым самым, смешным цяпер для нас пералічэннем “навук”, ён вучыў сваіх цёмных чытачоў, якія тады і не маглі мець для наўчання сабе якіх іншых кніг» [4, с. 68]), а таксама падкрэсліваў, што ўсё тое, да чаго мае цікавасць чытач (найбольш распаўсюджаныя выданні), садзейнічае вызначэнню ўзроўню культуры народа, спрыяе развіццю нацыянальнай літаратуры.

Зварот да роднай мовы, на якую Ф. Скарына пераклаў біблейскія кнігі і якой ён тлумачыў свае асноўныя асветніцкія захады, М. Гарэцкі лічыў асабліва важным аспектам скарынавых узнаўленняў: «Усе пісьменныя людзі вучыліся тады зазвычай па рукапісным славянскім псалтыры, і Скарына друкуе Псалтыр у царкоўна-славянскай мове, выкідаючы з яе словы, якіх даўно няма ў жывой народнай мове, і ўводзячы народныя словы, асабліва ў тлумачэннях на палёх, аб чым піша гэтак: “Положілі есм на боцех некаторыя слова для людей простых рускім языком, што которое слово знаменуеть”» [4, с. 68]. М. Гарэцкі звярнуў увагу і на пэўныя навацыі з боку

формы ў творах Ф. Скарыны, вызначыў яго як пачынальніка беларускага вершавання, які «першы ў нас даў спробу пісаць вершам, у якім то перакладаў месца з Бібліі, то выкладаў свае ўласныя думкі» [4, с. 69]. Адзначыў ён і наяўнасць рыфм у яго творах і нават прывёў некаторыя прыклады: «славе–похвале», «светіті–чтіті» і інш.

Асабліва М. Гарэцкі падкрэсліваў міжнароднае значэнне дзейнасці Ф. Скарыны: «Праца яго мела, аднак, значэнне ня толькі для свайго краю: кнігі яго пашлі ў Маскоўшчыну, Галіцыю, к паўднёвым славянам, іх перадрукоўвалі і перапісвалі, а яго друкарскую тэхніку бралі сабе за ўзор ня толькі краёвыя пазнейшыя друкарні, але й загранічныя друкары XVI веку» [4, с. 69]. Абагульняючы сказанае пра Ф. Скарыну, даследчык адзначаў, што ўся яго дзейнасць як асветніка, першадрукара, перакладчыка і пісьменніка грунтавалася на патрыятызме, заснаваным на шанаванні традыцый і духоўных каштоўнасцей, на якіх ён быў узгадаваны, пачуцці адданасці роднаму краю: «У духу гуманістычных поглядаў Скарына вучыць людзей быць добрымі, шанаваць людзей, любіць свой родны край, прычым патрыятызм яго зьяўляецца як-бы дакорам фальшывама патрыятызму тагачасных магнатаў, любіўшых сваё гаспадарства толькі для сваіх асабістых карысцяй, а не клапаціўшых аб дабры народу і ня дбаўшых аб развіцці свае народнае культуры» [4, с. 69]. М. Гарэцкі падмацаваў сваю пазіцыю словамі Ф. Скарыны: «"Люді, ікгде зроділіся, – кажа Скарына, – к тому месту велікую ласку імають". Але – ня толькі самі сабе нарадзіліся на свет, а для "посполітого добраго", "понеже не только докторове, а люді вченые в ніх разумеюць, но всякій человек простый і посполітый чтучі іх ілі случаючі может поразуметі", перакладаў і друкаваў ён кнігі ў мове тых народных гушч, з якіх вышаў сам» [4, с. 69].

Падчас аналізу літаратуры беларускай рэфармацыі М. Гарэцкі закрануў перакладчыцкую дзейнасць асветнікаў і рэлігійных дзеячаў Беларусі. Значэнне перакладаў В. Цяпінскага ён бачыў найперш у развіцці культуры пісання на роднай мове, укараненні народнай асновы ў літаратурную мову. У якасці адметнай рысы перакладнога выдання даследчык звярнуў увагу на паралельна змешчаны царкоўна-славянскі тэкст і тэкст перакладу. Ён згадаў таксама перакладчыцкую дзейнасць Л. Карповіча, які перакладаў з грэчаскай мовы, і І. Палаўкі, які ўзнаўляў з грэчаскай і славенскай моў (у якасці прыкладу прыведзена «Гісторыя пра Варлаама і Іасафа»).

Для абазначэння характару творчай дзейнасці па ўзнаўленні твора іншай літаратуры на роднай мове М. Гарэцкі ўжываў у «Гісторыі беларускае літаратуры» як тэрмін «пераклад», так і «пераробка», у залежнасці ад тыпу ўзнаўлення. Апошні тэрмін ён прымяніў, у прыватнасці, пры аналізе паэмы «Энеіда навыварат»: «І наша і ўкраінская "Энеіда" зьяўляюцца вольнаю, у жартаўлівым духу, пераробкаю клясычнае поэмы рымскага паэты Вергілія... Пад відам віргіліеўскіх траянцаў Катлярэўскі апісаў украінскіх казакоў, аўтар-жа нашай "Энеіды навыварат" змяляваў быт заможных смаленскіх сялян. Ад паэмы Віргілія ў нашай "Энеідзе навыварат" застаўся толькі ў агульным выглядзе сюжэт ды некаторыя іменні і назвы, а ўсё іншае

мае наш нацыянальны характар» [4, с. 103]. М. Гарэцкі падкрэсліў, што твор меў гістарычнае значэнне, паколькі «распачаў літаратурнае адраджэнне, пайшоў у народ і пабуджаў думку аб творчасці ў сваім нацыянальным духу» [4, с. 105].

На прыкладзе перакладчыцкай творчасці Я. Чачота, які збіраў і запісваў беларускія народныя песні, а пасля падаваў іх у друк «асобнымі зборнікамі ў пераробках і перакладах на польскую мову» [4, с. 116], М. Гарэцкі паказаў папулярызатарскую функцыю мастацкага перакладу і разам з тым закрануў праблему неперакладальнасці: «...надта захапіўшыся характам народнае поэзіі і ўбачыўшы, што найлепшы пераклад не можа перадаць у поўнай меры іх арыгінальнага характа, а таксама і пад уплывам крытыкі, ён стаў друкаваць іх у запісаным выглядзе, без перакладу, а разам з тым пачаў пісаць і ўласныя вершы пабеларуску, пераймаючы народную творчасць» [4, с. 116].

Найбольшую ўвагу ў «Гісторыі беларускае літаратуры» М. Гарэцкі ўдзяліў перакладу паэмы «Пан Тадэвуш» А. Міцкевіча, зробленаму В. Дуніным-Марцінкевічам. Ён апісаў гісторыю стварэння і выдання перакладу, яго мэты і асноўныя матывы. Пісьменнік высока цаніў твор А. Міцкевіча, як і магчымасць знаёмства з ім на роднай мове: «Гэта была ці ня першая спроба нашых новых пісьменнікаў перайсці ад “простай” гутаркі на грунт чыста-літаратурны. І пераклад, як першы ў беларускай літаратуры (другі ёсць зроблены А. Ельскім) і напісаны ў часе нявысокага яе развіцця, можна лічыць ня дрэнным» [4, с. 129]. Звяртаючы ўвагу на наяўнасць у слоўніку перакладу паланізмаў, М. Гарэцкі, тым не менш, высока адзначыў адметнасць перакладу В. Дуніна-Марцінкевіча: «...перакладаючы “Пана Тадэвуша”, ён першы паказаў, што беларуская мова – мала таго, што не цяжкая, не такая няўломная, як прывыклі думаць у часе нашага заняпаду, але што яна – гладкая, гібкая, пывучая, лірычная, багатая на словы і звароты, каторых даволі ёсць, каб выказаць Адама Міцкевіча» [4, с. 130].

З перакладаў XIX – пач. XX ст. М. Гарэцкі згадаў пераклады, зробленыя А. Вярыгам-Дарэўскім («Конрад Валенрод» А. Міцкевіча), А. Абуховічам (творы У. Сыракомлі, М. Лермантава, А. Міцкевіча), М. Косіч (байкі І. Крылова), Ядвігіным Ш. (апавяданне расійскага пісьменніка У. Гаршына) і інш.

Такім чынам, на старонках выдання «Гісторыі беларускае літаратуры» мастацкі пераклад прадстаўлены як сродак узаемаўплыву і ўзаемадзеяння літаратур, уключэння дасягненняў іншых народаў у сваю нацыянальную культуру. У ім прадстаўлена функцыянальная адметнасць мастацкага перакладу як з’явы нацыянальнай літаратуры. У «Гісторыі беларускае літаратуры» знайшоў увасабленне разгляд як твораў нацыянальнай літаратуры на розных мовах, але і твораў замежнай літаратуры, узноўленых беларускімі пісьменнікамі. У аналізе перакладных твораў праявіліся рысы кампаратывісцкага даследавання. М. Гарэцкі яскрава паказаў уплыў перакладной літаратуры на развіццё нацыянальнай літаратуры, які выявіўся ў засваенні і інтэрпрэтацыі зместу літаратурных твораў, перайманні і развіцці на нацыянальнай глебе літаратурных жанраў, у фарміраванні і ўзбагачэнні літаратурнай мовы.

ЛІТАРАТУРА

1. *Мельнікава, З.* «Гісторыя беларускае літаратуры» М. Гарэцкага і станаўленне метадалогіі айчыннага літаратуразнаўства / З. Мельнікава // *Максім і Гаўрыла Гарэцкія. Жыццё і творчасць* (да 125-годдзя з дня нараджэння Максіма Гарэцкага) : матэрыялы XXV Гарэцкіх чытанняў, Мінск, 22 чэрвеня 2017 г. / Дзярж. музей гісторыі беларус. літ., Рэсп. фонд імя братаў Гарэцкіх, Цэнтр даследав. беларус. культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; рэдкал.: Р. Гарэцкі (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : РІВШ, 2017. – С. 118–125.
2. *Тарасава, Т.* «Гісторыя беларускае літаратуры» Максіма Гарэцкага як першая спроба станаўлення беларускага тэарэтычнага літаратуразнаўства / Т. Тарасава // *Максім і Гаўрыла Гарэцкія. Жыццё і творчасць* (да 125-годдзя з дня нараджэння Максіма Гарэцкага) : матэрыялы XXV Гарэцкіх чытанняў, Мінск, 22 чэрвеня 2017 г. / рэдкал. : Р. Гарэцкі (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : РІВШ, 2017. – С. 31–37.
3. *Мушынскі, М.* Падзвіжнік з Малой Багацькаўкі: жыццёвы і творчы шлях Максіма Гарэцкага / М. Мушынскі ; навук. рэд. А. М. Макарэвіч. – 2-е выд., выпр. і дап. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 543 с.
4. *Гарэцкі, М.* Гісторыя беларускае літаратуры / М. Гарэцкі. – Выд. 4-е, перароб. – Мінск : ДВБ, 1926.

The article is devoted to the discussion of the publication *History of Belarusian Literature* by Maksim Haretski, in the context of revealing the research position of its author as a translator. We have found out that literary translation in the work mentioned is presented as an important means of mutual influence and mutual enrichment of literatures, which was reflected in the development and interpretation of the content, plot peculiarities of works, as well as the development of literary genres.

Поступила в редакцию 12.01.2021

Е. А. Мелех

ОБРАЗ БЕРЛИНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ ФРИДРИХСХАГЕНСКОГО КРУГА

Статья посвящена анализу образа Берлина в лирике поэтов периода раннего модерна (Frühe Moderne) и поэтов Фридрихсхагенского круга. Выявляются общие и отличительные черты изображения Берлина в стихотворениях «Auf der Fahrt nach Berlin» Ю. Гарта, «Entzauberung» Б. Вилле, «Predigt an die Großstadt» Р. Демеля, «Berliner Abendbild» К. Хенкеля, «Ihr Dach stieß fast bis an die Sterne» А. Хольца. Для творчества поэтов Фридрихсхагенского круга характерен переход от восторженного изображения мегаполиса к более критичному его осмыслению, а также особый отдаленный взгляд, обусловленный их «побегом» из городской среды.

На рубеже XIX–XX веков, между двумя большими эпохами – реализмом и модернизмом – можно выделить деятельность Фридрихсхагенского круга поэтов. Представители немецкого натурализма в Берлине, также называемые «самыми молодыми», в конце 1880-х годов начали ощущать творческий кризис и «усталость от большого города» [1, S. 180]. Натуралистское восхищение мегаполисом сменяется чувством неудовлетворенности жизнью в перенаселенной среде, а единственным мыслимым выходом из сложившейся ситуации кажется смена окружения.

Именно «побег» главных теоретиков литературной оппозиции, какой считали себя в то время натуралисты – Бруно Вилле (Bruno Wille, 1860–1928) и Вильгельм Бёльше (Wilhelm Bölsche, 1861–1939), – в пригород Берлина, Фридрихсхаген на озере Мюгельзее, дал толчок образованию литературно-политического объединения Фридрихсхагенский круг поэтов (*Friedrichshagener Dichterkreis*) и превращению маленького городка в «гнездо» для писателей, политических деятелей, художников и берлинской богемы.

Берлин в конце XIX века представлял собой место, куда стекались люди со всей империи в поисках лучшей жизни; индустриальный центр с повсеместной нищетой и голодом; среду, в которой зародилось социальное «движение рабочих». Высокая концентрация людей в городе, а также прирост численности населения в целом стали причиной неблагоприятных условий жизни большинства горожан [2, S. 8]. В этой связи в культурной сфере нарастали негодование по поводу социального неравенства и в то же время стремление к идейному и формальному обновлению искусства. Художники слова ощущали необходимость соответствовать времени и быть современными писателями (*modern*).

Так, революционер в поэзии и один из самых ярких участников Фридрихсхагенского круга Арно Хольц (Arno Holz, 1863–1929) писал в своей «Книге времени» (1885): *Kein rückwärts schauender Prophet, / geblendet durch unfaßliche Idole, / modern sei der Poet, / modern vom Scheitel bis zur Sohle* ‘Нет оглядывающемуся назад пророку, / ослепленному непостижимыми идолами, / современным будь поэт, / современным от головы до пят’¹ [3, S. 187].

Современные поэты стали находить материал для новой поэзии, условно говоря, в темных заулках города, коммунальных квартирах, мелких лавках и кабаках. Такие темы, как алкоголизм, проституция, условия труда и жизни, не имеющие ранее места в литературе, перестали табуироваться и даже приобрели массовый характер. Возникает новое тематическое направление – лирика большого города (*Großstadtlyrik*), которое часто пересекается с социальной лирикой (*soziale Lyrik*) [4, S. 9]. Ввиду этого Берлин как место действия приобретает особую значимость, к его образу прибегают в своем творчестве многие поэты, такие как А. Хольц («Ein Bild», «Ein Andres», цикл «Berliner Schnitzel»), Ю. Гарт («Auf der Fahrt nach Berlin», «Berlin», «Nebeltag in Berlin»), К. Хенкель («Berliner Abendbild»), Б. Вилле («Entzauberung», «Straße») и др.

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Е. М.

В данной статье будут рассмотрены названные стихотворения с целью поиска типичных и отличительных черт в изображении Берлина поэтами Фридрихсхагенского круга в их раннем творчестве периода раннего модерна и после переезда во Фридрихсхаген.

Показательный и во многом типичный образ Берлина в лирике раннего модерна представлен в стихотворении Юлиуса Гарта (Julius Hart, 1859–1930) «Auf der Fahrt nach Berlin» («По пути в Берлин», 1882). В нем описывается решающая для многих натуралистов, в том числе и для большинства поэтов будущего Фридрихсхагенского круга, поездка в новую столицу империи, привлекавшую творческую молодежь из небольших городов и деревень своим «горизонтом возможностей» [5, S. 16]. Поэт с надеждой смотрит на предстоящую жизнь в большом городе, что выражается возгласами и восклицаниями: *Die Fenster auf! Dort drüben liegt Berlin!* ‘Откройте окна! Там впереди Берлин!’ [5, S. 250]. Подчеркивая свое происхождение из западной части Германии (*Von Westen kam ich...* [5, S. 249]), где все было спокойно и умиротворенно, поэт восторженно передает свои ощущения в реальном времени, находясь в поезде, направляющемся в «дикую жизнь».

В этом стихотворении имеет место эстетизация городского ландшафта. После прибытия на станцию мы видим картину города, на которой изображены дымящие и шипящие поезда, в огне «блестят» фабрики, стоят «узкогрудые дома, узкие и маленькие окна», город «сверкает» (*Es glänzt in allen Mienen!* [5, S. 250]), и нет страха и разочарования, связанных с бессилием перед социальной несправедливостью, которые появятся в более поздних произведениях молодых авторов. Единственное, что приводит в волнение лирического героя, это страх погрязнуть в человеческой массе, пропасть в поисках себя среди бурлящего потока (*Berlin! Berlin! die Menge drängt und wallt, / Wirst du versinken hier in dunklen Massen?* ‘Берлин! Берлин! толпа теснится и бурлит, / утонешь ли ты среди темных масс?’ [5, S. 250]). Четко очерчивается дихотомия жизни и смерти в городской среде: *Zusammen liegt hier Tod und Lebenslust* ‘Здесь рядом смерть и жажда жизни’ [5, S. 252]. В месте, где буйствует такой контраст, поэт задается насущным для молодых поэтов, прибывающих в Берлин, вопросом: *Welch eine Spur willst du in diesen Fluten lassen?* ‘Какой оставить хочешь след среди этих толп?’ [5, S. 250]. Оставляя его без ответа, Гарт намекает на необходимость борьбы за свое место среди людей в новой городской реальности, но делает это с надеждой на позитивный исход. Удалось ли молодым поэтам укорениться в столице, можно догадаться по лирике, которая создана уже после того, как они покинули город.

Начиная с 1890-х годов, после постепенного переезда «самых молодых» во Фридрихсхаген, поэты, видимо, изменили свое отношение к мегаполису, однако не перестали обращаться к образу Берлина. Культурная жизнь все еще бурлила вокруг него, а прямое транспортное сообщение не давало потерять связь с городом [6, S. 244]. Так появляется значительное количество стихотворений, посвященных непосредственно Берлину: фридрихсхагенцы,

отдалившись от суетной жизни в постоянном смоге, во всех смыслах надыхавшись свежим воздухом, начинают осмысливать былую городскую жизнь. У них словно открываются глаза и происходит «снятие чар», как это отчетливо видно в стихотворении Бруно Вилле «Entzauberung» («Разочарование», 1897).

Стихотворение начинается со слов: *Dort drüben liegt sie – riesenbreit erstreckt – / und vielgezackt zum Wolkengrau gereckt – / die steinern fahle Stadt* ‘Там, с той стороны лежит он – развернувшийся вширь – / и вытянувшийся множеством зубцов к серости облаков – / каменный бледный город’ [5, S. 287]. Такое изменение перспективы лирического героя, на наш взгляд, является особенностью лирики поэтов Фридрихсхагенского круга. Город теперь находится «там, на той стороне», поэт отдален от него и делится своими наблюдениями словно со стороны, а не находясь непосредственно в нем, как это было у Гарта.

В «Разочаровании» поэт рисует город не «сверкающим», а покрытым мглой, темным и грязным: *düstern, schmutzigrot, braun* (мрачный, грязный красный, коричневый). Неотъемлемым элементом городского ландшафта, присутствующим во многих произведениях направления, является образ фабрики (*Zwei qualmende Fabriken kauern / ‘Две дымящие фабрики съжились’* [5, S. 288]), из которой у Вилле после сигнала о завершении работы выкатывается «длинный поезд рабочих» (*Ein langer Zug von Arbeitsvolk* [5, S. 288]). Кульминацией произведения становится «волшебное действие» (*O Zaubertat!*), случайным свидетелем которого становится лирический герой: на серый, угрюмый город скатывается «огненный круг», освещая и покрывая его пурпурной дымкой. В таком свете ряды домов с окнами-глазами превращаются в «заколдованные замки» (*Verwunschene Schlösser*) и приобретают голос. Ожившие дома произносят трагичный монолог, речь в котором идет об их печали, связанной с ужасным предназначением мучить бедных людей: *Viele arme Menschen zu foltern, / Mit teuflischen Zangen, mit Dürsten und Fasten, / Mit knechtischen Ketten, unmenschlichen Lasten* ‘мучить многих бедных людей, / дьявольскими клешнями, жаждой и постом, / рабскими цепями, нечеловеческой ношей’ [5, S. 288]. Персонифицированные дома словно сожалеют о том, что стали орудием пытки жителей города, как показательно высказался Г. Цилле: «Квартирой можно убить человека так же легко, как и секирой» («Man kann mit einer Wohnung einen Menschen genausogut töten wie mit einer Axt») [5, S. 35].

Можно представить, что на самом деле голосом домов как его структурных элементов говорит сам город, который не видит этим вынужденным истязаниям людей конца и края: *Fluch und kein Ende!* ‘Проклятье и нет конца!’ [5, с. 289]. И только в вечерних пурпурных лучах солнца появляется надежда на иной исход: по словам домов, в городе должен появиться «сверкающий жених» или «сильный герой», который смог бы их спасти: *Den starken Helden – der kommen soll, / Aus gespenstischer Not, aus Nacht und Ketten / Auf ewig uns zum Licht zu retten* ‘Сильного героя, который должен

прийти, / от призрачной нужды, от ночи и цепей / спасти нас навечно навстречу свету» [5, S. 289]. В этом стихотворении ответственность за происходящее лежит на неизвестном другом. Возможно, именно поэтому с заходом солнца (образ, использованный знаменитым Г. Гауптманом) город снова погружается во тьму: *Im Stumpfheit lag die Stadt zurückgesunken: / Ein Schlackenhaufen, / Schwarz – und kalt – und tot* ‘Погрузился город снова в уныние: / куча отходов, / темно – и холодно – и мертво’ [5, с. 289]. Надежда на спасение умирает. Введение магического элемента в произведение нетипично для лирики натурализма и свидетельствует о переходном этапе лирики фридрихсхагенцев к искусству модерна с большим разнообразием художественных приемов.

Еще один яркий представитель Фридрихсхагенского круга поэтов Рихард Демель (Richard Dehmel, 1863–1920) в стихотворении «*Predigt an die Großstadt*» («Проповедь большому городу», 1901) рассматривает скорее не непосредственно город, а место человека в нем, соотношение человека и города. Поэт с тоской смотрит на «тучи людей» в городе, ведь, сливаясь с толпой, отдельный человек становится лишь малой частью большого: *Ja, die Großstadt macht klein* ‘Да, большой город делает тебя маленьким’ [5, S. 344]. Это также подтверждается через образ отца поэта, который ранее казался магом среди гигантов-деревьев в лесах, а среди горделивых стен становится лишь маленьким человеком (*Männchen*).

В то время как сам Р. Демель уже находится во Фридрихсхагене, он призывает и остальных людей (*ihr Tausende!*) выйти за стены и вернуться к природе, которая отождествляется здесь с деревьями: *Geht doch hinaus und seht die Bäume wachsen* ‘Выйдите же и посмотрите, как растут деревья!’ [5, S. 346]. Мы снова видим взгляд издалека и в случае Р. Демеля – взгляд сочувствия к городским жителям, которые слушают о желаемых равенстве и свободе лишь среди пивных испарений в кабаках (*dann aber krocht ihr in einen bezahlten Saal / und hörtet Worte durch Rauch und Bierdunst schallen / von Freiheit, Gleichheit und dergleichen* ‘однако потом вы ползете в оплаченные залы / и внимаете словам среди дыма и пивных испарений / о свободе, равенстве и тому подобном’ [5, с. 346]).

Берлин, как и во многих других стихотворениях лирики большого города, предстает огромным и дымным. Количество людей в нем достигает максимальной, на взгляд современников, плотности, такой, что сквозь людские массы едва видно солнце: *Ich sehe mit erstickter Sehnsucht / durch tausend Menschendünste zur Sonne auf* ‘Я смотрю с подавленной тоской / на солнце сквозь людскую мглу’ [5, с. 346].

Еще одним показательным произведением Фридрихсхагенского периода является стихотворение Карла Хенкеля (Karl Henckell, 1864–1929) «*Berliner Abendbild*» («Берлинский вечерний пейзаж», 1903), которое интересно тем, что в кулисах Берлина изображена не безликая толпа, а словно срез классового общества: *Kaufmann, Werkmann, Student, Soldat, / Bettler in Fetzen, Hure im Staat* ‘Купец, рабочий, студент, солдат, / нищий в лохмотьях,

блудница в нарядах' [5, S. 257]). Воссоздавая диалоги данных действующих лиц, К. Хенкель отображает незаинтересованность конкретных людей в судьбе ближнего, подчеркивая при этом отсутствие разницы между купцом и нищим. Поэт, однако, делает это без осуждения, а, наоборот, с веселым, задорным тоном: *Jahrmarkt des Lebens, so groß – so klein!* 'Рынок жизни, так велик – так мал!' [5, S. 257].

Основную проблему большого города, которая уже звучала у Р. Демеля, К. Хенкель постулирует еще в начале стихотворения: *Keine fragt, wer die and're sei, / Keine fragt dich nach Lust und Schmerz, / Keine horcht auf der andern Herz. / Keine sorgt, ob du krank und schwach, / Jede rennt dem Glücke nach* 'Никто не спрашивает, кто есть другой, / Никто не спрашивает о радости и боли, / Никто не слушает сердца другого. / Никого не волнует, болен ли ты или слаб, / Все бегут за счастьем' [5, S. 257]. Как видно, большая концентрация населения в городе, которая приводит к анонимизации людей как отдельных личностей, становится одним из основных мотивов лирики поэтов Фридрихсхагенского круга.

Обособленно от других поэтов стоит А. Хольц, который не прибегает непосредственно к изображению мегаполиса, а использует кулисы города как место, где разворачивается действие, и концентрируется на критике социального неравенства на городском фоне. В стихотворении «Ihr Dach stieß fast bis an die Sterne» («Их крыша почти достигла звезд», 1898) автор с первых строк выражает критику индустриальной промышленности и ее влияния на жизнь людей, вводя образ дома-казармы (*Mietskaserne*), чья крыша почти дотянулась до звезд и рядом с которым находится громохочущая фабрика – уже известный нам элемент берлинского ландшафта.

Следующей проблемой, волнующей А. Хольца, становится распространяемая в больших городах и на производствах антисанитария: в подвале фабрики гнездятся разносчики болезней – крысы (*Im Keller nistete die Ratte* [3, S. 226]). Не обходится без характерной для лирики натурализма проблемы алкоголизма: поэт упоминает стоящие в подвале всевозможные виды алкоголя (*parterre gabs Branntwein, Grog und Bier* [3, S. 226]). Описав обстановку, Хольц обращается к образу молодого поэта и концентрируется на вопросах поэтического таланта и вдохновения.

Можно сделать вывод, что быстро сменяющаяся действительность ввиду индустриализации и технического прогресса не осталась незамеченной в культурной сфере. Особенно остро восприняли социальные изменения художники слова, имеющие отношение к новой столице Германской империи – Берлину. Образ Берлина в творчестве поэтов периода раннего модерна представляется в позитивном ключе, что в первую очередь связано с надеждой на обновленную жизнь и новые возможности в большом городе. Однако не соответствующая ожиданиям молодых поэтов реальность вынуждает их вернуться к истокам. Переехав во Фридрихсхаген и образовав там литературный круг, поэты не перестают обращаться к образу Берлина, но душевный подъем и надежда на будущее в их творчестве сменяются критикой социального строя, обстановки и поведения человека.

Новым в поэзии Фридрихсхагенских поэтов является часто отдаленная перспектива. Такое дистанцирование дает возможность более пристально охватить всю картину и более критично ее показать. Сам Берлин в большинстве стихотворений изображается довольно типично: отмечается его величина как ввысь (многоэтажные здания), так и вширь; подчеркивается невиданная до этого перенаселенность; основная цветовая гамма представлена темными, серыми цветами; повторяющиеся образы фабрик, коммунальных квартир и кирпичных стен во многом соответствовали действительности, что свидетельствует о продолжающейся традиции натурализма в творчестве поэтов Фридрихсхагенского круга.

Межличностные отношения в большом городе также становятся предметом обсуждения фридрихсхагенцев: в основном отмечаются анонимность отдельной личности на фоне коллектива, безразличие человека друг к другу и социальное неравенство. У некоторых поэтов появляются призывы покинуть стены города и вернуться на лоно природы, как это сделали фридрихсхагенцы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hart, J.* Friedrichshagen. Aus meinen Lebenserinnerungen / J. Hart // Friedrichshagen und seine Dichter. Arkadien in Preußen / G. de Bruyn. – Berlin: Morgenbuch Verl., 1992. – S. 173–189.
2. *Goranson, H.* Die moderne Großstadt in ausgewählten Werken der deutschen Lyriker (1979) / H. Goranson [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pdxscholar.library.pdx.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3895&context=open_access_etds. – Дата доступа : 07.06.2020.
3. *Holz, A.* Das Buch der Zeit: Lieder eines Modernen / A. Holz; Hrsg. M. Hozinger. – Berlin: Berliner Ausgabe, 2013. – 248 S.
4. *Wieland, K.* Die deutschsprachige Lyrik der Frühen Moderne (1890-1930) / K. Wieland [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://journals.openedition.org/rg/976>. – Дата доступа : 08.07.2020.
5. *Schutte, J.* Einleitung / J. Schutte // Die Berliner Moderne / Hrsg. P. Sprengel. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1987. – 722 S.
6. *Bruyn, G.* Nachwort / G. Bruyn // Friedrichshagen und seine Dichter. Arkadien in Preußen / Hrsg. G. Bruyn. – Berlin: Morgenbuch Verl., 1992. – 279 S.
7. *Dehmel, R.* Aber die Liebe: Meine Verse / R. Dehmel; Hrsg. M. Hozinger. – Berlin: Berliner Ausgabe Verl., 2013. – 154 S.

The article provides the analysis of the image of Berlin in the lyrics of the poets of the Friedrichshagen circle. The escape of the poets from the big city increases their interest in this topic, which explains the big number of poems dedicated to Berlin. The article concludes that the image of Berlin in the work of poets of the Friedrichshagen circle is characterized by a transition from elation and hope for the future to the criticism of the social structure, environment and human behavior.

Поступила в редакцию 28.01.2021

Л. А. Таран

ПЕРААДОЛЕННЕ ЎЛАСНАЙ ГІСТОРЫІ: ВЕНСКАЯ *HASSLIEBE* Ў АЎСТРЫЙСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ ХХ ст.

Аўстрыйская літаратура другой паловы ХХ ст. мае выразна правакацыйную і эксперыментальную скіраванасць. Адною з адзнак гэтай літаратуры стала спецыфічнае адлюстраванне Вены, якое носіць амбівалентны характар і вылучаецца спалучэннем любові і нянавісці да гэтага горада. У гэтым артыкуле своеасаблівая *Hassliebe* да Вены разглядаецца на канкрэтных прыкладах, высвятляюцца вытокі і складнікі гэтага паняцця.

Вена – унікальнае месца на карце Еўропы. Гэты горад стаў сэрцам еўрапейскага памежжа, дзе змяшаліся шматлікія ўплывы, стварыўшы спецыфічны светапогляд ды ўнікальнае мастацтва. Вена мае непаўторнае аблічча, і, як і іншыя культурныя сталіцы, яна не толькі з’яўляецца цэнтрам літаратурнага жыцця, але і сама ператварылася ў частку мастацкага дыскурсу. Адною з рыс, якой адзначаецца сталіца Аўстрыі, стала асаблівае пачуццё *Hassliebe* ‘любові-нянавісці’. Здаецца, гэта слова ўжо глыбока ўкаранілася ў венскі дыкурс у шырокім сэнсе: у прэсе нярэдка можна сустрэць матэрыялы, прысвечаныя любові-нянавісці да гэтага горада ў літаратурным, тэатральным або гістарычным кантэксце.

Існаванне *Hassliebe* можна звязаць з развіццём у пасляваеннай Аўстрыі спецыфічнай *Anti-Heimatliteratur* – антыайчыннай літаратуры, эксперыментальнай па сваёй форме і змрочнай, песімістычнай паводле зместу. Яе з’яўленне стала адказам на пануючыя ў тагачаснай літаратуры тэндэнцыі да замоўчвання ролі аўстрыйцаў у злачынствах нацызму на карысць паказу ідылічнага жыцця правінцыі. У гэтым кантэксце *Hassliebe* ў дачыненні да сталіцы аўстрыі здаецца вытлумачальнай з’явай. На такую любоў-нянавісць звярталі ўвагу многія даследчыкі, сярод якіх можна адзначыць Р. Піхля (Robert Pichl), які ў адным са сваіх артыкулаў [1] вывучаў праявы гэтага пачуцця ў біяграфіі і творчасці І. Бахман (Ingeborg Bachmann, 1926–1973); а таксама Іну Хайн (Ina Hein) [2], Ёгана Крэфтнера (Johann Kräftner) [3] і інш.

У гэтым артыкуле мы разгледзім праявы венскай *Hassliebe* ў асобных творах такіх пісьменнікаў, як Э. Яндль (Ernst Jandl, 1925–2000), Т. Бернхард (Thomas Bernhard, 1931–1989) ды І. Бахман.

Падаецца, што стаўленне І. Бахман да Вены змянялася цягам жыцця, балансуючы паміж любоўю і нянавісцю: пісьменніца то цягнулася да гэтага горада, то дыстанцыявалася ад яго. Яна вырасла ў Карынтыі, горнай вобласці на мяжы са Славеніяй, а ў сталіцы правяла свае ўніверсітэцкія гады. Аднак застацца там надоўга яна не змагла: пісьменніца пераехала ў Рым, дзе правяла значную частку свайго жыцця. Нягледзячы на дыстанцыю ад Вены, яна шмат піша пра гэты горад: *ich bin besser in Wien, weil ich in Rom bin, denn ohne diese Distanz könnte ich es mir nicht für die Arbeit vorstellen* ‘у Рыме я лепей адчуваю Вену, бо без гэтай дыстанцыі я б не змагла ўявіць яе для сваёй працы’¹ [1, S. 186]. Р. Піхль тлумачыць ад’езд І. Бахман аб’ектыўнымі

¹ Тут і далей пераклад наш. – Л. Т.

прычынамі: адсутнасцю магчымасці самарэалізацыі і абьякавасцю афіцыйнай Аўстрыі [1, S. 184] – варта ўзгадаць, што прызнанне прыйшло да пісьменніцы ў Германіі, дзе яна атрымала прэмію Групы 47, і менавіта там былі ўпершыню апублікаваныя яе творы.

Складаныя адносіны І. Бахман з горадам адлюстраваліся і ў яе тэкстах – напрыклад, у адзіным завершаным рамане «Маліна» («Malina», 1971). Горад у гэтым тэксце прадстаўлены фрагментарна: у асноўным гаворка ідзе пра ўсяго адну вуліцу, Унгаргасэ, якую пратаганістка ператварае ва Унгаргасэнляндую – асобны свет, у якім у бяспецы і шчасці жывуць яна і яе каханы Іван: *ein winziges Land [...] ohne Gebietsansprüche und ohne rechte Verfassung, ein trunkenes Land, in dem bloß zwei Häuser stehen* ‘маленечкая краіна [...] без тэрытарыяльных прэтэнзій і сапраўднай канстытуцыі, п’яная краіна, у якой толькі два дамы’ [4, S. 28]. Можна сказаць, што перад намі зноў уцёкі, няхай і ўнутры горада, бо толькі так, схаваўшыся, магчыма зберагчы шчасце. Пацвярджэннем гэтаму служыць гора, якое прыходзіць на змену каханню: Іван аддаляецца ад пратаганісткі, і паралельна з гэтым усё больш пашыраецца яе венскі арэал – яна ўсё часцей мусіць пакідаць сваю Унгаргасэ і выходзіць у «знешнюю Вену», дзе любові ўжо няма.

Праявы *Hassliebe* можна адсачыць і ў творах Э. Яндля, аднаго з самых яркіх эксперыментатараў у аўстрыйскай лірыцы. Самы вядомы і самы венскі з яго вершаў «wien: heldenplatz» («вена: плошча герояў») адлюстроўвае знакаміты выступ Гітлера на аднайменнай венскай плошчы. Ён быў падрабязна разгледжаны В. Ч. Гронскай [5], таму спыняцца на ім мы не будзем.

Адным з адлюстраванняў Вены стала кароткае «haiku in wien» («хайку ў вене»), напісанае ў 1950-х: *je müder ich bin / umso lieber / bin ich in wien* ‘чым больш я змораны / тым ахвотней / я бываю ў Вене’ [6, S. 7] гэты лаканічны верш прапануе некалькі магчымасцей прачытання: ці гэта прызнанне ў любові да Вены, дзе змораны чалавек знойдзе адпачынак, або папрок у ляноце, які так часта робяць у адрас гэтага горада. Верагодна, абедзве інтэрпрэтацыі маюць права на існаванне: як і належыць хайку, гэты верш найперш адлюстроўвае няўлоўны настрой. Важна, што менавіта гэтае поле напружання паміж палярнымі ацэнкамі і ёсць прастора для зараджэння *Hassliebe* – у гэтым выпадку меланхалічна-паблажлівай.

Іншае адлюстраванне горада – рэзка фізіялагічнае, нават вульгарнае, – зафіксавана ў вершы «franz hochedlinger-gasse» («вуліца франца хохэдлінгера», 1976): *wo gehen ich / liegen spucken / wursten von hunden / saufenkotz / ich denken müssen / in mund nehmen / aufschlecken schlucken / denken müssen nicht wollen* ‘Дзе я ісці / ляжаць пляўкі / сабачыя каўбасы / ваніты / я мусіць думаць / браць у рот / злізваць глытаць / мусіць думаць не хацець’ [6; S. 126]. Тут паэт-эксперыментатар кідае выклік як форме, так і зместу: верш напісаны без уліку правіл граматыкі, а змест выходзіць за рамкі таго, што прынята лічыць «паэтычным». Такім чынам, фланіраванне па Вене тут падвяргаецца своеасаблівай дэканструкцыі. Аўтар малюе нетыповую для вытанчанага сталіцы карціну бруднай вуліцы, якая ў другой частцы пашы-

раецца, атрымліваючы новае, паралельнае вымярэнне: працэс мыслення. У матэрыяльным свеце, недасканалым і груба-фізіялагічным, неадольная патрэба думаць прыпадабняецца паглыннанню бруду. Магчыма, гэта можна прачытаць як літаратурнае метавыказванне – асабліва ў кантэксце пасляваеннай Аўстрыі. Чалавек, які мысліць, не можа ігнараваць злачынствы і хлусню, а пісьменнік, які бярэцца за выяўленне гэтай праўды, вырачаны на непрызнанне: як і І. Бахман, Э. Яндль на пачатку сваёй кар’еры мусіў друкавацца ў нямецкіх, а не аўстрыйскіх, выдавецтвах.

Адным з самых знакамітых і скандальных тэкстаў пасляваеннай аўстрыйскай літаратуры стала п’еса Т. Бернхарда «Heldenplatz» («Плошча герояў»). Гэта назва ўжо ўзгадвалася тут у сувязі з іншым аўтарам, Э. Яндлем: як і яго верш, твор Т. Бернхарда спасылаецца на падзеі 1938 г., калі быў абвешчаны аншлюс Аўстрыі да нацысцкай Германіі. П’еса была створана ў 1988 г. да 100-гадовага юбілею венскага Бургтэатра, у год, які адначасова стаў і 50-й гадавінай выступу Гітлера ў Вене.

Цэнтральным пунктам сюжэта становіцца самагубства прафесара Ёзэфа Шустэра, якое адбываецца за рамкамі тэксту і вызначае ўсё далейшае дзеянне. П’еса складаецца з трох сцэн: першая адлюстроўвае падрыхтоўку да пахавання ў кватэры прафесара каля плошчы Герояў, другая – само пахаванне, а трэцяя – трызну. Сярод дзеючых асоб – сям’я памерлага: яго брат прафесар Роберт, жонка і дзеці Анна, Вольга ды Лукас, а таксама калега прафесар Лібіг з жонкай, спадар Ландауэр і пакаёўкі. Усё дзеянне твора складаецца з размоў гэтых персанажаў: яны абмяркоўваюць прафесара і яго самагубства, уласнае мінулае, а таксама мінулае і будучыню Аўстрыі і Вены, тэатр, музыку і г. д.

Hassliebe пранізанаая найперш цэнтральная тэма твора – непераадоленае нацысцкае мінулае, якое найярчэй увасоблена ў галюцынацыях фрау Шустэр: яна чуе прывітальны гоман натоўпу, які вітае фюрэра на плошчы Герояў. Шустэры, сям’я яўрэйскага паходжання, былі вымушаны эміграваць у Англію, але пасля вайны вярнуліся. Аднак праз пяцьдзясят гадоў пасля ганебнага аншлюсу нічога не змянілася, і прафесар Роберт прамаўляе вельмі катэгарычныя абвінавачванні: *у кожным венцы сядзіць масавы забойца* [7, с. 117], з якімі згодны і спадар Ландауэр: *аўстрыйцы ня маюць выбару / што б аўстрыец ні выбіраў / выходзіць агіднае* [7, с. 130], і Анна: *сытуацыя сёння сапраўды такая ж / як была ў трыццаць восьмым / цяпер у Вене больш нацыстаў / чым у трыццаць восьмым* [7, с. 79]. Вена ў гэтых размовах становіцца квінтэсэнцыяй усёй Аўстрыі, і тое, што прамаўляецца ў дачыненні да яе, датычыцца цэлай краіны. Урэшце аказваецца зразумелым, што менавіта гэта і стала прычынай самагубства Ёзэфа Шустэра: ён не змог больш трываць бясконцае паўтарэнне мінулага, і нават яго планы вярнуцца ў Оксфард не паслужылі паратункам.

Вярнуўшыся ў Вену і пасяліўшыся каля плошчы Герояў, Ёзэф спрабаваў пераадолець мінуўшчыну, нягледзячы на тое, што яго жонка не змагла яе забыць: *не магу ж я адмовіцца ад кватэры / толькі таму што ты чуеш*

*гэтыя крыкі з Плошчы герояў / кожны раз казаў ён / гэта ж значыла б што гэты Гітлер другі раз / выгнаў мяне з маёй кватэры [7, с. 57]. Смерць Ёзэфа стала канчатковым пунктам гэтага змагання: ён прайграў. Такім чынам, абодва браты аднолькава ставяцца да сучаснай сітуацыі, але адзін не бачыць для сябе ніякага выйсця, а другі застаецца жыць, скарыўшыся абставінам. Верагодна, адным з тлумачэнняў можа стаць правінцыя, у тэксце ўвасобленая Нойгаўсам – вёскай, дзе знаходзіцца сямейны дом Шустэраў. Кінуўшы змагацца, Роберт збег туды ў пошуках спакойнага жыцця: *мой брат зрабіў сабе сьмерць / я зьехаў у Нойгаўс [7, с. 122].**

Туды ж мусіць пераехаць і ўдава прафесара. Але правінцыя, якая выяўляецца адзіным паратункам ад Вены, ні для каго з Шустэраў не становіцца домам. Яны не любяць вясковае жыццё – нават эскапіст прафесар Роберт штотыдзень наязджае ў горад, каб наведаць філармонію, а фрау Шустэр і пагатоў не зможа там жыць: *яна адразу вернецца ў Вену набачыш / яна не прызвычаеная да вясковага жыцця / людзі на вёсцы забіваюць розум і дух / заўжды казаў прафэсар [7, с. 53].* Тут дыхатамія «Вена – правінцыя» ўзбагачаецца яшчэ адным вымярэннем – духоўным. Нягледзячы на агульны заняпад, Вена застаецца прытулкам культуры: усе Шустэры не ўяўляюць свайго жыцця без музыкі і тэатра, хоць яны і крытыкуюць сучасныя венскія канцэрты і спектаклі. Акрамя таго, заняпад акадэміі прафесар Роберт таксама звязвае з правінцыяй: *найважнейшыя катэдры займаюць тырольскія і зальцбургскія нацысты / [...] У ВНУ пануе нясьцерпнае невуцтва / усяго толькі альпійскае глупства нічога больш [7, с. 138].* Можна зрабіць выснову, што, нягледзячы на нянавісць да Вены як увасаблення нявырашанай праблемы нацызму, персанажы, нават уцякаючы з горада, пастаянна вяртаюцца туды.

Важную ролю ў гэтай квазілюбові да горада адыгрывае настальгія. Абудва браты, самыя радыкальныя крытыкі Аўстрыі, адчуваюць тугу па мінулым. Узгадваючы Ёзэфа, прафесар Роберт кажа: *Ён хацеў вярнуць сабе музыку / ён хацеў вярнуць сабе маленства / але жыхары Вены ўжо не былі такімі / якімі яны засталіся ў яго памяці [7, с. 113].* Менавіта музыка і тэатр, самыя тыповыя венскія асацыяцыі, застаюцца адзінай прычынай любіць гэты горад. Гэта пацвярджае і сам прафесар: *Я сам калі быць шчырым / толькі дзеля музыкі вярнуўся ў Аўстрыю [...] Вена больш не духоўны горад / перад вайной так / але пасля вайны ўжо не [7, с. 150].*

Такім чынам, персанажы «Плошчы герояў» апынаюцца ў венскай пастцы: яны так ці іначай не могуць жыць у гэтым горадзе, але і канчаткова пакінуць яго яны не ў стане. Прафесар Ёзэф вяртаецца сюды з эміграцыі, але не вытрымлівае і здзяйсняе самагубства, яго жонка пакутуе ад гістарычных галюцынацый, а брат уцякае ў правінцыю. Аднак нават уцёкі не становяцца паратункам: Вена цягне іх назад прыгажосцю – музыкай ды тэатрам – і ўспамінамі. Атрымліваецца, што нянавісць, частка гэтай усёмагутнай *Hassliebe*, абумоўлена гістарычна – нацызмам, які з плошчы Герояў маршам прайшоўся па вуліцах Вены і стаў часткай горада і яго жыхароў.

Такім чынам, сярод кампанентаў, з якіх складаецца *Hassliebe*, можна назваць настальгію, дыстанцыяванне, а таксама апазіцыю да правінцыі. Але ці можна сцвярджаць, што любоў-нянавісць да Вены – пачуццё, характэрнае толькі для другой паловы ХХ стагоддзя? Паспрабуем зрабіць сціслы экскурс у венскія тэксты аўстрыйскіх аўтараў, напісаныя задоўга да Другой сусветнай вайны.

Першы верш належыць Ф. Грыльпарцэру (Franz Grillparzer, 1791–1872) і называецца «Abschied von Wien am 27. August 1843» («Развітанне з Венай 27 жніўня 1843»): *Leb wohl, du stolze Kaiserstadt, / Zwar nicht auf lange, denk ich; [...] Schön bist du, doch gefährlich auch* ‘Бывай, горды горад кайзера / Але ненадоўга, я думаю; [...] Ты прыгожая, але і небяспечная’ [8, S. 288]. Ужо ў першых радках вобраз Вены амбівалентны, і негатыўны бок тут узмацняецца праз тое, што гаворка ідзе менавіта пра развітанне з горадам. Далей даведваемся, чаму гэты горад неабходна пакінуць: *Dazu dein Volk, ein wackres Herz, / [...] Das sich mit Märchen und mit Scherz / Der Wahrheit Bild umwunden. / Man lebt in halber Poesie, / Gefährlich für die ganze* ‘Да таго ж народ, слаўны сэрцам / каторы за казкай і жартам / хавае праўдзівую карціну. / жывуць у паўпаэзіі, / небяспечнай для сапраўднай’ [8, S. 288–289]. Цікава адзначыць, што ўжо ў сярэдзіне ХІХ стагоддзя на адрас Вены і яе жыхароў сыпаліся папрокі ў легкадумнасці і нежаданні бачыць праўду. Яшчэ больш цікавыя радкі пра паэзію, якія, з аднаго боку, пацвярджаюць рэпутацыю Вены як горада мастацтва, а з іншага – паказваюць, што мастацтва гэта не сапраўднае, бо насамрэч яно пагражае паўнавартаснай паэзіі. Верагодна, гэта месца можна прачытаць як металітаратурнае выказванне, бо, нягледзячы на сваю лаяльнасць да кайзера, Ф. Грыльпарцэр зазнаў цэнзуру і перашкоды для публікацыі. У апошніх радках верша прычына развітання канчаткова становіцца яснай: *Ob von der Reiselast Beschwer / Sich festre Bilder ründen* ‘Можа быць, ад цяжкай дарогі / узнікнуць моцныя карціны’ [8, S. 289]. Паэт мусіць пакінуць легкадумны горад прыгажосці, каб ствараць сапраўднае, «добрае» мастацтва – дзіўным чынам гэты намер перагукаецца з творчай стратэгіяй І. Бахман, якая найлепей магла пісаць пра Вену менавіта тады, калі пакінула яе.

Наступны твор, які мы разгледзім, быў напісаны амаль праз сто гадоў, – гэта верш «Wien» («Вена») А. Петцальда (Alfons Petzold, 1882–1923), апублікаваны ў 1923 годзе. Ён таксама пачынаецца развітаннем з горадам, афарбаваным вельмі адназначна: *Als ich dich ließ, da ballte ich die Hand / zu einer Faust des Hasses gegen dich* ‘калі я пакідаў цябе, спіскаў руку / у кулак нянавісці да цябе’ [9, S. 47]. Далей па тэксце Вена параўноўваецца з Малохам, які пажырае сваіх жыхароў, – такое экспрэсіянісцкае выяўленне горада наогул характэрнае для лірыкі 1920-х гадоў. Але пасля настрой верша рэзка мяняецца: *Ich sah nur dich, du meiner Kindheit Stadt, / dich und die alten, wohlbekanntten Gassen / verraten und von aller Welt verlassen* ‘Я бачыў толькі цябе, горад майго дзяцінства, / цябе і старыя знаёмыя вуліцы / здраджаныя

і пакінутыя ўсім светам' [9, S. 48]. Гэты зменены погляд на горад – найперш заслуга настальгіі па дзяцінстве, спасылка на выключна асабістую эмацыйную сувязь. У самым канцы верша з'яўляецца характэрны венскі матыў – музыка: *Und Rührung fasste mich, als es mir schien, / als spiele auf der Ziehharmonika / ein Nachbar eine deiner Melodien* 'І мяне ахапіла замілаванне, калі мне здалося, / што на гармоніку іграе / сусед адну з тваіх мелодый' [9, S. 48]. Так на змену амаль апакаліптычнаму малюнку горада-людажэра прыходзяць успаміны і музыка, без якой, здаецца, немагчыма ўявіць сабе тэкст пра Вену.

Можна зрабіць выснову, што *Hassliebe* да Вены – адзнака не толькі пасляваеннай літаратуры: любоў і нянавіць у адлюстраванні гэтага горада змешваліся здаўна. Натуральна, можна сказаць, што гэта датычыцца не толькі аўстрыйскай сталіцы, бо любы горад, які мае яшчэ адно вымярэнне, паралельнае фізічнаму, – тэкставае, – выконвае шматлікія функцыі, якія адпавядаюць розным канатацыям. Але ўсё ж Вена ўяўляе сабой асаблівы выпадак. Па-першае, *Hassliebe* стала часткай публічнага венскага дыскурсу, нечым накіраваным сталага атрыбута. Па-другое, літаратурнае ўвасабленне любові-нянавіці да Вены ў розных аўтараў розных часоў выяўляе паралелі. Так, нянавіць да аўстрыйскай сталіцы і імкненне дыстанцыявацца ад яе звязана з больш глабальнымі, «гістарычнымі» прычынамі, непадуладнымі ні простаму чалавеку, ні творцу, які праз гэта зазнае яшчэ большыя пакуты, бо губляе магчымасць самарэалізацыі. А любоў да Вены заўсёды вызначаецца больш камернымі, асабістымі перажываннямі, якія найчасцей паглыбленыя ў мінулае. Магчыма, менавіта гэты канфлікт паміж калектыўнай і індывідуальнай гісторыяй служыць падмуркам для развіцця амбівалентнага стаўлення да Вены. Акрамя таго, асаблівай адзнакай гэтага горада можна лічыць музыку і мастацтва наогул: нават калі Вена не адлюстроўваецца ў тэксе тапаграфічна, яна абавязкова мае гукавое вымярэнне, і менавіта музычнасць і прыгажосць гэтага горада, узведзеная ў культ, з'яўляецца прычынай лепшай часткі *Hassliebe* – любові.

ЛІТАРАТУРА

1. *Pichl, R.* Das Wien Ingeborg Bachmanns. Gedanken zur späten Prosa / R. Pichl // *Modern Austrian Literature*. – 1985. – № 3/4. – S. 183–193.
2. *Hein, I.* Von Lerneifer, Hassliebe und Desinteresse: Drei Konstruktionen Wiens aus japanischer Perspektive / I. Hein // *Nach Wien! Sehnsucht, Distanzierung, Suche* / Hrsg. N. Bachleitner, C. Ivanovic. – Peter Lang, 2015. – S. 115–142.
3. *Kräfte, J.* Eine Hassliebe – Französische Architekten in Wien / J. Kräfte // *Kulturelles Gedächtnis und interkulturelle Rezeption im europäischen Kontext* / Hrsg. E. Dewes. – Berlin: Akademie Verl., 2008. – S. 485–50.
4. *Bachmann, I.* Malina. Text und Kommentar / I. Bachmann. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2004. – 389 S.

5. Гронская, В. Ч. Паэтычнае выяўленне моўнага крызісу як крызісу аўстрыйскай нацыянальнай ідэнтычнасці ў лірыцы Эрнста Яндля / В. Ч. Гронская // Рэгіянальнае, нацыянальнае і агульначалавечае ў славянскіх літаратурах. – Гомель, 2018. – С. 100–103.
6. Jandl, E. der beschriftete sessel. Autobiographische Gedichte und Texte / E. Jandl. – Salzburg und Wien: Jung und Jung, 2012. – 264 S.
7. Бэрнгард, Т. Плошча герояў / Т. Бэрнгард // АРСНЕ (Пачатак). – 2017. – № 1 (151). – С. 43–152.
8. Grillparzer, F. Sämtliche Werke / F. Grillparzer. – München, 1960. – Band 1. – S. 288-289.
9. Petzold, A. Gedichte und Erzählungen / A. Petzold. – Wien : Jugend und Volk, 1947. – S. 47–48.

This article focuses on *Hassliebe*, a special feature of the fictional depiction of Vienna in Austrian literature of the second half of the 20th century. *Hassliebe* is illustrated with concrete examples, and the origins and causes of this specifically Viennese feeling are investigated.

Поступила в редакцию 28.01.2021

Яо Юань

КОНЦЕПЦИЯ «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ» В ГЛАЗАХ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В статье представлена краткая история китайско-американской литературы, анализируется концепция «американской мечты» в творчестве американских писателей китайского происхождения разных поколений, ее интерпретация и развитие этой темы в их произведениях таких жанров, как публицистическая заметка, автобиография, семейно-бытовой роман, научно-фантастический рассказ. Особо выделяется связь между осуществлением «американской мечты» и процессом самоидентификации, что является важным компонентом идентичности американцев китайского происхождения. Значительное место в творчестве писателей этой группы занимают женские авторы.

Первые китайцы прибыли в США в качестве «кули». Они были трудолюбивы, мечтали стать богатыми и достичь личного успеха, чтобы потом вернуться в Китай, но их жизнь была не легка: они занимались тяжелым физическим трудом, страдали от бедности, дискриминации и даже насилия. Печально известный «Акт об исключении китайцев», принятый в 1882 г., – первый и единственный официальный закон в истории США, который запретил китайскую иммиграцию и натурализацию уже проживающих в США китайцев. В 1888 г. он был дополнен «Актом Скотта», запретившим китайским рабочим свободно въезжать в США и выезжать из страны, а все выданные возвратные сертификаты китайских рабочих были аннулированы [1, p. 100 (pdf)]. Еще более дискриминационным стал «Закон об иммигра-

ции 1924 года», который полностью исключил иммигрантов из Азии [2]. Только после введения «Закона об иммиграции и гражданстве» в 1965 г. ограничение китайской иммиграции и иммигрантов из других азиатских стран было полностью запрещено. Но уважение, свобода и равенство оставались просто словами для сотен тысяч китайских иммигрантов.

Зарождение китайско-американской литературы тесно связано с трудным положением китайских иммигрантов. Самые ранние произведения появились в XIX веке. По словам Джонатана Х. Ли, в них авторы «протестовали против несправедливого обращения и дискриминации» [3, р. 469]. Типичный пример – «Письмо китайцев губернатору Биглеру», написанное китайским торговцем Норманом Асингом в ответ на дискриминационные предложения губернатора Калифорнии Джона Биглера. Это публицистическое произведение сыграло большую роль в становлении самосознания китайцев, переселившихся в США.

Стихи, написанные на стенах «тюрьмы» острова Ангела в Калифорнии, тоже свидетельствовали о страданиях китайских иммигрантов, которые были вынуждены там находиться и ждать проверки документов и разрешения на въезд в страну. Большинство стихов на стенах написано на китайском, несколько – на английском [4, р. 46]. Темы этих стихов тесно связаны «с горькими и недобрыми эмоциями и недовольством системой дискриминационных допросов и ужасных условий жизни» [3, р. 471], доказывавшими, что для китайских иммигрантов «американская мечта» не существовала. Стихи острова Ангела имеют важное значение в истории китайско-американской литературы.

На раннем этапе становления литературы китайских иммигрантов в США серьезную роль сыграли автобиографии. Самые знаменитые из них – «Когда я был мальчиком в Китае» Ли Ян Фу (1887), «Моя жизнь в Китае и Америке» Юн Вина (1909), а также произведения Суй Син Фар “Leaves from the Mental Portfolio of an Eurasian” и сборник рассказов «Миссис Весенний Аромат» (“Mrs. Spring Fragrance”).

В 1943 г. «Акт об исключении китайцев» был отменен, хотя сохранялись существенные ограничения для китайской иммиграции. Это способствовало развитию китайско-американской литературы. Американские писатели китайского происхождения обращали внимание на китайскую общину, вопрос идентификации, на межкультурные конфликты, а также конфликты между старшим поколением традиционалистов и новым поколением типичных американцев, которые родились в США (по-английски их называют “American-born Chinese”, или ABC). В их книгах неизменно поднималась тема «американской мечты». Это такие яркие произведения, как автобиографические романы «Отец и славный потомок» (*Father and Glorious Descendant*, 1943) Парди Лоу [5, р. 660], «Пятая китайская дочь» (*Fifth Chinese Daughter*, 1945) Джейд Сноу Вонг, в котором писательница показывает стремление к «американской мечте» нового поколения китайско-американцев, а также «Песня цветочного барабана» (*The Flower Drum Song*, 1957) Чин Ян Ли,

где повествуется о судьбе китайских иммигрантов в США (книга легла в основу популярного мюзикла Роджерса и Хаммерштейна (1958) и одноименного кинофильма (1961) [3, p. 473].

С этого периода главной темой китайско-американских писателей стала идентичность: они хотели быть признанными составной частью американского общества. В своих произведениях писатели специально держались на расстоянии от китайской культуры и традиций, рассматривая их с точки зрения белого сообщества. Они показывали экзотику и преимущество американской белой культуры перед китайской, а также стремились доказать свою «лояльность» к Америке. «Американская мечта» для них означала американизацию. В конце произведений оба поколения обычно примирялись, что можно считать победой американских ценностей. Самый типичный пример – это «Пятая китайская дочь» Джейд Сноу Вонг, где писательница затронула проблему, с которой она сталкивалась в семье: Джейд Вонг родилась в Америке в семье китайских мигрантов, дома получила традиционное китайское образование, а в школе – американское. Ей не нравится устаревшая китайская традиция (дискриминация женщин) и иерархическая система (дети всегда безоговорочно подчиняются родителям), и она хочет получить больше свободы, как и другие американки. Джейд Вонг старается достичь своих целей, усердно учится и работает, но не слушает родителей. В результате она достигает успеха и получает признание от белых американцев и родителей, другими словами, она осуществляет «американскую мечту» по-американски, а ее победа является победой американских ценностей. Форма семейно-бытового романа способствовала успеху этого произведения.

Начиная с 1970-х, новое поколение писателей так же, как и поколение 1940–60-х гг., заостряет внимание на конфликтах между двумя поколениями и взаимодействием между современной американской и традиционной китайской системами ценностей. Однако они начали понимать старое поколение и культуру своих родителей и пересматривают конфликты между разными культурами, отказываясь от отрицания китайской культуры. В их произведениях американская и китайская культуры гармонично сосуществуют, а молодое поколение приходит к пониманию своих родителей.

Чрезвычайно важную роль в развитии китайско-американской литературы начинают играть женские авторы, что связано с влиянием феминизма в США. В это время публикуются наиболее значительные произведения: «Воительница» (*The Woman Warrior*, 1976) и «Китайцы» (*China Men*, 1980) Максина Хонг Кингстон; «Клуб радости и удачи» (*The Joy Luck Club*, 1989), «Кухонный бог и его жена» (по-английски: *The Kitchen God's Wife*, 1991) Эми Тан. Эти книги стали весьма популярными в США и за рубежом: «Воительнице» была присуждена Премия Национального круга книжных критиков США по «документальной прозе» [5, p. 518], роман «Китайцы» не только получил американскую Национальную книжную премию (1980), но и был номинирован на Пулитцеровскую премию [6, p. 90]; «Клуб радости и удачи» был удостоен Национальной книжной премии; по роману был

поставлен кинофильм (1993). Можно утверждать, что, как и их персонажи, эти писательницы сами достигли «американской мечты», т.е. приобрели известность и получили признание американского общества – заветной мечты многих китайско-американских писателей. Успех этих произведений, переведенных на многие языки мира, обусловлен не только художественным мастерством авторов, но и изысканной композицией. Например, «Клуб радости и удачи» соткан из новелл, отражающих мировосприятие женщин разных поколений, матерей и дочерей, благодаря чему раскрываются особенности их менталитета, свидетельствующие о разном понимании жизни китайцами, переехавшими в США, и их дочерьми, выросшими в Америке.

В 1990-е гг. мышление китайско-американских писателей уже сильно отличается от представлений старших поколений. Если старшее поколение еще считает себя и китайцами, и американцами, то новое поколение уже полностью определяет себя в качестве «американцев». Темы произведений этого поколения уже не ограничиваются историей своей семьи и стремлением китайско-американцев к лучшей жизни, но и включают научную фантастику (сборник рассказов «Супергерой третьего класса» (*Third Class Superhero*, 2006) и «Как выжить в научно-фантастической вселенной» (*How to Live Safely in a Science Fictional Universe*, 2010) Чарльза Ю, которые не имеют никакого отношения к жизни китайских иммигрантов).

Естественно, многие писатели китайского происхождения продолжают писать на традиционную тему «американской мечты» китайско-американцев и их судьбы в США, например, роман «Типичный американец» (*Typical American*, 1991) и сборник рассказов «Кто ирландец?» (*Who's Irish?*, 1999) Гиш Джен, роман «Кость» (*Bone*, 1993) Фэй Майенн Нг, автобиографическое произведение Эрика Лю «Шанс китайца» (*A Chinaman's Chance: One Family's Journey and the Chinese American Dream*, 2014) и «Внутри Чайна-тауна» (*Interior Chinatown*, 2020) Чарльза Ю. Типичные примеры таких произведений – «Шанс китайца» Лю и «Типичный американец» Гиш Джен. Эрик Лю в своей книге анализирует концепцию «американской мечты» в жизни его семьи, процесс американизации и усилия китайских иммигрантов в достижении этой мечты. История его семьи может считаться погружением китайских иммигрантов в американскую жизнь, наполняя важным содержанием концепцию «американской мечты» в сознании китайских иммигрантов. Гиш Джен пишет о том, как китайские иммигранты приехали в США, чтобы достичь личного успеха – стать богатыми и типичными американцами. Поэтому они старались изо всех сил, рисковали и открыли ресторан, осуществив свою «американскую мечту». Они стали американцами, но одновременно отбросили китайские ценности и потеряли совесть, а их мечты рассеялись как дым... Молодой писатель Чарльз Ю в своем романе «Внутри Чайна-тауна» пристально вглядывается в то, как белые американцы в Голливуде относятся к азиатам и китайско-американцам: азиат Уиллис У мечтает сыграть роль мастера Гунфу в сериале «Черный и белый». Он упорно стремится к этому, борясь со стереотипами и расизмом, но никак не может осуществить свою мечту.

Многие писатели китайского происхождения разных поколений обращают внимание на концепцию «американской мечты» и стараются показать своеобразие культуры китайских иммигрантов, оказавшихся в другом культурном пространстве. Авторы китайского происхождения ранней китайско-американской литературы страдают от расизма и дискриминации. Например, Суй Син Фар в своих автобиографических мемуарах четко написала, что ее босс даже не считал китайцев людьми [7]. Поэтому она и другие писатели (Ли Ян Фу, Юн Вин) пытались представить американскому обществу китайскую традицию и историю, чтобы доказать, что китайцы – тоже люди. «Американская мечта» в глазах этих писателей являлась борьбой за равенство.

По мере расширения китайской общины и появления нового поколения китайских иммигрантов, родившихся в США, возникла большая проблема с самоидентификацией. Чарльз Ю (род. 1976) сказал в интервью «New York Times»: «Даже в детстве я всегда мучился этими вопросами: “Кто я? Как я сюда попал? Что я здесь делаю?”» [8]. «Американская мечта» в творчестве писателей китайского происхождения стала сложнее: кроме стремления к равенству, самая большая проблема для них и китайских иммигрантов – идентичность: «Кто они? Американцы или китайцы, или китайско-американцы?» Соответственно, проблема идентичности вызывает противоречия и конфликты между двумя поколениями и культурами внутри семьи, о которой писатели китайского происхождения (Парди Лоу, Джейд Сноу Вонг, Максин Хонг Кингстон, Эми Тан и др.) неустанно пишут. В этих произведениях в процессе поиска идентичности персонажи (обычно новое поколение) вместе с их авторами достигают личных успехов и осуществляют «американскую мечту», хотя в реальной жизни идентичность всё еще остается для них большой проблемой, несмотря на то, что они имеют паспорт США и уже стали известными людьми.

Стоит заметить, что китайские читатели, которые живут в КНР, негативно относятся к писателям китайского происхождения и их произведениям. Осуществление «американской мечты» и американизация этих писателей равны предательству для многих китайских читателей, считающих, что эти авторы предали свою кровь: «американцы» специально искажают китайскую историю, культуру и традиции, чтобы привлечь внимание белых американцев и удовлетворить их любопытство; они пишут в ориенталистском ключе, и их произведения укрепляют стереотипы о китайцах в глазах белых американцев и не имеют никакого отношения к китайской культуре и Китаю.

Китайско-американская литература возникла в XIX в. и тесно связана с судьбой китайских иммигрантов. Концепция «американской мечты» глубоко влияет на китайско-американскую литературу и стала одной из самых важных тем в творчестве китайско-американских писателей. Они усердно трудятся и активно стремятся к осуществлению мечты о равенстве, свободе и счастье, и вопросы национальной идентичности и самоидентификации остаются главными элементами в их творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. 丁则民, «美国通史(3):美国内战与镀金时代 (1861-19世纪末 (A General History of The United States 1585-2000. Vol.3: American Civil War and Gilded Age: 1861-the late year of the 19th century) / 丁则民. – 北京: 人民出版社, 2002. – 664 p.
2. The Immigration Act of 1924 (The Johnson-Reed Act) // Office of the Historian [Electronic resource]. – 2019 – Mode of access : <https://history.state.gov/milestones/1921-1936/immigration-act>. – Date of access : 10.11.2020.
3. Lee, H. X. Chinese Americans: The History and Culture of a People / H. X. Lee. – California: ABC-CLIO, LLC, 2016. – 664 p. (pdf).
4. Railton, B. The Chinese Exclusion Act: What It Can Teach Us About America / B. Railton. – NY : Palgrave Macmillan, 2013. – 74 p.
5. Huang, Guiyou. The Greenwood Encyclopedia of Asian American Literature / Guiyou Huang. – Westport : Greenwood Press, 2009. – 1197 p.
6. Abrams, D. Asian Americans of Achievement – Maxine Hong Kingston / D. Abrams. – NY : Infobase Publishing, 2009. – 128 p.
7. Far, Sui Sin. Leaves of the Mental Portfolio of an Eurasian / Sui Sin Far [Electronic resource]. – 2020 – Mode of access : http://essays.quotidiana.org/far/leaves_mental_portfolio/. – Date of access : 21.11.2020.
8. Sternbergh, A. With His Fourth Book, Charles Yu Finally Feels Like a Writer / A. Sternbergh // The New York Times [Electronic resource]. – 2020 – Mode of access : <https://www.nytimes.com/2020/01/22/books/charles-yu-interior-chinatown.html>. – Date of access : 20.12.2020.

The article gives a short outline of the history of Chinese American literature, analyzes the concept of the "American Dream" in the works of Chinese-American writers of different generations, its interpretation and development in such genres as the publicistic article, autobiography, family novel, and sci-fi short story. A special focus is made of the connection between the realization of the American Dream and the process of self-identification that is a major component of Chinese Americans' identity. Female authors take a significant place among the writers of this ethnic group.

Поступила в редакцию 18.01.2021

НАШИ АВТОРЫ

Борзенец Светлана Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычного речевого общения МГЛУ. Тел. (+375 29) 392-92-96. E-mail: sborzenets@mail.ru.

Даниленко Ирина Владимировна – ст. преп. кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. (+ 375 29) 753-05-76. E-mail: memorabilia1453@mail.ru.

Жолнерович Пётр Петрович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры медиалингвистики и редактирования БГУ. Тел. 259-70-12.

Казимирова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской филологии Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. Тел. (+375 29) 262-23-50. E-mail: okazimirova@mail.ru.

Коваленя Алёся Валерьевна – аспирант кафедры речевого общения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 288-25-71.

Котик Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. (+375 29) 372-96-18. E-mail: tanjakotik@gmail.com.

Курило Наталия Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры ТиПАР МГЛУ. Тел. 288-18-02.

Куценко Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры 2 иностранного языка (немецкий) МГЛУ. Тел. 294-79-82, (+375 44) 511-51-68. E-mail: nwkutsenko@gmail.com; lkutsenko@yandex.ru

Лаптенко Ирина Брониславовна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе Института повышения квалификации и переподготовки кадров Белорусского государственного университета культуры и искусств. Тел. 378-27-19, (+375 29) 617-97-43.

Лойша Марина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Манько Наталья Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 284-47-48, (+375 29) 272-04-71.

Мелех Елизавета Андреевна – аспирант кафедры зарубежной литературы БГУ. Тел. 327-12-94, (+375 29) 793-07-81. E-mail: elizaveta.meleh@mail.ru.

Овсейчик Юлия Владимировна – докторант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. +375 29 677-25-45. E-mail: ovsei77@rambler.ru

Руденко Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии английского языка, декан факультета русского языка для иностранных граждан МГЛУ. Тел. 284-42-90.

Таран Лізавета Андрэеўна – выкладчык кафедры нямецкага мовазнаўства філалагічнага факультэта БДУ. Тел. +375 (17) 375-55-10.

Толкачэва Ольга Вікторовна – аспірант кафедры агульнага языкознання МГЛУ. Тел. (+375 29) 532-37-20, (+375 29) 652-56-55. E-mail: olg4100@yandex.ru.

Челик Джабраил – аспірант кафедры прыкладнай і матэматычнай лінгвістыкі МГЛУ. Тел. 284-81-56.

Яо Юань – аспірант кафедры замежнай літаратуры, старшы прэ-подаватель кафедры тэорыі і практыкі кітайскага мовы МГЛУ. Тел. (+375 29) 260-95-50. Email: yao.yuan@mail.ru.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 1 (110), 2021

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *В. М. Василевская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 24.02.2021. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 7,91. Уч.-изд. л. 8,78. Тираж 100 экз. Заказ 6.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172